

Александр Сурков
Пираты сибирского золота

*Посвящается малоизвестному поэту и прозаику,
моему деду Николаю Алексеевичу Карпову*

Александр Сурков

ПИРАТЫ СИБИРСКОГО ЗОЛОТА

Роман

Часть 1
(1840–1916)

Москва
Волшебный фонарь
2009

УДК 882-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
С90

Александр Сурков. Пираты сибирского золота.
М.: Волшебный фонарь, 2009 — 272 с.

ISBN 978-5-903505-14-2

© А. В. Сурков, 2009

О романе «Пираты сибирского золота»

Один из первых металлов, с которым познакомилось человечество на заре цивилизации, было золото. Всё, что касалось поисков, добычи, продажи и кражи драгоценного металла, всегда было тайной для подавляющего большинства людей. Тайну охраняли служители культа, древние властители, чиновники императоров и вожди тоталитарных режимов.

Судьбам и деяниям узкого слоя людей, посвятивших себя золоту и его добыче в суровых условиях Восточной Сибири, посвящены две книги, написанные человеком, уже более 30-ти лет занимающимся поиском и оценкой россыпей этого благородного металла. Первая книга под названием «Пираты сибирского золота» охватывает отрезок времени с 1830 по 1916 годы. Действие происходит в Олёкмо-Витимском крае. Тогда в этих местах стали находить и добывать золото. Разные люди — от бывшего кавалергарда до беглого каторжного — втянуты в череду захватывающих приключений.

Вторая книга — «Тихие труженики и пираты сибирского золота» — описывает события, происходившие в тех же краях с 1917 по 1987 год. Это приключения геологов и старателей, волею судеб вовлеченных в интригу вокруг старинных золотых кладов и разработок. Необычные, часто забавные случаи в тайге сопровождают увлекательный и опасный процесс охоты за золотом, которую ведут очень разные по характеру, образованию и образу жизни люди.

Оба приключенческих романа имеют огромную познавательную ценность, поскольку все упомянутые в них реалии «золотой геологии» и практической добычи металла строго научны, а сюжет соткан из событий, имевших место в действительности.

Эксперт по геологии и минералогии
россыпей золота и алмазов,
кандидат геолого-минералогических наук

А. В. Сурков

Предисловие

Настоящее произведение крупного российского геолога Александра Владимировича Суркова, специалиста по россыпям золота и алмазов, имеет познавательную историческую основу, замешанную на авантюрно-приключенческом жанре.

Много лет проработав в экспедициях по нашей необъятной стране, общаясь с огромным кругом самых разных людей, в разных жизненных ситуациях, обладая хорошей памятью, автор накопил огромное количество баек, легенд, воспоминаний о самых неожиданных житейских и производственных ситуациях, связанных с поиском и старательской добычей золота. Как геолог он участвовал в экспедициях в Саяны, на Алтай, Урал, Хибины, в Приморский и Хабаровский край, Якутию, на Чукотку, Камчатку, Сахалин и Курилы, Колыму, в Среднюю Азию, Монголию, Гвинею, Анголу, а также на Мёртвое море. Им написано 130 научных статей и изданы 2 книги по геологии россыпей золота.

В 1980 году Александр Владимирович Сурков защитил в Московском геологоразведочном институте диссертацию на соискание учёной степени кандидата геолого-минералогических наук. В его послужном списке зафиксированы все геологические должности от старшего коллектора, старшего техника, прораба, начальника геологической партии до главного геолога в центральном аппарате Мингео РСФСР.

Книга может быть интересна широкому кругу читателей и особенно юношеству. Она информативна, и в ней написано о том, что не ведомо многим людям.

Доктор геолого-минералогических наук,
профессор МГГРУ им. С. Орджоникидзе

П. П. Ясковский

ОГЛАВЛЕНИЕ

Две фляжки со спиртом и золото	9
Верный человек	22
Беседа Сурова со старцем Василием	37
История старца Василия	41
Шахта на золотой жиле и ручей Порожистый	45
Скелет человека и самородок золота	52
Василий и Егорыч	59
Набег хунхузов на прииск	67
Фрол	93
Михей	104
Тетрадь горного инженера-геогноза	110
Джао Косой и Василий	113
Одиссея Федьки-Корявого	119
Тимоха	128
Василий и Тимоха	137

Федька Корявый и Тимоха

149

Заброшенное зимовье

160

Тайна нарымского купца А. Д. Родюкова

167

Я не вор — я пират

202

Аромат жасмина и подлая жестокость

из-за золота

213

Как случилось, что Джао Косой не погиб

226

Странная вещица

234

Тайное расследование старца Василия

239

Заботы старца Василия

242

Всеволод (Сева) — внук старца Василия

247

Заветная карта, подсвечник

и икона старца Василия

251

Новый Тимоха

255

Конец старца Василия

257

Две фляжки со спиртом и золото

Это случилось после того, как в 1812 году в действие вступил указ российского Сената, предоставлявший всем российским подданным право отыскивать и разрабатывать золото, реализуя его самостоятельно, а в 1838 разрешена добыча золота на казённых землях Сибири не только потомственным и личным дворянам, но и почётным гражданам, белому духовенству и купцам первой гильдии.

У именитого купца первой гильдии Сурова Константина Демьяновича был праздник по поводу возвращения из-за границы сына Александра, где тот обучался металлургии и горному делу. Высокий, сутулый юноша, пребывавший в той поре в состоянии перехода в мужскую статью, он был широкоплечий с крепкими руками и тем задумчивым блеском в глазах, который выдавал быстрый и острый ум. Дородный, кряжистый, его отец, хитроват по натуре, в свои 57 лет гляделся молодожаво и, радостно глядя на сына, думал: «Вот молодец, хорошим компаньоном будет. Есть кому оставить дело».

А дело у Константина Демьяновича образовалось немалое. Имея собственный каменный дом со складами и конторой в Бодайбинской резиденции (Бодайбо стал городом только в 1903 г), он фактически держал в своих руках снабжение и торговлю района ближней, средней и дальней тайги всего Олёкминского золотопромышленного района. В его же руках была и винная торговля,

дававшая в этом бесшабашно-диком краю доходы, сравнимые разве что с добычей золота на богатейших приисках, которые возникали в дебрях непроходимых чащоб как грибы после летнего тёплого дождя.

По правде сказать, существенная часть начального капитала Сурова-старшего была нажита благодаря скупке золотого песка у старателей-одиночек в то время, когда на это он не имел никаких прав, а был одним из многих мелких купчиков, промышлявших доставкой хлеба в эти дремучие и неосвоенные места. Он вспомнит случай, когда в корчме к нему подсел замурзанного вида мужичок и предложил купить полпуда золотого песку по частям, то есть не за один раз. Константин Демьянович из интересу попросил показать ему товар. Старатель сперва предложил взять штоф хлебного и закуски. Когда они выпили, бродяга заметил, что он купца знает, по разговору мужиков тот-де ведёт дела без обману, и назвал известного в этих местах Федьку Корявого, который в прошлый сезон продал Демьянычу полфунта шлихового золотца.

Константин Демьяныч вздрогнул, лицо его словно окаменело. Он спросил продавца, ведомо ли ему, что за подобные дела и разговоры бывает? Таёжник с улыбкой отвечивал, что не только ведомо, но и его лет 6 назад приковали к тачке для подвоза породы на кабинетном прииске. Он бежал, добрался до Бодайбо и здесь золотничает по-маленькому, а в товарищах у него тот самый Федька Корявый. Загородившись от сидящих поодаль и совершенно пьяных к этому времени посетителей, лесной человек, назвавшийся Тимохой, вынул из-за пазухи узелок и кисет для махорки с китайскими иероглифами. Купец взял в руку узелок размером чуть меньше бильярдного шарика и по его тяжести понял, что это весит около килограмма.

— Что, тяжёлый? — осклабился Тимоха и добавил: — Металла здесь 2 фунта 60 золотников и 32 доли.

Обычно Константин Демьянович скупал золотишко очень малыми количествами по 10–30 золотников.

Прошлогодняя покупка у Федьки Корявого была крупной, а сегодня ему предлагают значительно больше. Подсчитывая в уме, сколько он выручит за это золото и сколько заплатит продавцу, он увидел, как Тимоха, открыв кисет, высыпал на ладонь, согнутую в пригоршню, 5 кусочков, тускло блестящих золотом. «Самородки, — мелькнуло в мозгу купца. — Не менее полфунта по весу», — отметил опытный глаз.

Тимоха проворно ссыпал самородочки в кисет, забрал у Демьяныча тряпичный узелок с металлом, сунул за пазуху, застегнул косоворотку и жилет, вопросительно взглянув на купца. Ну и что, мол?

— Сколько хочешь за товар? — волнуясь, выдохнул Константин Демьянович.

Оба знали государеву цену. За 1 золотник давали 3 рубля 55 коп. Стало быть, 1 фунт по этой цене тянул на 1454 рубля.

У Тимохи здесь было почти 3 фунта металла, что стоило около 4400 рублей. Тимоха молчал. Взяв себя в руки, купец предложил, чтобы Тимоха поутру явился в контору, служащих он отправит по делам, там и поговорим о цене. Здесь торговаться не место — глаз и ушей много, а уж за разговором под солёные грибочки и винцо сладим дело.

— Не обманешь? — с тревогой спросил Тимоха.

Купец хотел двинуть вопрошающему в морду, однако сдержался и хрипло прошипел:

— Раз ты знаешь о моих делах и сам пришёл ко мне, то будь в надёге.

На том и расстались. Тимоха из горла допил остаток водки, взял кусок лепёшки и, зажёвывая выпитое, удалился.

Константин Демьянович в задумчивости приказал подать ещё полштофа с икоркой и луком и стал прикидывать. Три фунта золотого песку — это сезон мытарств на небольшой россыпхе золота. А полпуда? Или Тимоха набрёл на богатую яму и намыл «дикое золото», а стало быть, там ещё есть. А вдруг крупная богатая россыпь с многими самородками? Нет, этого Тимоху надо пригреть, напоить и попытаться узнать, откудава золотце. А вдруг у него ещё более крупная заначка в металле имеется? Деньги у купца были, он мог скупить таких Тимох со всеми их потрохами. А может, разыскать этого Федьку Корявого, но что-то в посёлке его уже давно не видели. А может статься, что золото Тимохино запачкано кровью? Демьяныч перекрестился. Выпитая водка почти не брала. Мозги работали как счёты. С каждой отщёлкнутой костяшкой набегали новые (а может быть, и давно забытые) то ли воспоминания о чём-то, то ли реально бывшее, а может быть, что-то такое, что и сам хозяин страшился вспомнить. Очнувшись от гама в кабаке, он кликнул полового:

— Шустовского и балычку!

Со скоростью белки человек исполнил и удалился. Сотка коньяку дала тепло и ещё большую чёткость в тяжелеющей голове. «А вдруг этих варнаков (Тимоха и Федяй Корявый) целое кумпанство и при расчёте за металл они меня того?» — мысль купцу не понравилась, хотя в глубине подсознания всё же свербила какой-то неотвратимой правдой.

Взяв ещё фужерчик и без смаку закусив балычком с лимоном, Суров истово закрестился, так как всплыло, помимо его воли, то, о чём он зарёкся вспоминать. Это видение прошлого проявилось с такой отчётливостью и ясностью, как будто случилось не 30 лет назад, а только что.

Нагрузив пароконную телегу на мягком ходу мешками с луком, среди которых схоронил четверть спирту, он отправился в свою первую, а может быть, последнюю поездку к дальнему таёжному приисковому посёлку, где, по сведениям от верного человека, мешок муки стоил сумасшедших денег. Штоф водки — столько золота, что можно было рехнуться. До прииска было 500 вёрст с гаком, но желание выбиться в люди было крепче, и, вложив последние (себе оставил малость) деньги в дело, стянув у подгулявшего на почтовой станции офицера револьвер и запасшись острым, с костяной ручкой ножом, который хранил в сапоге, Костя (так по тем временам его кликали) отправился в тайгу. Верный человек нарисовал на двух бумажках картинку, да куда, да где, да какие реки, ручьи, сопки, гари, займки, ключи и гати. Особо рассказал, где места безлюдные, а где надо опасаться варнаков и разбойного люда. Посоветовал в торбу с припасом положить две фляжки со спиртом. Одну обтянуть кожей, а вторую, из жести, снабдить ядом. За три штофа хлебной бумажку с этой отравой тут же и вручил будущему скитальцу. На вопрос, когда и кому сподобить отраву, ответил кратко:

— Сам смекнёшь!

Первый и второй день пути были обыкновенные. Разухабистая грунтовая дорога тянулась то ельниками, то гарями. Подъёмы сменялись спусками, когда впереди открывались огромные пространства с тёмными сопками и холмами. По безветрию в низинах одолевала мошка. На ночёвку загонял телегу так, что с дороги малого костерка для чая видно не было. Лошадям на морды вешал торбы с овсом и крепко привязывал к деревьям.

На третий день дорога шла меж горелых сопок с чёрным сухостоем и страшными сухими корягами. Здесь была гнетущая тишина. Ни те птиц и зверья какого. Даже мошки здесь не было.

Лошади уныло двигались, телега то скрипела, то стучала на ухабах. Костя что-то мурлыкал себе под нос. Вдруг вознице что-то почудилось — звук что-ли какой или шум. Остановив лошадей, он прислушался. Потом вдоль дороги взбежал на ближайший бугорок и, прислонившись к обгорелому дереву, увидел внизу небольшую ватагу людей с котомками, в зипунах, малахаях. Их было четверо — у двоих за плечами ружья. В сапогах один, остальные невесть в чём — не разглядишь. Бородатые по самые глаза и только тот, что в сапогах — с чистым лицом. По походке видно, что шли давно. Звук усиливался. Видно, что-то пели то ли лихое, то ли грозное. Встреча в глухом месте с целой компанией невесть каких людей требовала поосторожиться. Бегом вернувшись к лошадям, Костя быстро сунул пистолет за пояс под суконную робу, потрогал ручку ножа за голенищем, уселся сверху на телегу и тронул коней навстречу. По мере подъёма на взгорье сердце колотилось всё сильнее. Что-то будет...

Солнце уже перевалило далеко за полдень и грело спину вознице.

Встретились почти на взгорке, когда до возницы стали отчетливо доноситься слова песни:

— ...Если наша доля да в тайге пропасть...

Мужики остановились, замолчали. Остановил лошадей и Константин. Ружей с плеч не сняли, а увидев, что возница и вообще без оружия, заулыбались, и безбородый, поздоровавшись, спросил:

— Куда путь держишь, хозяин?

— Да вот хлебушка на прииск везу, а вы отколо и куда?

— Дело хорошее, на прииске хлеб-то кончился ещё в прошлом месяце, едят мясо да грибы с ягодами, — ответил безбородый за всех. — Вот вишь напасть какая — две лошадки были, да одна на переправе поскользнулась да её и унесло, а вторую ночью пастись отпустили, так её

медведь задрал, вот и идём пеше втору неделю. Охотой да лесным кормом живы. Хорошо, что чай да соль остались при нас впотьмах, а то бы совсем кисло было. Скажи, любезный, а у тебя чай хлебца-то нет? Мы купим, не сомневайся.

У Кости 10 краях хлеба были завернуты специально для дальнего пути, да ещё 2 мешка сухарей имелось в запасах.

Народец стоял поодаль, не хамил, разговор шёл спокойный, вид у них был простецкий, видно было — трудяги, однако хлебнувшие лиха. Начатую краюшку хлеба он отдал им сразу. Мужики радостно сбросили котомки, которые с глухим стуком упали у дороги, положили ружья, безбородый достал нож, поделил хлеб на четыре ровных ломтя. Не торопясь, каждый взял свою часть, присел на корточки и медленно, с великим удовольствием начал есть.

Откусив по 2–3 раза, люди аккуратно положили остатки в карманы и решили пить чай. Задымился костерок, у возницы был чай в пачках, ватага же имела плиточный. Заварили Костиного, а когда он принёс сахар колотый, народ заулыбался. Однако сахарку-то, почитай, месяца три не видали. За разговором Константин выяснил, что это малая артелька старателей. Нашли ручеёк со щёткой*, с 25 аршин с этой щёткой, что на дне ручейка, взяли более 100 фунтов шлихового золотишка. Костя смекнул про себя, это ведь более 40 килограммов драгоценного металла. В деньгах выходит почти 60000 рублёв. Во класс! Костя рассказал про себя, как вёз муку до посёлка, да сколько отдал за лошадей, телегу, всё как есть. Солнышко уже садилось и все решили заночевать, сварив на ужин каши и сдобрив её подсолнечным маслом из запасов возницы. Ночи уже были прохладными,

* Щётка — вертикально или почти вертикально залегающие тонкослоистые горные породы, по поверхности которых течёт ручей или речка (ловушка для золота).

а посему сделали хорошую нодью* из толстых сухих лесин и стали было укладываться. Костя «вспомнил», что у него пара фляжек с хлебной, и хоть это на пятерых маловато, но для сугреву будет в аккурат. Мужики в части водки постились уже не менее 3-х месяцев и это известие восприняли с удивительным воодушевлением, достав из одной котомки сложенную в туесок черемшу на закуску. Ещё одна краюшка хлеба была нарезана и полита маслом. Костя принёс обтянутую кожей фляжку и только хотел разливать, как безбородый строго попросил:

— Хлебни-ка ты из неё первым, хозяин!

Вот когда Костя понял, кем на самом деле был его «верный человек», и сделал хороший глоток, закусив хлебушком с черемшой. Мужики молча сглотнули слюну, уставившись на счастливца. Минут эдак через 15 безбородый сам аккуратно разлил по булькам (посуда была разная) хлебную в пять кружек, встал и сказал:

— Господь помог с фартом!**

Все перекрестились и, в отличие от Константина, который единым махом выпил свою, медленно, смакуя каждый плоточек, буквально цедя, осушили свои кружки. Крякнули, степенно закусили. Разговор потёк веселее. Естественно, все стали сетовать, что хорошо, но мало. Кое-кто оставил не доеденный закусь. Наш герой больше слушал, отвечал на вопросы односложно, пребывая в странном состоянии, достать или не доставать ту самую вторую, «грязную» водку. Что будет, если и её заставят пить первому? Однако мужики захмелели. Видать, слабы на водочку, коль с малой порцайки так шумят. Не осознавая себя, хотя прибытие уже посчитал, он ещё раз «вспомнил», что на крайний случай есть у него малость, но попросил за неё (эту малость) денег. Как ни как, он торгует, и встречающая бригада ему не родственники. Безбородый сунул руку в тужурку и сказал:

16 * Нодья — вид костра.

** Фарт — удача, везение старательское.

— Лови! — бросив в Костю комочек размером с еловую шишку. От волнения не сумел поймать брошенное и эта «шишка» глухо стукнулась о землю, упав возле него.

Взяв комок в руку, про себя отметил — тяжёлая — золотников 6* будет, встал и направился к телеге. Залез под рогожу, которой были укрыты мешки с мукой, нащупал жестяную фляжку. Показалась она ему, что те пудовая гиря, а в голове стучит: «Душегуб, душегуб, антихрист рода человеческого, что ж ты делаешь...», а сквозь стук из-под мешков краешек золотого солнца выглядывает и под рогожей его подлость освещает. Всё это длилось не более полминуты и трясущимися руками он вытащил флягу и спрыгнул с воза, высоко держа её над головой под одобрительные крики артельных.

Безбородый поднялся навстречу, выхватил флягу из Костиных рук и, сказав, что братцы впервые в этом сезоне пьют на свои кровные, со скоростью молнии разлил в метущемся пламени костра, опять же по булькам, всю фляжку до дна. Все встали и приникли к сосудам с отравой. Костя стоял сбоку и, подняв кружку, когда все пили, пролил её мимо рта на землю. За треском костра звука льющегося никто не услышал.

Все уселись вокруг огня на расстеленную одежду, опершись на котомки, и заговорили разом. Про Костю, казалось, забыли, и он тихо отошёл к телеге, поправил рогожу. Лошадей он выпряг раньше и задал им овса. Под прикрытием воза перешёл дорогу и, крадучись, стал уходить в тайгу. Он буквально крался, стараясь не наступить на сучок, а у костра уже запели какую-то песню. В голове снова застучало: «Душегуб, душегуб, ирод...» Золотое солнце стало чёрной луной. Голоса как-то вдруг стихли. Мёртвая глухая ночь заполонила всё пространство вокруг. Стало холодно. Сырой туман каплями росы упал на всю чудовищно чёрную темноту. Споткнувшись, беглец

свалился в яму под вывороченными корнями ели и затих, уставившись в небо, где сквозь ключья тумана металлом с синим и зелёным отливом как-то неестественно ярко загорались и гасли, мерцая и переливаясь, бессчётные звёзды. Тишина ничем не нарушалась. Яркой полосой, мелькнув только на миг, упала звезда, за ней вторая, третья и через более длинный промежуток — четвёртая.

Костя знал — дед рассказывал о том, что если упала звезда, то умер человек. Холодный пот прошиб не только тело, но и душу. Мерзко застучали зубы. Он всю ночь провертелся под корягой, а когда с рассветом вылез, весь в глине и чёрных пятнах от головешек, на земле лежал иней. Идти или не идти назад к месту ночёвки? Холод уже настолько одолел его, что, когда он пытался расстегнуть одежду и достать револьвер, пальцы его не слушались. Над сопкой показался край солнца. С револьвером в руке он медленно подходил к бивуаку. Из-за телеги с мешками к небу поднимался дымок костра. Тишина давила. Он, таясь, выглянул из-за воза. У ещё тлеющего костра в разных позах лежали люди, но только трое. Четвёртого на месте не было.

Там, где он должен был лежать, видна была котомка. Варнак оглянулся. Сзади никого. Он медленно прошёл вдоль дороги, сжимая револьвер окоченевшими руками. Справа и слева только гарь. Он прошёл вперед, потом вернулся по дороге назад. Никого. Остановившись у телеги, он, прижимаясь к ней, стал двигаться вдоль. Голова стукнулась о что-то твёрдое. Он отскочил и, споткнувшись, упал. Подняв глаза, увидел свешивающуюся с воза ногу в сапоге. Нога не двигалась. Он встал, выставил руку с револьвером вперёд и ткнул стволом сапог. Сапог был каменным.

Тут силы покинули злодея. Он сел на землю под возом со свешивающимся с него сапогом и заплакал с подвыва-

нием, утирая слёзы и сопли рукавом. Это было облегчение, да и солнце стало пригревать. Встав, как в бреду, он, не таясь, подошёл к костру, потрогал лоб одного из лежащих и, почувствовав могильный холод, отдёргнул руку. Двоим он закрыл глаза, потом залез на воз и, убедившись, что безбородый так же, как и три его товарища, холодны, как лёд — скинул его с воза.

После того он вынул из-под воза лопату, оглядевшись, направился к вывороченному корневищу огромной корявой, обгоревшей в таёжном пожаре ели. Длина ямы была почти полторы сажени* и глубиной в полсажени. Поработав часа полтора и углубив яму, он сволок трупы, уложил их на бок плотно друг к другу. У безбородого он нашёл пакет из плотного картона, в котором обнаружил карту. Там же были бумаги, которые он, не глядя, бросил на угли догорающего костра. После того забросал землёй яму, разровнял землю и, утопав её, присыпал головешками и горелым мхом. Два ружья отнёс подальше на гарь и повесил стволами вниз так, что со стороны дороги их не было видно.

Оставшуюся у костра одежду бросил на угли, а котомки стащил в одно место, кружки отнёс к другому упавшему дереву и закопал в яме. Солнце уже стояло высоко, когда он умылся, почистил одежду, попил чаю и развязал одну из котомок. В котомке лежал сатиновый мешок, перевязанный сверху дратвой. Дернув за неё и размотав, он раздвинул ткань. В лучах солнца золотистым цветом со слабым зеленоватым оттенком заблестел металл. Он поднял котомку — тяжёлая, фунтов на 30** потянет. Остальные три, отличаясь по ткани, из которой были сделаны мешки, по весу были почти аналогичны первой.

Костя понял, что если всё останется шито-крыто, то он из начинающего купчика станет Константином

* 3,2 м.

** 12 кг.

Демьяновичем и купцом первой гильдии, что было делом его мечтаний.

Он в одну ночь стал богатым человеком. Стоимость его воза с мукой — мелочь, однако, как поступить дальше, следовало очень и очень хорошо подумать.

Если бросить здесь муку и вернуться с золотом в посёлок, где он снаряжался в дальний путь на прииск, это вызовет подозрение. Полицмейстер его предупреждал, что в тайге очень балуют варнаки и беглые колодники. Предлагал охрану, но у Кости не было денег чтоб её оплатить. Опять же сдавать такое количество металла в посёлке — исключено. Прав на разработку прииска у него нет. Откуда золото? Вариант не подходит.

Надо решить вопрос так, чтобы ни у кого и сомнений не было бы в чистом и честном прибытии купца.

Константин Демьянович (так вдруг стал сам величать себя Костя) придумал.

Из одной котомки он отсыпал в полотняный мешочек из-под крупы приблизительно 2 фунта золотого песка. Остальные тщательно завязал, нашёл место, где четыре толстых обгорелых пня стояли, образуя четырёхугольник наподобие ромба, а почти в его центре был старый гнилой пень почти вровень с землёй. Осторожно разобрал этот пень, вырыл под ним яму глубиной примерно в 15 аршин. Обложил яму корой в два слоя, заложил мешки с золотым песком в неё. Сверху наложил сучков, которые в виде крыши со скатами также покрыл обожжённой корой и, засыпав глиной, водрузил сверху остатки старого пня, как это и было. На обратной стороне карты нарисовал схему расположения тайника.

Ещё два дня прожил он в этом месте, ночуя у костра, и всё для себя решил окончательно. На дальний прииск не поедет. В полутора суток пути есть стойбище якутов. Он туда доберётся и попробует сменять или продать или дать в долг под будущую пушнину или мамонтов зуб имею-

щуюся муку, и через месяц-полтора, как выйдет, вернётся в посёлок. А там как Бог даст.

Всё получилось лучше, чем он задумал. В стойбище, куда он прибыл, за муку он выгодно сменял беличьи, соболиные и норковые шкурки. Местные из лиственницы срубили ему балаган, печку он сделал сам. Построил, вернее, местные построили ему крепкий лабаз для товара. Короче, он открыл факторию, нанял сторожа и сметливого парня — привозчиком, а по снегу вернулся назад с полной удачей предприятия.

Нельзя сказать, что совесть его не беспокоила. Однако шло время и всё было тихо. Слухи ходили лишь о том, как он обустроил факторию, на которую он раз в три месяца наезжал с товаром и проверял своих работников.

Золотишко он постепенно вывез. Покупал песок по хорошей цене солидный скупщик, и не в посёлке, а в Екатеринбурге, куда он раз в год ездил и где у него был куплен дом.

Он страшно не любил вспоминать эту историю, так как считал себя честным купцом, которого ко времени, описанном в начале нашего повествования, уважали и ценили за твёрдое слово и педантичную обязательность в делах.

Карту, полученную в те жуткие дни, он понять не мог, хотя догадывался, что на ней есть те места, откуда угробленные им бедолаги-старатели намыли золотишко. Он надеялся на сына. Нутром он понимал, что без знания горного дела и геогнозии, как тогда называли геологию, стать крепким законным владельцем приисков невозможно. Именно поэтому он послал его учиться за границу и теперь думал о том, как он введёт его в свои дела, передаст карту, а тут ещё этот хитрован Тимоха. Да ладно, может, всё это один к одному, и у Тимохи есть заветные места с богатым золотом. Он позвал полового, рассчитался, дал на чай труднику и кликнул Семёна — извозчика со своей коляской, ждавшей его у корчмы.

Верный человек

Суров ехал домой и никак не мог сосредоточиться на какой-то одной мысли и отключился от их роя, когда коляска остановилась и дворник открыл ворота и, пропустив упряжку, закрыл снова. На небольшом внутреннем дворе в конце хозяйственных построек стоял маленький рубленый домик. В нём проживал немогущий старик, вот уже добрый десяток лет не выходящий за пределы двора на улицу. Специально приставленный к нему слуга полностью его обихаживал, принося еду с хозяйской кухни. Старик приволакивал левую ногу, сквозь копну седых волос и аккуратно постриженную бороду глядели жёлтые умные глаза, чем-то напоминавшие глаза рыси. По его облику чувствовалась властность и бывшая, ныне ушедшая сила.

В посёлке о старике знали, что это родственник Сурова — разорившийся на карточной игре в столице брат его покойной матери, которого купец поселил у себя, милосердствуя Христа ради.

Наличие подобных приживал ни у кого не вызывало удивления — дело обычное. Домочадцы знали, что старик нелюдим, молчалив, беззлобен и богобоязнен. Большую часть времени он проводил у иконы с дорогим окладом из золота и крупных драгоценных камней. В его небольшую светёлку запросто входил только сам хозяин.

Слуга же, оставляя в прихожей еду и то, что требовалось деду, права входить в светёлку не имел. Только однажды Шак (так звали слугу) в трактире, по глухому загогу (гулял с местным околоточным), под большим секретом проговорился о том, что видел, как хозяин мо-

лился вместе со старшим. Шак знал также, что временами, за разговором, особенно после бани, Демьяныч со стариком крепко пили, но никогда не ругались. Всегда разговаривали вполголоса.

Несмотря на поздний час, Суров направился во флигелёк к старцу. Судя по свету в оконце, тот ещё не ложился.

По жизни вышло так, что столкнула их какая-то не то напасть, не то длиннющее невезение по очень узкой дорожке при обстоятельствах, о которых говорят: «Пан или пропал», не то что-то мистическое — «совпало». Случилось так, что Константин Демьяныч сам уже вошёл в силу и имел не менее 60 подручных, состоявших на его жаловании, управлял хлопотным хозяйством.

Однако временами, когда уставал от дел, отправлялся на таёжную заимку и неделю рыбачил, охотился и спал всласть, забыв о хлопотных и долгосрочных делах. Однажды, подранив оленя, он пошёл по следу и забрался в такие дебри, каких ранее и не видывал. Замшелые стволы векового листвяка, с веток которого спадали занавески из полупрозрачных зелёных лишайников, огромные зелёные сверху валуны размером с полтинник, мрачная тишина которых давила как в царстве Кощея, шум ветра где-то в верхушках гигантских деревьев — всё это делало окружающее нереальным. След оленя исчез. «Кривой нога ходил» — вспомнил он присказку местного якута, когда тот терял тропу в буреломе. Фляжка с шустовиком висела на боку, спички были и через малое время перед квадратным камнем весело засветился костерок. Ночь прошла без приключений, если не считать мерзкого уханья филина под утро. В случае, когда человек заблудился в тайге, надо искать ручей и двигаться по нему до речки, в которую он впадает. Это охотник знал. Так и сделал. Однако ручей вывел его не к речке, а к болоту,

на берегу которого явственно чувствовалось недавнее пребывание людей. Угли от костра на берегу были тёплые. Две ошкуренные лесины и два вбитых кола, соединённых вверху горизонтальной слегой, обозначали место стоявшей здесь палатки. Примятый мох, свежие щепки, куски верёвки, обглоданные кости, разбитые с одной стороны чем-то тяжёлым и, наконец, четыре пустые, тёмного стекла бутылки со знакомыми ему бумажными наклейками — спирт — не оставляли сомнений о том, что только что здесь были люди.

Он подошёл к краю болота. «Зыбун, я утопну», — подумал следопыт. Он вздрогнул, когда в хрупкой тишине раздался хриплый неестественно булькающий стон. Повернув голову на звук и сняв с плеча карабин, увидел лежащую на поверхности болота голову несомненно человека с задранной кверху бородой. Голова то ли рычала, то ли хрипела, и принадлежала живому человеку. Суров быстро схватил две ошкуренные лесины, кои приметил, осматривая стоянку, связал их вместе и концом верёвки привязал к обломку лиственницы на берегу. Сбросил куртку, сапоги, порты и, держась за деревяшки, спустился в болото. Дна ноги не нашли. Добравшись до головы и опустив руку в жижу, он схватил человека и потянул на себя. Это ему не без труда удалось. Пока он тащил страдальца, голова не менее трёх раз хлебнула болотной жижи, но как-то странно каждый раз её выплёвывала. Мужчина, вытащенный на берег, был со связанными ногами и руками. Его трясло и корёжило. Разрезав верёвки, Демьяныч увидел длинного, худого, широкоплечего человека.

Быстро наладив костёр и подтащив к нему болотного сидельца, стал его раздевать. Сам скинул свою робу и порты, и, обтерев трясущегося человека сухим мхом, одел на него снятую с себя одежду, приложил к его сухим губам фляжку с шустовиком. Тот выхлебал остатки

коньяка и, выдохнув, впал в забытие. У берега болота было немного воды. Прополоскав от болотной жижи одежду страдальца, Суров развесил её над костром. Дело было в середине июня и в собственной исподине холодно не было, но одолевала мошшка.

Часа через два человек очнулся и сел. К тому времени его спаситель заварил крепкий чай и высушил одежду. Молча человек снял чужое, обрядился в своё, трижды перекрестился и поклонился своему избавителю.

Всё это происходило молча. Суров знал закон тайги. Пока хозяин не заговорит — гость молчит. Страдалец был уже здесь, когда охотник его увидел. Стало быть, болотный сиделец и есть хозяин сего места.

По разумению Константин Демьяныча, спасённому им человеку было за шестьдесят, хотя дряхлости в нём не чувствовалось. Старик встал, умылся в болотце с жёлтоватой водой, достал из кармана черепаховый гребень и, расчесав волосы на голове и бороду, с улыбкой повернувшись к Сурову, сказал глуховатым голосом:

— Второй раз родился, душевное спасибо, мил человек! Совсем уже нахлебался болотной жижи, если бы не корень вон от той листвяки, — он показал на толстый замшелый ствол дуба, что провис в болотце. — Я его ногами нащупал, а если немного пошевелиться — соскользнёшь, и конец.

Купец подвинул ему кружку с чёрным дымящимся чаем. Старик степенно перекрестился и разом отхлебнул половину.

— Кто вы, почтеннейший, и кой злыдень определил вас в болото?

— Зовут меня Василий Авенирович, а покойный мой батюшка носил фамилию Попов.

Суров слышал о купце I гильдии Авенире Попове, который владел несколькими приисками в средней тайге,

слыл удачным золотопромышленником и разгульным чудаком. В своём доме он устроил комнату с обезьянами и оранжерею с пальмами и банановой травой. Однажды под зиму после особо удачного сезона, когда его прииски дали 46 пудов золота, он напоил в «дым» весь приисковый посёлок, насчитывающий 650 человек только мужского населения. Сам же выехал на главную улицу в коляске, запряжённой шестёркой козлов с крашеными синькой и басмой бородами. Сзади на двух тачках везли бочонки с водкой и как только обнаруживали трезвых, то есть стоящих на двух ногах, тут же, к великой радости людей, поили их до упаду. Когда пьяного Авенира привозили домой, то, проспавшись, он похмелялся и приказывал закладывать карету (так он называл козлиную упряжку) и развезти по питейным заведениям бесплатную водку. К этому моменту у шинков скапливались страдающие похмельем, и всеобщее пьянство снова охватывало весь посёлок. Гульбище продолжалось всю неделю. Прекратил это исправник, поставив охрану у винного склада.

Сына Попова знали меньше, с отцом он не пьянствовал, а всё время пропадал на приисках и был, по сути дела, «главноуправляющим». Раз в два дня он объезжал участки, где мыли золото, и собирал в короб на волокушах* шлих или золотой концентрат, который с помощью доводчика — здорового квадратного с большими руками человека — на заимке, где жил в это время, превращал в чистый золотой песок. Никто не знал, что сын у Авенира Попова был не родной — приёмный, а как Василий Дворжевский стал Василием Авенировичем Поповым, и подавно никто не ведал. Вторая жена Настасья Кузминична считала Василия сыном Попова от первого брака. Сгинул Попов-старший вместе со своей второй женой также в пьяном угаре. После крупного загула, с похмелья,

опять же, придумал он кататься на тройке по весеннему льду реки Бодайбо, да и провалился вместе с лошадьми и санями на глазах у всего честного народа. В это время лёд сдвинулся и навек похоронил упряжку с людьми.

Его сын в это время по ещё державшемуся зимнику отправил обоз с железом и припасом на прииск «Туманный», где он налаживал всё к началу сезона промывки золота. Узнал он о том, что стал единственным хозяином (а не только управляющим) шести приисков, складов с товаром, конторой и крупным счётом в Золотопромышленном банке, лишь когда вернулся.

Разогнав пьяниц из бывшего окружения отца, он переманил из земельного департамента грамотного и серьёзного чиновника, посулив ему жалованье втрое против государственного (кабинетного). Вместе они навели порядок в конторских книгах, заплатили все налоги и повели дело, не уменьшая его, а лишь расширяя.

Константин Демьянович поразился тому, кого встретил в этих пока необъяснимых обстоятельствах. Как судьба разложила ситуацию. Он заблудился, спас человека, да не простого, а крупнейшего золотопромышленника, которого никакие деньги не оберегли и поставили на край жизни и смерти.

— Как же тебя угораздило в болотицу-то? — спросил Суров. — Я ведь сам-то не знаю, куда попал, — заблудился в тайге, а тут вот оказия с тобой.

— А откуда ты пришёл сюда? — спросил старик.

— Да с зимника, что вблизи Каменного распадка. Вырвал седмицу — отдохнуть малость от трудов.

— Дак ты Суров Константин Демьянович — твоё зимовье на Каменном. Слышал я о тебе, — воскликнул дед Василий, — да вот раньше познакомиться не пришлось. А попал ты, друг мой сердешный, в место, что известно как «глухая падь» с Гнилой топью, и до твоего зимовья

отсюда на восход вёрст восемь с гаком. Мало кто эти места знает. Только сейчас здесь где-то недалеко трое варнаков, которые губят людей без крови.

— Это как? — спросил купец.

— Да либо вешают на дереве, либо топят, а хуже того, привязывают к дереву намертво в глухом месте и уходят. И мы пошли отсюда, а то вдруг убивцы вернутся.

Они загасили костёр и двинулись к зимовью. Впереди Василий, а за ним купец с карабином в руках. За полдень и вправду вывел старик Сурова в аккурат к его таёжной избушке.

Здесь у Демьяныча был запас продуктов, кадошки с солёными грибочками, мочёной брусничкой, сало, солонина, хлеб, сухари, копчёный окорок, в общем всё, что надо для безбедного отдыха. Однако, когда уже подходили к зимовью, Суров заметил, что Василий идёт через силу. Должно быть, с голодухи, подумалось ему. Однако старик прилёг на лавку и тяжело задышал, ухватившись за ту сторону своей грудины, где у человека сердце.

— Что с тобой, из такой переделки вывернулся, а тут, когда всё отлично, заплыхел?

— А нет ли у тебя валерьяновых капелек? — сквозь хрип спросил дед.

У Сурова была аптечка, где вместе с пилюлями и порошками были бутылочки с различными жидкостями. Лекарства от всех напастей он содержал в аккуратности в специальном ларце, который купил уже в сборе в аптеке Иркутска года полтора назад. Капли нашлись, и, отхлебнув прямо из флакона, через какое-то время старик успокоился и заснул.

Хозяин занялся приготовлением нехитрой еды. Впрочем, ей мог позавидовать любой из здешних таёжных тружеников. В железные мисочки он разложил крепкие груздочки, боровички, мочёную ягоду, нарезал сала, мед-

вежьего окорока, хлеб большими ломтями, поставил котелок с рисовой кашей, заправленной коровьим маслом. Завершал стол шустовский коньяк и две чарки. Во дворе дымился самовар на сухих шишках, а на завалинке стоял пузатый расписной заварной чайник. Рядом стояла большая пачка чёрного китайского чая и маленькая с зелёным.

— Вставай, Василий Авенирович, откушаем, чем Бог послал! — весело прокричал Суров.

Тот поднялся, увидев стол с едой и коньяком, заметил, что Бог не обходит хозяина своими дарами. Продолжая, грустно добавил, что, дескать отходил он по матушке-тайге, и надо где-то оседать на старости лет, что у него теперь всё есть, а вот силушка куда-то ушла, да и сердчишко здорово шалить стало последнее время. Все прииски и дом с конторой он продал. Остался последний золотой участок — малая россыпуха с богатейшим золотом. Продавать его нет мочи. Прикипел к этому месту.

— Дак ты оттуда возвращался, когда тебя прихватили? — спросил хозяин.

— Истину говоришь, — ответил дед. — Ладно, садись, повечеряем.

Они налили, оба перекрестились на икону в богатом окладе, что висела в красном углу, и степенно выпили. Сначала под лесную закуску, затем под разговор. Тут дед, извинившись, вышел до ветру. Хозяин уже налил из новой бутылки, когда гость ввалился и, зачем-то прикрыв дверь, сказал:

— Тихо, брат — за нами присматривают!

Суров вздрогнул и потянулся к резной полке, где в головах топчана под портянкой лежал револьвер. Старик взял карабин и спросил патронов. Отопнувшись железный ящик под столом ключом (связка висела на поясе сбоку), хозяин сказал:

— Бери.

Дед ловко распахнул обшлага по карманам, одну вставил в оружие, затем патрон в ствол и ещё тише сказал:

— Их трое, вооружены берданками и тесаками! Видно, ждут ночи, варнаки. Сейчас не сунутся, ещё светло. Ишь, подгадали.

Два оконца зимовья, одно из которых выходило на восток, другое — на запад, открывали поляну с домиком, за которой начиналась с одной стороны тайга, а с другой — пологий откос к реке.

— Как же ты их углядел? — спросил Демьяныч.

— Лопухи под ёлками шевелились.

— Ну и что будем делать? — осведомился купец, вытаскивая из старого валенка, пара которых лежала под топчаном, ещё один револьвер. — Держите-ка. Управляться с сим железом можешь?

— Не сомневайся, — сказал Василий и крутанул барабан. — Ну ты, купец, жох — целый арсенал здесь держишь.

— А то, когда один — всякое может случиться, — буркнул Демьяныч.

— Эти хлюсты сейчас держат под приглядом окна и дверь. Вот кабы с севера выбраться наружу, да тайгой, то мы бы были в лучшей диспозиции, — предположил Василий.

— А что, можно, у меня есть лючок на чердаке, а сзади дверца и лесенка с северной стороны, там ползком вдоль низкого полисада и к родничку, что в кедровом стланике, а далее можно и в полный рост в молодом ельнике, — объяснил путь решения проблемы хозяин.

Толстую дверь заложили щеколдой со сторожком, подняли лючок на чердак. Первым вылез в темноту под крышу хозяин, принял оружие, приоткрыл створку дверцы на чердаке наружу для свету и когда товарищ, кряхтя, влез, закрыл лючок и замкнул петли мощным замком.

— Ишь ты, ни одна петля не скрипнула, уважаю, — сказал как-то сразу помолодевший старик.

Они выбрались, не забыв закрыть и дверцу чердака на хитрый замок иноземной конструкции.

Суров не открыл неожиданному другу, что зимовье имеет и подпол с погребом и норой длиной около 40 саженей, выводящей ниже родника к здоровому пню, под которым был спрятан выход. Здесь, в норе, а вернее в лазе, ближе к выходу у купца был тайник. В нём лежало золото, плавленное из золотого песка. Без малого 10 пудов, на чёрный день. Случаи принесения хозяину сего металла были разные. О некоторых он не хотел или, вернее, страшился вспоминать, и всякий раз крестился, прогонял наваждение. На этой поляне вблизи зимовья на трёх близкорастущих деревьях в густых ветвях лиственниц, на высоте трёх человеческих ростов, был сделан скрадок для охоты на сохатых. Вот туда пошли герои и влезли. Огляделись. Вороги в зимних шапках были как на ладони.

— Давай из карабина их пощёлкаем, — предложил Суров.

— Не-а! Одного щёлкнем, а ещё двое убегут. Их надо сразу и всех. Это ведь те, что меня топили в болоте, я их по одежке узнал издаля. Сейчас, паря, или они нас или мы их — другого не дано, — очень строго с придыханием изрёк Василий.

При этом Демьяныч нутром понял, что его напарник что-то не договаривает. Ведь он так ничего не рассказал, как его прихватили и за что пытались убить. Вдруг в полной тишине затрещала кедровка. Наши всё зорче вглядывались в супротивников и заметили, что те покинули свои лежаки, с которых следили за домом, и собрались вместе за вывороченным корневищем на прогалине. Сидя на корточках, что-то горячо обсуждали, жестикулируя

руками, а потом, слегка наклоняясь вперед, пошли по прогалине прочь от поляны.

— Во дела, — тихо проговорил Василий. — Ну, с Богом, и нам надо за ними. Нече ждать темноты.

Практически не таясь, они обошли поляну, зашли в лес и пошли параллельно прогалине по звериной тропе. Чуть впереди шёл старик. Он поднял руку и сразу же присел. Приблизительно в версте от поляны с избушкой в лощинке они увидели почти бездымный костерок и сидящих у костра варнаков.

— Ну, Костя, теперь грех их не сподобить. Только тихо.

Ветер, который зашумел в вершинах деревьев, скрадывал треск от сухих сучков, на которые оба, впрочем, почти не наступали.

Договорились стрелять разом из пистолетов. Прячась за деревьями и перебегая от одной лесины к другой, они вплотную приблизились к костру. Спокойный разговор у огня отчётливо был слышен.

— Ну ты, Федот, и гласт. Как заметил этих двоих.

— А ты, Кондрат, бестолочь, я же те говорил, глянь — потонул или нет. Поленился ты. Твою долю уменьшаю, — сказал третий.

Было видно, что он вожак. Наши засадники ждали момент, так как двое сидели к ним спинами, а вожак с другой стороны костра напротив. Темнело явно и быстро. Расстояние между Василием и Суровым было саженей двенадцать. Они всё время переглядывались. Но вот Василий махнул рукой, и оба враз бросились вперед. Суров споткнулся, но не упал. Василий уже стрелял. Двое растянулись на траве сразу. Третий откатился к ружьям, но пуля Демьяныча попала в ложе, и этот варнак вскочил и бросился в тайгу, петляя, как заяц. Два ствола в четыре выстрела достали его.

— Ух, — выдохнул старик и уселся на какую-то лесину, держась за сердце.

— До дома-то дойдёшь?

— Дойду, только вот отдышусь, — сказал тот, доставая склянку с валерьяновыми каплями и прикладываясь к ней.

— Пойди, глянь, если кто живой, добей, — жёстко сказал старик, — а то беды не оберёмся.

Через минуту у костра раздался выстрел из пистолета, и снова стало тихо. Оба стояли у огня и глядели на то, что три минуты назад было людьми.

— Ну-ка, погляди, что у них за припас.

Василий разрезал ножом одну из котомок. Из неё посыпались самородки размером с пригоршню и более мелкие больше ногтя.

— Ну вот моё золотище нашлось.

Во второй котомке был бакалейный припас, а в третьей — толстая клеёноччатая папка с тесёмками.

— Ну вот и другая пропажа, однако подороже будет, чем самородочки. Здесь, Константин Демьянович, опись всех приисков с картами по дальней, средней и ближней тайге Витимско-Олёкминского края.

Суров начинал понимать причину того, что произошло с Василием к моменту их встречи.

— Этих, — сказал старик, — надо сжечь. Здесь есть подходящая яма с валежником, видать бывшая медвежья берлога.

— А тайга не загорится? — спросил напарник.

— Ну, малость погорит, ветер-то к реке, в ночь гроза будет. Само погаснет.

Они перетасили трупы к яме, уложили их в ряд на валежник, рядом положили ружья, пустые котомки, котелок. Натаскали в ночи ещё валежнику, прикрыв им тела. Подожгли это со стороны ветра и, не оборачиваясь,

направились к зимовью, прихватив с собой найденное у варнаков добро Василия Авенировича. По дороге тот рассказал, что, когда его захватили нынешние погорельцы, у него была вьючная лошадь. Она-то и выдала, заржав в таёжной тишине, и приманив таким образом лихих людей с известной промысловой тропы.

Он-то двигался почти рядом по звериной тропе, опасаясь засады на той. Далее он сообщил, что из своего он не обнаружил заплечной сумки с 10 фунтами золотого песка хорошей пробы и странным блестящим прозрачным камешком, который легко резал стекло и весил более 2-х золотников (40 карат). Этот камешек лежал вместе с мелкими самородками в головке золотого концетрата на проходнушке*, которой он мыл золотоносные пески на своём последнем, уникальном по содержанию золота, участке.

Зсади в тайге поднималось зарево от поджога. На вершинах деревьев плясали отблески огня и сквозь ночь опять же над деревьями поднималось тёмно-вишневого цвета облако дыма. Когда они вошли в зимовье, ударил первый раскат грома. Над тайгой засверкали молнии, и эхо многократно повторяло могучие удары, сотрясавшие ночь. Засветив лампу, занавесив окна, измученные мужчины сели к столу, и выпили за спасение и удачу. Дождь с грозой ослабли к утру, а с выходом солнца и вовсе прекратился. Бывший болотный страдалец не встал. Ему здорово немогло. Хозяин напоил его чаем с лепёшкой и заметил, что случившееся с ним приключение напрочь выбило из головы, что именно сегодня кончается седмица, отпущенная для отдыха и за ним должен приехать Семён на нароченной телеге, только придётся версты три пройти пешком, а потом с полверсты по гати через болото, до того места, куда может подъехать телега. Старик опять принял валерьяновые капли

и сказал, что полежит ещё немножко, а путь, который придётся пройти до двухколесной дороги, не проблема, было, что и в худшем состоянии последние два-три года приходилось одолевать и поболее. Сурова беспокоило, не осталось ли чего на виду у сожжённой берлоги. Он взял карабин и отправился поглядеть. Горелая яма и земля в направлении вчерашнего ветра, саженей на двести — всё было чёрное. Кое-где парили обгорелые пни. Яма просела под сгоревшими сучьями, на её поверхности во впадине были только зола и прибитый дождём пепел. Другого на поверхности видно не было. Рядом с ямой в тайге открытого огня и дыма не наблюдалось, только кое-где поднимался парок. Успокоившись, он вернулся на заимку. На завалинке сидел Василий Авенирович.

— Что, беспокоишься, ходил смотреть, не осталось ли чего? — спросил старик.

— Однако так. От варнаков даже духа не сохранилось — гарь. Ну вот, всё, как хотели, — ответил пришедший.

Старик подошёл к Сурову, по-мужски обнял его и произнёс такое, от чего тот несколько сдурел:

— Во что, друг любезный, глянулся ты мне, а жить осталось не так уж и много, хотя я по возвращении собирался уйти в монастырь. Всё, чем владею, хотел передать Божьим людям, однако грань жизни и смерти, прошедшая через Гнилое болото, и моё случайное спасение благодаря тебе, наше избавление от варнаков, подсказали мне иное решение. Если ты согласен поселить меня в твоём доме и пообещаешь мне крепко, что остаток жизни я не буду видать забот о тепле и пропитании, всё, что имею, отпишу тебе. Я в этой жизни совсем один, ты в силе, спас меня, и по собственному разумению я тебе по гроб обязан. Постройшь у себя во дворе мне избушку. В ней я проведу остаток жизни, сколько отпущено.

Нонешней зимой городской лекарь сказал мне, чтоб я не рвался, много пеше не ходил и успокоился. Я всё не верил — проверял его слова. А мне только тяжело. Таёжные случаи и тропы уже не по мне. Что ты на мои слова ответишь?

Василий замолчал, глядя в упор на Демьяныча. «Во привалило, — мелькнуло в голове купца. — Старик меня не стеснит, а советчик толковый, да и человек, видно, бывалей бывалых». Глядя старцу в глаза, Константин Демьяныч отвечивал:

— Будь в надежде, всё, о чём ты говорил, сделаю в лучшем виде, обихожу, упокою, привезу лучших врачей и лекарей, приставлю человека для всяких поручений. Живи и будь мне отцом.

— Целуй крест для твёрдости своих слов.

Старик достал массивный искусно сделанный золотой крест на смоляном шнурке, и Суров приложился к нему.

— Послушай, — воскликнул купец, — ведь когда я тебя тягал из болота, креста-то на тебе не было!

— Действительно, не было креста — варнаки его сорвали да делить хотели, бросив в котомку с моими вещами. Я его там под клеёнчатой папкой нашёл.

Так вот с тех пор старец Василий Авенирович Дворжевский, ставший Поповым, поселился в доме Константин Демьяныча Сурова на правах родственника-старца Василия, заняв флигелёк во дворе его дома.

Именно к нему за советом по поводу Тимохи и направился купец, несмотря на поздний час и изрядное количество хмельного, принятого в корчме. Именно он был тем «верным человеком», который уже много лет мудро, умно, часто как заправный шахматист, подсказывал и советовал в решении любых вопросов по жизни, торговле, золото-промышленному делу и делам особым, не для чужих.

Беседа Сурова со старцем Василием

Когда купец вошёл, старец стоял на коленях перед иконой и молился. Хозяин знал, что пока тот молится и шепчет молитву, его беспокоить нельзя. Вытащив за цепочку часы и взглянув на них, тихо присел к столу. «Однако второй час ночи, а старик ещё и не ложился», — подумал Суров.

Василий встал и, обернувшись, поздоровался, на что купец ответил, что, мол, сегодня виделись.

— Так запомятовал, что другой день в начале, — отметил Василий Авенирович. — По делу или душа разговора просит? — осведомился старец.

— И так, и так, — ответил хозяин.

Вошедший в домик слуга из прихожей шумнул, что самовар готов, и исчез.

Старик внёс самовар, поставил на стол и споро приготавливал всё необходимое для чаепития.

Рассказав о предложении Тимохи и свои сомнения по этому поводу, добавил, что золото крепкое, самородки очень приглядистые и что такое количество металла — чай, полсезона работы для трёх человек или сезон работы одиночной. Василий стал расспрашивать про самородки. Намётанный глаз Сурова заметил среди присмотренных самородков один, напоминающий дубовый листок. Он описал внешний вид этого самородка. Вдруг Василий Авенирович спросил:

— А с узкого конца самородка ты не видел ли шести-гранной дырочки?

Купец с удивлением отметил, что про дырочку он забыл сказать.

— Была!

— Ну вот, — воскликнул старец, — мне кажется, я эти самородки знаю, так что, когда явится этот Тимоха, позови меня — разберёмся.

Что-то заскребло в душе Константина Демьяныча, какое-то предчувствие или растущее сомнение. По тем временам частное золотничество временами было связано и с воровством, и с разбоем, и с душегубством. Суров это знал лучше других, а вот Василий, как это понимал купец, до конца всего, что знал, никогда не рассказывал.

Внутреннее предчувствие в какой-то мере получило пока малое, но подтверждение. В случайности Суров давно не верил. Старец внёс в прихожку остывший самовар, чашки, а купец всё сидел в глубочайшей задумчивости. Старец поправил лампадку у иконы и стал молиться, как в тот момент, когда посетитель явился к нему. Купец тихо встал и вышел. На небесах гасли звёзды. Светало. Похмелье и сон куда-то делись. Спать не хотелось. Он остановился перед крыльцом на веранду, тут же откуда-то появился сторож — угрюмый детина из староверов. Этот мужик не мог спать ночью. Он ночью жил. Ложился он около полудня и обычно вставал после захода солнца. Был молчалив и, радуясь сытой жизни, оберегал дом почище цепного пса.

Он так же, как и Василий, был обязан жизнью Сурову. Тот на зимнике заметил однажды необычную присыпанную снегом скрюченную человеческую фигуру. Другой бы проехал. Купец же остановил сани и увидел парок из отверстия заросшей, как мхом, инеем густой бороды. До дома было недалеко и растёртый снегом, отогретый

в бане, мужик упал на колени, плача, благодарил его за спасение. Когда тот отоспался, купец стал его расспрашивать, кто он и как оказался на зимнике. Оказалось, что сей человек помнил только своё имя и назвался Харитоном. Откуда он и что с ним было раньше, он не помнил. Сначала Демьяныч этому не поверил, потом вроде бы убедился, что это так. Вопросы задавал этот мужик, лет 40 с небольшим, как ребёнок, и всё клялся служить по гроб. Суров сначала приставил его к строительству дома, а потом определил в сторожа, что тот исполнял беззаветно, не мысля жить как-то по-другому.

Наказав стражу проводить к нему человека, который назовётся Тимохой, хозяин вошёл в дом и направился в кабинет.

Домоправительница Агафья — свояченица его жены — спала вполглаза и, заслышав шаги по лестнице, вышла и осведомилась, не надо ли чего.

— Иди спи, я тут сам, — ответил купец.

Сбросив долгополый пиджак и сняв галстук, подтянув жилетку, уселся в кресло. Как когда-то в молодости в голове крутилось разное, однако Тимоха и слова Василия рождали какие-то невероятные и, по большей части, тёмные предположения. Государевы чиновники уже серьёзно прижимали золотопромышленников. Многочисленные выплаты в казну, инспекции из округа и столицы требовали исполнения разных циркуляров и постановлений. Улаживание всех этих дел требовало изворотливости и приличных затрат. Прикормленные Суровым мелкие чиновники, как правило, загодя извещали его об инспекторах и их человеческих слабостях и весе в верхах. Иных приходилось поить неделями, дабы они были не в состоянии копаться в делах, других возить на охоту или рыбалку и там за азартом и ухой зорко смотреть, чтоб не протрезвлялись, третьим через день

устраивать баньку с девками. Однако были и такие, которые сразу один на один говорили, сколько возьмут. Получив своё и для вида покопавшись в бумагах, довольные убывали. Все промышленники хитрили, скрывали реальные доходы с золотца и торговли. Однако у чиновников по финансовой части были и помощники.

К мыслям про Тимоху примешивалось сообщение об очередном наезде инспекторов по горной части для описания приисковых дел Сурова. Об этом сообщил ему из Иркутска бывший на постоянном жаловании у купца столоничальник департамента горного округа. В письме он доносил, что стараниями этого понимающего в золотом деле инспектора у двух именитых промышленников прииск забрали в казну, а ещё у одного описали всё хозяйство и забрали лицензии на заёмные участки. Сообщил он также, что этому серьёзному начальнику уже однажды подрубали сваи моста по пути на один из приисков, однако мост через бурную речку рухнул после того, как тот переехал через него на другую сторону. С того момента он без охраны из казаков никуда не ездит.

Прибыть этот незванный гость должен был через две недели. О том, какой он человек и на чём его можно ублажить, корреспондент не сообщал. «Плохо», — подумал купец.

Усталость всё же взяла своё, и тут же в кресле Демьяныч забылся сном.

История старца Василия

Соль, спички, чай и гвозди в глухой Сибири в 50-х годах XIX века стоили очень дорого. Это давало местным купцам большие выгоды, так как торговля, а вернее, мена шла на шкурки (мелкую рухлядь) и золотишко. При этом «купцы» для обмена на вес металла, в большинстве своём, имели специальные подточенные пульки для рычажных складских весов или малые безмены, специально маркированные для уменьшения веса. Таким снаряжением, имея одну выючную лошадь в поводу, можно было добраться и до самого дальнего прииска, если при этом знать броды на бесчисленных таёжных речках и притоках крупных рек. С двумя выючными товаром лошадьми ещё мог совладать один человек; если лошадей было три-четыре, то требовался помощник, а то и два.

В начале освоения таёжного золота Сибири многие отваживались гонять товар в одиночку с одной или двумя лошадьми под выюками. Однако это время быстро прошло. Лихие люди из беглых каторжных, и кое-кто из новых поселенцев быстро поняли возможности лёгкого обогащения. Когда купцы-одиночки двигались с товаром к приискам, их не пускали, а скрадывали или по-теперешнему — отслеживали. Когда же они возвращались, их грабили, самым звериным образом убивали, а трупы бросали в реки или топили в болотах. Благо болот-то в тех местах было в достатке. Одиночки вооружались, сбивались в караваны, однако и разбойники сколачивали

шайки, и грабежи со смертоубийством торговцев были широко развиты от Енисейской и Мариинской тайги до Приамурья. Власти принимали меры, увеличивали горную стражу, создавали полицейские участки. Расширяли корпус жандармов, однако сил на огромные малолюдные пространства Сибири явно не хватало.

Старец, обретавшийся у купца Сурова, в молодости жил в Санкт-Петербурге и служил в кавалергардском полку, был образован, говорил по-немецки и французски, как на родном языке, слыл волокитой и был любим друзьями за бесшабашность, лёгкий характер и исправное несение службы. Однажды, будучи на посту во внутренних покоях Зимнего дворца, он нашёл в галерее золотой перстень с бриллиантом в 6 карат, обложенный сапфирами немалой величины.

Вместо того, чтобы сдать находку дежурному старшему офицеру, Василий Дворжевский после смены караула продал находку поляку-скупщику. Получив сумасшедшие деньги — более 20 тысяч — он заказал грандиозный бал для всей роты караула с приглашением почтенных семей с дочерьми. В конце бала в зал вошли жандармы с тем самым поляком, купившим перстень. Незадачливый продавец был публично опозорен и тут же взят под стражу.

Несмотря на сильный хмель, оказавшись в тюремной карете между двумя жандармами, он сообразил, что из Петропавловки ему не сбежать, а ещё больший позор публичного суда он не перенесёт. Решение пришло сразу. Руки ему, усаживая в карету, не связали (человек-то благородный), и это давало шанс.

Отлучившись чуть назад и слегка оттянув к спинке локти, он молниеносно захватил головы охранников и с силой, какой только мог, стукнул головы жандармов друг о друга. Те мгновенно вырубались. Забрав у лежащих

людей два пистолета, Василий один сунул за пояс, другой взял в левую руку, а правой приоткрыл дверцу. Карета в этот момент выезжала из переулка на проспект, но ещё двигалась относительно медленно. После прыжка спасла выучка. Он не упал, не подвернул ногу и даже не испачкался.

Беглец бросился в переулок, затем в подворотню, перемахнул через забор, забежал в подъезд доходного дома, пробежал его насквозь, спрятал за спиной за пояс оружие и вышел на улицу. В этот поздний час прохожих было мало. Он легко сориентировался и быстрым шагом двинулся вверх по улице. В четырёх кварталах от места побега жил его двоюродный брат — коллежский асессор, служивший по таможенному департаменту. Разбудив брата, признался ему, что в свет ему уже не выйти, он опозорен, да к тому же убил двух жандармов, и ему надо бежать. Брат настолько был удивлён и ошарашен, что и сообразить-то ничего не успел. Василий переоделся в штатское, благо братова одежда была ему впору. Вытряс бумаги из саквояжа, стоявшего на стуле, кинул туда пистолеты; зная, где у брата лежат документы, забрал паспорт родственника, бросил ему на стол 1000 рублей и, сказав: «Прости!», — вышел на улицу. Взяв извозчика, он доехал до первой почтовой станции на Московском тракте. Бежал он, чтобы только подальше от столицы. Благо деньги были. Ещё на извозчике, проехав мимо своей квартиры, он забежал домой и забрал только кошель с почти 25000 рублей. На счастье, туда жандармы ещё не нагрянули. Он не знал, что со служителями порядка разминуся всего на полчаса.

Очнувшись от сумасшедшего бега он только в городе Казани, где поселился в гостинице. Отоспавшись и поняв, что, кроме топографии, ничего по гражданской части он не знает, да и делать не умеет, призадумался.

На бегах, проводившихся в ту пору в городке, он познакомился с горным инженером, который долгое время служил на золотых приисках Екатеринбургской губернии, принадлежавших кабинету, и намеревался после отдыха отправиться на прииски в Витимско-Олёкминскую область, где резко поднималась добыча золота и на серьёзных инженеров был спрос. Василий сговорился с ним, что будет при нём топографом и помощником за всё. Несколько лет они работали на разных приисках. Василий стал опытным в золотом деле человеком, да и изучил Витимский край лучше местного жителя. Он знал, что его искали, но он большую часть времени проводил в тайге, да и изменился он как внешне, так и по духу. Он стал горным инженером-практиком. Работая в паре с Овручевым, так была фамилия дипломированного опытного горного инженера, Василий всегда делал для себя списки с записок патрона и копии схем и карт. Он отлично научился в них разбираться. Со временем у него возник архив, который он строго берёт, считая, что в будущем он ему пригодится.

Овручев, уезжая в Санкт-Петербург преподавать в Горный институт, куда его пригласили профессором, звал Василия с собой, но тот по известным причинам отказался и продолжал работать на Витиме, Олёкме, Бодайбо, Алдане, подрываясь в солидные артели. С тех пор много воды утекло. Нажил он немало, и всё накопленное было у него в надёжных местах-тайниках и бумагах. Однако в верха золотопромышленной элиты он не вышел. Всегда был в тени.

Шахта на золотой жиле и ручей Порожистый

(Из воспоминаний старца Василия)

В начале своей эпопеи в Олёкмо-Витимском крае Василий работал помощником у известного горного инженера-геолога Овручева Вольдемара Альфредовича. Вместе с ним он побывал на многих частных и казённых приисках, где шла добыча золота из россыпей, и шахтах, где добывали рудное золото из неглубоких шахт.

Вспомнился случай, когда один промышленник хотел продать шахту, а покупатель пригласил эксперта-геолога для оценки надёжности этой шахты для добычи. Дело обычное, хотя продавец знал, что содержания золота по ней стали низкими и не окупали затрат на добычу. Естественно, покупателю была выдвинута другая причина продажи.

Шахтой отрабатывались две сближенные кварцевые жилы с золотом. Одна из них была толщиной, как говорят геологи, — мощностью в пол-аршина, другая — в полтора аршина*.

В. А. Овручев при подписании договора на обследовательские работы особо оговаривал картографические работы своего помощника. Он всегда так делал при серьёзных предложениях, отдельно оговаривая гонорары для себя и Василия. В денежных делах Вольдемар Альфредович был очень пунктуален и щепетилен.

В ходе работ Василий в начале многого не понимал по незнанию геологии, однако Овручев объяснял ему, как ученику, особенности полевой геологии и полезных ископаемых. Именно Овручев научил его промывке проб из

* 0,36 и 1 м.

речных отложений на лотке, и дроблению кусков породы в ступе, с последующей промывкой дроблёной породы на том же лотке при изучении проб на рудное золото. Уже в конце первого года работы Василий практически освоил всё то, что должен уметь геолог, занимающийся золотом.

Договорённость с покупателем была такова, что результаты ревизионных работ по шахте они продавцу не сообщают, а отчёт с результатами и своё заключение пишут в Иркутске после проведения анализов золотосодержащей руды из рудных жил на забое шахты.

Добычные работы на продаваемой шахте были остановлены. Здесь оставалось всего несколько человек сторожей и горный мастер от хозяина. По дороге посетили разрез, где у того же продавца отрабатывалась небольшая золотая россыпь в русле небольшой речки и на её притоке. Здесь им показали добытый металл. Овручев внимательно его осмотрел и объяснил Василию, что речное золото округлой или угловато-окатанной формы, а ярко-жёлтый цвет свидетельствует о высокой пробыности металла.

На шахте горный мастер показал прибывшим от покупателя специалистам план подземных выработок и куски руды кварца с видимым простым глазом золотом. Оставив геологов в конторе, он удалился побеспокоиться насчёт обеда и ночёвки для приезжих. Внимательно просматривая образцы руды (их был целый ящик), Овручев что-то бормотал про себя, иногда хмыкал, а потом спросил Василия, который вместе с ним смотрел образцы:

— А скажите, коллега, какой цвет у здешнего золота?

Василий и сам заметил, что здешнее золото зеленовато-жёлтое, а то и зелёное с желтоватым оттенком. Это он и сообщил Вольдемару Альфредовичу. Тот, отметив его наблюдательность, добавил, что местное золото меньшей пробыности и содержит больше серебра, чем то

золото, которое они видели на россыпи накануне. Провозившись с документацией и образцами руды до вечера и сделав необходимые копии и записи, вышли из конторы. Тут же были приглашены к ужину. По приказу хозяина шахтные ребята с едой расстарались. За столом было четверо. Двое приезжих, сопровождающий их в поездке представитель хозяина, и переодевшийся в «чистое» горный мастер.

Когда наши герои увидели стол, то не удивились его богатству. Хозяйская сторона знала, что от этих людей зависит, будет шахта продана или нет. Вино, коньяк, четыре вида икры, дичь копчёная, рыба белая и красная, котлеты из медвежатины, грибки солёные и в сметане — всё было к разговору.

После первой рюмочки хозяйская сторона с азартом рассказывала, сколько из шахты уже добыто золота, а сколько ещё осталось, ненароком намекая, что за помощь в продаже их отблагодарят особо щедро. Перед ужином Овручев шепнул Василию, мол, есть — ешь, а выпить можешь две-три маленьких рюмочки. Вышло так, что за столом выпивали больше хозяева, втихую злясь на то, что гости не пьют как следует.

За завтраком к столу опять подали вино и коньяк, но геологи наотрез отказались выпивать с утра, чем вызвали удивление и некоторую неприязнь у местных.

В шахте на забое увидели две золотоносные жилы. Подсветили их тремя фонарями. Овручев стал рассматривать их поверхность, а Василий проводил необходимые измерения горным компасом и складным метром. Отбили несколько образцов руды и вмещающих жилы пород. Горный мастер указал на место в жилах, где золотины блестели во множестве, сопровождая это словами: «Я вам говорил, будьте уверены — вот оно, жильное золото, и содержания его высокие». Участки с золотом

на поверхности жил распределялись пятнами. Каждое место — шестнадцать-двадцать частичек. Таких пятен было три. Два на более мощной жиле и одно на более тонкой. Овручев, рассматривая оруденелый кварц, достал нож, отковырнул три золотишки с поверхности жилы и ссыпал их в маленький пакетик с номером.

Осмотрев жилу по основной выработке, они заглянули в десяток рассечек (жила ветвилась), здесь также отбирались образцы для анализа. Часов через пять они выбрались на поверхность. Завернули и упаковали образцы. За ужином снова обильный стол и попытки хозяев узнать мнение геологов о впечатлении, с точки зрения надёжности содержания золота, для продажи предприятия.

Овручев отшучивался, говорил, что надо провести анализы руды на золото, а вот тогда он скажет, надёжна шахта или нет. Местные мужики знали, что такое пробоность золота, а вот слово анализ ранее никогда не слышали, но спросить, что это такое, не решились или не хотели, чтобы не выдать убогость своих геологических знаний. Оставив людей хозяина шахты допивать и доедать оставшуюся закуску, два геолога отправились в обратный путь.

Когда ехали на экспертизу шахты, очень торопились, поэтому не смогли посмотреть один ручеек, показавшийся В. А. Овручеву весьма интересным. Шириной сажень восемь-двенадцать, долина его вниз по течению состояла из серии небольших водопадов, между которыми на слабонаклонных поверхностях лежали галечники с небольшими глыбами кварца. Борта долины были крутые, и в них на поверхность земли выходили породы, окрашенные в буроватые, чёрные и красноватые цвета. Из-за спешки в прошлый раз здесь не остановились, а теперь появилась возможность ознакомиться с ручейком и, как сказал Овручев, с окислёнными рудами в борту ручья. Исследователи направились вниз по ручью. Перед водопа-

дом в борту долины отбили образцы породы, которая только сверху была красноватого цвета. Внутри она оказалась рыхлой, ярко-жёлтой, оранжевой, и легко рассыпалась на комочки.

— Рудные вторичные охры верхней части месторождения, — констатировал Вольдемар Альфредович.

Затем он наковырял этой рыхлой массы в лоток и стал промывать породу в небольшом бочажке. Вода окрасилась в жёлтый цвет, вниз по течению, на добрую сотню сажен, понеслась окрашенная полоса. Когда вся муть сошла, он быстро промыл остаток из лотка, довёл его до чёрного шлиха и разбросал на плоском днище лотка. Подняв лоток к лицу, сказал:

— Извольте взглянуть, уважаемый Василий! — и махнул рукой, подзывая его.

Тот подошёл, заглянул в лоток. Среди зёрен минералов чёрного, красного и зелёного цвета ярко блестели семь тёмно-жёлтых небольших золотинок остроугольной формы (клопики) и одна большая плоская, удлинённая, размером с четверть ногтя на мизинце (таракашка).

— Однако это источник золота для возможной россыпи в самом ручье, — предположил Овручев.

Взглянув на противоположный борт, профессор отметил, что здесь долину ручья пересекает разлом с раздробленными породами, среди которых есть золотосодержащие руды. Смыв концентрат из лотка в холщовый мешочек и бросив в него бумажку с номером, геологи спустились ниже водопада в русле. Нашли место под водопадом в той его части, где воды сейчас не было и из углубления с гравием и галькой, в месте, указанном Овручевым, Василий наполнил лоток речными отложениями и промыл его. Чёрный шлик почти наполовину состоял из ярко-жёлтых пластинчатых золотинок, при этом три золотины были около дюйма длиной.

— Ну что я тебе говорил, — улыбаясь, сказал профессор. — Здесь, без сомнения, россыпь с золотом, но только не очень обычная, такие называют «корчажными», когда концентрация драгоценного металла возникает в небольших участках-ловушках, как эти под сухим руслом водопада.

Шлих смыли в мешочек, сделали пометку на карте, Овручев сделал записи в полевом дневнике.

Вернулись в Иркутск без приключений в дороге, если не считать того, что они нашли рудопроявление и, возможно, золотую россыпь. Дома разложили образцы из шахты, и тут Овручев спросил Василия:

— Помнишь ли ты, как в забое я выковыривал ножом золотины с поверхности жил?

— Да! — ответил тот. — Вот только для чего?

На это получил ответ улыбающегося метра:

— В забое богатое золото было в виде пятен, и цвет золота в пятнах не совпадал с цветом золота из более глубоких частей жилы. В пятнах оно тёмно-жёлтое, а в жилах зеленоватое, светлое.

— И что? — воскликнул удивлённый Василий.

— А то, что наш продавец — хитрая продувная бестия — заставил своих ребят, вероятно, горного мастера, зарядить шлиховым золотом патроны (вместо дробы) и стрелять из ружья в поверхность жилы. Золото — мягкий и вязкий металл. От удара оно расклепалось и прилипло к кварцу, создавая впечатление богатейших его содержаний в жилах.

Василий так и присел от неожиданного заключения, которое сделал умница-профессор.

— Что, не веришь? — продолжал тот.

Он положил выковыренные ножом золотины на столик микроскопа, рядом положил маленький кусочек кварца с золотом из шахты и золотишки с прииска, где хозяин шахты добывал и россыпное золото. Он заставил

Василия подкрутить микроскоп по глазам и объяснил смотрящему в прибор ошарашенному коллеге, что золотины из шахты рваные с дырками, а края их закруглены, их цвет совпадает с цветом золота с прииска. Края последних так же закруглены, как и первых. А золото из жилы зеленовато-жёлтое, существенно мельче по размерам, тоньше и неокатанное.

— Всё понял! — Василий глубоко выдохнул и заулыбался. — Вот это наука!

— Хозяйские ребята дали маху, они зарядили в патроны россыпное золото с хозяйского же прииска, на котором мы были перед посещением шахты. Они не подумали о том, что в шахте другое золото и по цвету, и по размеру, и по форме. Естественно, по образцам руды пробирным анализом мы определим реальные содержания золота в кварцевых жилах шахты, но мне представляется, что оно будет не промышленным. Поверь моему опыту, а с глубиной в шахте количество драгоценного металла будет убывать.

Так впервые в жизни Василий, знавший только военное дело, уставы и топографию, понял что такое учёный-практик, знаток золота, и зауважал Вольдемара Альфредовича ещё больше.

В. А. Овручев написал заключение; естественно, о стрельбе золотом в забой не упомянул, но реальную ситуацию с малыми содержаниями и низкой пробностью металла изложил весьма детально и обоснованно. Отчёт сдали заказчику и стали собираться на другое месторождение. У Овручева всегда было много работы. Василий в своей каморке, которую он снимал у старичка, звонаря местной церкви, вынес на свою особую карту и место прииска, и шахты, а также ручей Порожистый. Он тогда ещё не знал, что на эту карту через несколько лет лягут совсем другие знаки — знаки золотых кладов из иной его жизни.

Скелет человека и самородок золота

(Из воспоминаний старца Василия)

Однажды Константин Демьянович, будучи в хорошем расположении духа, заглянул в светёлку старца Василия. Слуга оставил в прихожей поднос с аглицким портвейном и шустовским коньяком, лёгкой закуской и удалился, закрыв дверь.

— А что, Василий Авенирович, побалуй меня какой-нибудь историей из твоей беспокойной жизни.

— Истории, истории, — проворчал Василий и заключил, — это не истории, это точки, либо запятые в жизни, и без них она становится бессмыслицей.

— Ты у меня философ, но всё же.

Понудобней устроившись в плетёных креслах, каждый налил себе из бутылки: старец — портвейну, а хозяин — шустовского. Со значением выпили и Василий начал рассказывать:

— Вблизи прииска «Василиса», что в Баргузинском округе, лазили по тайге двое ушедших с частного прииска вольных старателей.

Ушли не просто, а по слову бывалого человека, который отходил в мир иной по причине обвала в шурфе, который его сильно помял и искалечил. Так вот, умирающий поведал, что в верстах двадцати от их прииска есть ложок, открывающийся в речку Гремячиху ниже впадения в неё ручья Евражки, где якобы этот человек поднял самородок золота весом полтора фунта, 20 золотников и 18 долей* и в тот же день в желтовато-серой вязкой глине его на-

парник поднял самородок необычного чёрного цвета с поверхности, вес которого был два фунта с третью, 63 золотника и 55 долей*. Оставаться работать в этом месте они не могли, так как кончились продукты и наступала зима, а до посёлка было около 560 вёрст по реке, а потом безлюдной тайгой. Добрался до посёлка он один, товарищ заболел в дороге и умер от испанки.

На этот прииск он подрядился единственно с тем, чтобы в какой-то момент сбежать в это место. Обидно умирать, зная, что рядом есть «бешеное золото». Далее он сказал, что если они побожатся, что третью часть вырученного за золото передадут его жене в посёлке, то он сообщит им надёжную приметку этого места, где были подняты самородки. Они побожились, поцеловали крестик, и умирающий слабым голосом, почти шёпотом, сказал о двух кривых листовенницах, сросшихся навроде креста и стоящих над склоном лога. С тем он и отошёл.

Мужички по природе своей болели золотничным фортотом и ради заработка и блеска металла готовы были сейчас же отправиться на поиски счастливого места. Однако, подумав, решили сначала запастись провизией, спичками и ружейным припасом, а уж потом в путь. Люди они были вольные, подрядились в артель за долю в золоте и даже вложили кое-какие деньги в снаряжение каравана, доставившего сюда всё необходимое как для работы, так и для жизни. Прииск строился весной, а летом уже в полную силу мылось золото. Они заявили об уходе, получили остатки своей доли продуктами и ушли в тайгу, не сказавшись куда.

На Гремячиху они вышли через четыре дня, ещё неделя ушла на поиски нужного ручья и ещё через пару дней они нашли нужный по приметке лог. В тот же день обнаружили в борту лога у его днища яму, где, по-видимому, старались предшественники. Была середина августа, днём

* По нашим мерам — 1 кг 225 граммов.

жарко, а по ночам уже появлялся иней на траве. Ночью холодало. Из вбитых кольев и дёрна соорудили балаган навроде якутского тордоха, сложили из камней кострище внутри для обогрева по-курному и начали работать каждый в своей яме.

Целью работы были самородки, посему шлихи они не мыли. Набирали в таз глинистую породу с галькой и гравием, долго мешали породу в тазу с водой.

Когда обломки пород оказывались отмытыми от глины, вынимали их и быстро просматривали камни в надежде, что блеснёт золото. Первым в гряде гальки и гравия нашёл самородочек типа таракашки Сергей. Маленький кусочек металла размером с домашнего таракана порадовал старателя и давал надежду на более крупный металл. Работа однообразная и тяжёлая: отковырнуть две-три лопаты вязкой глины с камнями, положить её в таз, залить водой, размять, дать устояться, слить глинистую воду и так до тех пор, пока камни (галька и гравий) не станут чистыми. Быстро просмотреть, разгребая мокрую породу, и снова то же самое, пока хватит сил. Тот же Сергей нашёл ещё кусочек золота меньше таракашки, такие обычно называли жучками или жуками. У Николая в яме в тот день было пусто, ни жучков, ни таракашек.

Повторяя одни и те же операции изо дня в день, они уже нашли не менее десятка таракашек и около трёх десятков золотых жучков, но крупные самородки не попадались.

Сергей однажды утром, копаясь в своём шурфе, в очередной раз ударил кайлом в стяжку шурфа и услышал звук, схожий со звуком при ударе металла о металл. В голову ударила горячая волна, сердце заколотилось с такой силой, будто били в барабан. Отбросив кайло и схватив лопату с короткой ручкой, он с удивительной скоростью и силой принялся отковыривать и отгребать породу до

тех пор, пока не услышал характерный скрежет металла лопаты обо что-то такое же металлическое. Бросив лопату, руками он влез в вязкую глину и почувствовал, как пальцы рук упёрлись в металл. Расчистив вокруг глину, старатель увидел в желтовато-серой массе, покрывающей обломок породы, пятно необычно бархатисто-чёрного цвета и отходящую от пятна узкую царапину золотистого жёлтого цвета с блеском металла. Есть, нашёл! Выворачивать самородок пришлось кайлушкой, так крепко его держала глина. Он кинулся к тазу и стал смывать глину с камня, тяжесть которого не оставляла сомнения в том, что это золото. Очищенный от глины самородок был плоским, размером почти с ладонь, и имел форму, очень похожую на человеческое сердце, и наискось перечёркнут царапиной ярко-золотистого цвета. Весов у старателей не было, безмена тоже, но по виду самородок был около 10 фунтов. Работающему рядом соседу он ничего не сказал, спрятав самородок за пазуху.

Работу он бросил, в середине дня лёг в балагане у огня. Глаза его лихорадочно блестели, лицо почернело от переживаний, сказать товарищу о находке, или нет. А вдруг, если скажешь, тот отнимет самородок или заставит делить его на три части, ведь перед умирающим человеком, который вывел их на золото, оба божились. Может быть, взять и, ни слова не говоря, уйти. Однако куда — на прииск «Василиса» или в посёлок? До прииска 20 вёрст, до посёлка 560. Идти одному тяжело и страшновато. Надо делить продукты, значит, объяснять причину ухода. Мысли крутились, как в водовороте, в поисках выхода.

Если бы Серёга посмотрел на себя со стороны, то, наверное, ужаснулся.

Вернувшийся Николай, добыча которого за световой день составила две таракашки и пять жучков, позвал

Сергея кушать. Тот отговорился, что не хочет. Это удивило напарника, и он, заглянув в балаган, спросил, не заболел ли товарищ. Тот что-то резко ответил и повернулся к стене. Николай поужинал, подбросил поленьев в костерок и улёгся с другой стороны огня. Быстро уснул. Проснувшись под стрекот кедровок на рассвете, он не обнаружил рядом напарника. Наверное, уже работает. Однако стука кайлухи слышно не было. Исчезла котомка и ружьё. В углу, где были продукты, их количество, и так небольшое, резко уменьшилось. Предчувствуя недоброе, он сбегал на шурф Сергея, но никого там не обнаружил. Таз для промывки породы стоял пустой, но лопаты и кайла не было.

Вернувшись к балагану и ещё раз внимательно проверив продукты, он понял, что напарник сбежал. Не выдержал и подался на прииск. Обидно, противно, но Бог ему судья.

Попив чаю, Николай приступил к обычной их работе. Пока в одном тазу глинистая вода отстаивалась, он разминал и месил породу в другом. К вечеру он извлёк из гравия и гальки самородок с грецкий орех и восемь таракашек. На другой день среди обломков он обнаружил золотую веточку длиной с указательный палец и ещё пяток таракашек и три жучка.

Его кожаный мешочек с драгоценным металлом тяжелел с каждым днём. Продукты, а вернее, их остатки, он разделил на две неровные части. Большую, если её можно так назвать — на неделю работы и меньшую — на дорогу до прииска. Через четыре дня продукты, выделенные на неделю, кончились.

— Всё, возвращаюсь к людям!

В заветном мешке было, вероятно, несколько более 7 фунтов металла.

— Отдам треть вдове, а то, что останется, это для одного тоже неплохие деньги.

Тазы, кайлы, лопату занёс в балаган, загородил в него вход дёрном и отправился в сторону прииска по уже известной дороге. Две ночовки у костра, и он на месте. В день его прихода повалил снег.

О Серёге на прииске никто ничего не знал. Он сюда не приходил. Через день ударили морозы. Промывка остановилась, люди стали собираться в посёлок. В 180 верстах у большой реки их ждал последний пароход. Партия старателей после двух недель хода погрузилась на пароход и вернулась в посёлок до следующей весны. Николай сдал золото в контору, получил деньги, третью часть, как было условлено, отправил вдове умершего старателя. Сергей в посёлке так и не появился.

Весной, когда сошёл снег, Николай отправился попробовать на золото один ручеёк, где в прошлые годы он намыл неплохое золото в верховьях, решив забраться в его истоки, где металл должен быть крупнее.

Отойдя вёрст с 80 от посёлка и двигаясь по давно нехоженой тропе, он буквально наткнулся, чуть не наступил на белого цвета кости. К его ужасу тут же лежал обглоданный человеческий череп. Рядом на пне он увидел пробитый короткой кайлушкой и вбитый острым клювом в пень также белый череп и позвоночник зверя. Какое-то жуткое ощущение сковало человека. Он узнал кайло. Это был инструмент Сергея. Кинувшись к останкам бывшего напарника, он решил собрать кости и похоронить их. Многих фрагментов не хватало, видать, зверьё растащило. Обойдя поляну ещё раз, он наткнулся на человеческую кость руки. Потянул её, но она застряла в развилке куста. Пришлось зайти с другой стороны. Когда он всё же вытащил руку, из костяшек — фаланг пальцев ладони — выпал чёрный предмет и звякнул о камень. Подняв его, Николай понял, что это самородок странной, похожей на человеческое сердце формы.

Чёрное сердце было наискось перечёркнуто царапиной яркого золотого цвета. Причина побега напарника стала очевидной, так же как и его страшный конец.

Николай представил, как усталый, голодный, замерзающий человек вступил в схватку со стаей волков, одного из которых сумел буквально вбить в пень, прикрепив его к дереву, как энтомолог жучка булавкой к картонке, но это было и всё. На земле остался только скелет и тот странный самородок, который и привёл человека к гибели.

Похоронив останки, приладив крест на могилке, Николай вернулся в посёлок.

Отчистил самородок в кислоте, сдал его в контору, получил деньги. Третью часть суммы переслал вдове старателя, который моет драгоценный металл на небесах.

Потрясённый Константин Демьянович молчал, когда старец Василий закончил своё повествование. Старик, крихтя, встал, и из-за иконы, что в красном углу светёлки, что-то достал и протянул хозяину. Демьяныч взял сей предмет. В его руках бархатистым блеском засветился тяжёлый самородок в форме человеческого сердца.

Василий и Егорыч

Когда после оформления документов на приобретение участка на притоке реки Жуй Василий встал перед проблемой добычи золота, то, может быть впервые, он задумался. Это были думы не о его собственной жизни. Его поразило, что все вопросы, которые возникли, были из разряда горной науки и практики золотодобычи, а также рутинной части забот купечества и общения с властью по поводу его собственности. Если с годами общения и работы в паре с профессором Овручевым геологические и горные проблемы он понимал и знал фактически, то организационно-денежная часть и степень законности своих действий в случае начала добычи металла для бывшего кавалергарда были весьма туманны. С другой стороны, он видел много примеров крушения надежд на быстрое обогащение при получении участка для добычи жёлтого металла. За почти двадцать лет, прошедших с тех пор, когда он сам перечеркнул свою карьеру придворного офицера и, по жизни, начал с «чистого листа» в неведомом крае, подобного состояния своих собственных раздумий он не знал. Это было настолько ново и волнующе, что требовало не столько с кем-то поделиться, как получить совет опытного знающего человека.

Учитель и советчик в области золота, как объекта добычи, у него был, а вот гора проблем, связанных с тем, как всё организовать и не «вылететь в трубу», чего очень не хотелось, оказалась без нормальной ясности. Плана действий у него не было, но был фактор времени. Надо было торопиться.

Василий Авенирович сидел на частной квартире в Иркутске. Шёл февраль месяц. Овручев отъехал в Санкт-Петербург на заседание императорской Академии наук, а Василий, разглядывая официальные документы на право добывать золото, теребил затылок, пытаясь для себя решить, что же дальше.

Перебирая в памяти свои знакомства, он вспомнил, что ещё в бытность свою в столице, где-то в кабаке его познакомили с Петром Прейном, который был золотопромышленником и лихим гулякой. Он вспомнил его рассказ о том, как, возвращаясь из тайги, тот был застигнут снежной пургой и спасся, переночевав в брошенной медведем берлоге, закрыв лаз в берлогу мешком с остатками продуктов и золотым песком, который добыл прошедшим летом. Этот человек сам из любопытства уехал в Сибирь, продав имение в Новгородской губернии, и занялся золотым промыслом. Дружба их была короткой, так как они познакомились где-то за полгода до бегства Василия из столицы. Василий сообразил, что Прейн и сейчас занимается золотом, так как эта фамилия, необычная для слуха, мелькала и в Иркутске, то ли в газетах, то ли... Впрочем, где, он не смог сообразить. Однако компанейского, незлого и честного парня он очень хорошо помнил. А что, если это тот самый Петя, с которым они прекрасно проводили время в Санкт-Петербурге?

Были знакомые в департаменте Горного округа, у которых он узнал, что Прейн П. Я. — общественный деятель в объединении золотопромышленников, организует съезды владельцев приисков, сочиняет бумаги в правительство о нуждах золотодобывающих компаний и, самое главное, что в начале марта он будет по делам в Иркутске. Это была удача.

Василий встретил Петра Прейна, когда тот возвращался в гостиницу из управы Горного округа по Восточ-

ной Сибири. Тот сразу же узнал Василия. Они обнялись. Потом, за столиком ресторана, засиделись до утра. Очень уж яркие воспоминания о былом знакомстве и короткой дружбе давали пищу для разговора об общих знакомых и жизни за последние полтора десятка лет, пока они не виделись. Прейн был свидетелем ареста Василия. После того, как он сбежал, в обществе было полно слухов. Однако Василий пропал не только из столицы и её общества, через год-другой о нём забыли.

Естественно, Пётр выслушал рассказ друга о перипетиях его одиссеи, но поняв, что перед ним специалист по золоту, коллега страшно обрадовался. Всё то время, пока дела держали Петра в Иркутске, они встречались почти ежедневно.

Как человек, поднаторевший в золотой промышленности и владелец приисков на Урале, в Мартайге и участник в делах Ленских приисков, он не только восполнил пробелы в знаниях по организации и юридической стороне дел, но и сосватал ему Бориса Егоровича Воскресного, который исполнял должность управляющего на его приисках. Часто он работал за двоих: на крупных приисках был управляющий, который руководил всем, и становой — тоже руководитель, но он надзирал за технологическим процессом добычи золота на месте. Прейн с особой теплотой говорил о Борисе Воскресном, называя его уважительно — Егорычем, характеризуя его как специалиста и честного человека. Василий спросил Петра, в связи с чем тот рекомендует ему человека, который отлично исполняет работу на прииске, владельцем которого является сам Пётр.

Тот с улыбкой объяснил, что прииски он продаёт и хочет заняться научной и общественной деятельностью, а Егорыч, зная новых хозяев, не хочет работать у них по своим приискам. Тем не менее по рекомендации Прейна,

если тот найдёт интересную работу у многоизвестного ему человека, то Егорыч поработает. Особенно если прииск ожидает быть богатым. Пётр отметил, что Борис Егорович Воскресный не бедный, поэтому он позволяет себе выбирать будущую службу, но на казённых, государевых водах работать не хочет. Очень много бюрократии, бумаг и глупых начальников, да и вознаграждение, хоть и приличное, но не заработаешь как хотелось бы. У Прейна управляющий имел двенадцать процентов от реализованного металла по результатам года и жалованье в два с половиной раза выше, чем на казённых приисках. Договорились, что Василий напишет Егорычу письмо с предложением и условиями оплаты, а также немного об участке, на котором планируется строительство прииска, и пошлёт аванс на приезд потенциального управляющего для знакомства с будущим хозяином и местом, где будет проводиться добыча металла. Пётр также заметил, что если Василий как человек не понравится Егорычу, то чтоб тот не обижался и искал другого управляющего.

Егорыч не будет работать у человека, который ему не нравится. Именно поэтому он сам с будущим хозяином едет в тайгу для знакомства с участком добычи. Это ведь почти две недели пути, а за это время можно узнать человека по-всякому. Василий подумал, что это очень разумно, и подготовил письмо к Егорычу. Прейн при прощании заверил Василия, что отрекомендует его перед Воскресным с лучшей стороны, а там как Бог решит. На этом они и расстались.

В конце мая, когда ночи в Сибири стали теплее, а днём бывало даже жарко, в Иркутск приехал Борис Егорович. Встречавший его Василий сразу сказал ему о том, что на участке Валунистом ещё ничего нет, кроме проведённых Овручевым несколько лет назад разведочных работ на золото.

К поездке на участок готовы три выючных и три верховых лошади, собран припас на дорогу, только одежда, способная для путешествия в тайге, для него — приезжего — не подобрана. Это дело часа-двух, так как хозяева сапожной и платяной лавок ожидают их у него дома, и после проверки всё предоставят через малое время.

Если Борис Егорович желает отдохнуть с дальней дороги, то приобретение одежды можно отложить на денёк. Слушавший его Егорыч порадовался подобному деловому подходу и решил, что отправиться в путь способней завтра поутру.

— А для чего нам третья верховая лошадь? — спросил Егорыч.

На вопрос Василий ответил, что по давней традиции они с Овручевым всегда брали с собой при маршрутах в тайгу человека, для ухода за лошадьми и готовки пищи — таборщика, который на привалах, ночёвках ставит палатку, треножит лошадей и хозяйствует при чаепитии и каше.

— Толково, — заметил Егорыч.

— Он из казаков, следопыт, охотник, рыбак — в общем, испытанный таёжник.

«Однако новый хозяин прииска человек бывалый, — мелькнуло в голове у Воскресного. — Сие неплохо для начала».

Дома у Василия в смежной комнате стояла койка, заправленная по-солдатски, тумбочка с керосиновой лампой, кресло в углу, тумба с тазом и рукомойником. Над ними овальное зеркало. Рядом висело чистое полотенце.

В зале располагался чернявый сутуловатый мужик, накрывавший стол к обеду.

— Вот, Борис Егорыч, это наш спутник и хранитель в тайге, урядник, ветеран турецкой войны Аким Сидорович Икушин — милейший человек, — представил мужичка Василий.

Аким пожал протянутую Егорычем руку со словами:

— Честь имею!

— Извольте кушать, уважаемые, — с достоинством изрёк Аким.

За столом Василий осведомился у Егорыча, что тот предпочитает с устатку.

— Стопочка-другая белой хлебной, — просто отвечал гость.

— Аким! Штофик белой из погреба.

— Сей момент, — отвечивал тот.

Пока Аким спустился за водкой, Василий объяснил, что Аким вроде дядьки при нём и столуется, как ему ровня, за одним столом.

— Добре, — улыбнулся Егорыч. — Видать, здесь по-семеиному.

Мужики, к которым он приехал, ему нравились.

— А что это за рыбка? — спросил гость, указывая на тарелку с рыбой, присыпанной луком.

— Омулёк, малосолка. Жирненький, под водочку лучше не вообразишь, — отвечивал Василий Авенирович.

Обед задался. Неспешная беседа с интересными вопросами за ради знакомства, отношение к делам и людям и внимательный взгляд друг на друга. Вспомнили Петра Прейна. Борис Егорович работал с ним в те времена, когда Василий был далече.

Василий интересовался промывкой золотоносных песков на золото, и особо его занимал момент извлечения золота из чёрных шлихов. Гость рассказал, как Прейн поставил амальгаматор, ловивший золото на ртуть, и способ разделения ртути и золота на конечной стадии. На приисках Бориса все чёрные шлихи и их «хвосты» амальгамировались, что увеличивало добычу золота очень существенно. Пробовал он и растворение золота циани-

дами. Этот способ изобрёл Пётр Романович Багратион и опубликовал данные о нём в 1844 году. Про амальгамацию Василий слышал, но не знал деталей, а то, что золото можно растворять ядом — цианидами, — слышал впервые.

Из саквояжа Егорыч достал несколько свежих номеров «Горного журнала», где уже тогда печатались статьи с описанием приисков и способов добычи золота.

Василий понял, что Прейн рекомендовал ему настоящего знатока золотнического дела.

Поездка на участок, хотя и была непродолжительной, оказалась плодотворной. Борис Егорыч сам промыл на лотке не менее десятка проб из шурфов, где рядом лежали поднятые при их проходке галечники. Эти проходки уже были опробованы Овручевым и Василием, когда они работали по контракту с купцом Хишкиным, но тогда они промыли только часть от выложенных у шурфов песков. Их остатки и промывал Егорыч. Василий обратил внимание на то, что будущий управляющий очень ловко моет золото на лотке. Так работать не умел ни Овручев, ни он сам.

Первый же шурф дал содержания на один золотник и пять долей больше, чем определили Овручев с Василием раньше, а из шурфа в средней части россыпи, против ранее установленного (2 золотника 87 долей) больше в пересчёте на сто пудов песков. Россыпь оказалась даже богаче, чем предполагалась по прежним расчётам. Егорыч забрался на склон долины и вместе с Акимом принёс оттуда из небольшой ямы, выкопанной в средней его части, мешок с глинистой щебёнкой. Промывка этой породы показала наличие крупного золота.

— Здесь ещё одна россыпь, только не речная, как в днище долины, а склоновая — делювиальная. Но ещё требуется разведать, — заключил Борис Егорович.

Тут же на месте наметили, с чего начать работы по добыче. Решено было построить домики и начать убирать с россыпи верхние пустые породы. Одновременно построить золотомоечную машину.

Егорыч официально сообщил Василию о том, что берётся за добычу металла, но сначала всё обустроит. Ударили по рукам. Борис Егорович Воскресный загорелся созданием здесь прииска на много лет работы. Это была та россыпь, о которой он уже давно мечтал. По его мнению россыпь содержала более четырёхсот пудов золота, а склоновая могла дать, по его прикидке, ещё не менее ста пудов.

Василия мучила мысль — хватит ли его денег на обустройство прииска и первый сезон промывки золота. До получения золота и его реализации идут только затраты. Однако с Егорычем этим своим сомнением он делиться не стал. К чему приведёт, в конечном итоге, эта его забота, станет понятным через пару лет, а пока дело пошло своим чередом.

Набег хунхузов на прииск

Один раз, приехав на «Валунистый», Василий с удовольствием отметил, что его добыча золота лучшая из всех, виденных где-либо. Больше сюда он не приезжал. Всем заправлял Егорыч с двумя помощниками, которые появились после отъезда хозяина и никогда его не видели.

Каждый промывочный сезон стабильно извлекался металл с небольшим, около пуда, приростом, а Егорыч, докладывая об увеличении золотодобычи, и себя не обижал. Василий знал это, но считал, что человек при таком хозяйстве должен быть заинтересован. К чести Егорыча, он не брал себе слишком много, фунтов пять с добытого пуда золота.

При докладе хозяину начальствующий на прииске делал раскладку трат с особыми бумагами, где были реестр взяток, подарков и откупаемых от и для многочисленных инспекторов и ревизоров Горного округа. Отдельную бумагу Егорыч составлял по поднятым старателями самородкам. За самородки, в зависимости от их веса, плата выдавалась на месте. Она составляла около трети их реальной стоимости. Помощники Егорыча командовали один на промывке, другой на обогащении шлихов и извлечении золота в заключительную стадию процесса.

Тех работяг, которые пытались утаить поднятие самородка, карали нещадно. Пороли при всех и выгоняли с прииска в тайгу. Никто из них до жилых мест не добирался. На другие прииски их не брали. Все начальствующие на приисках в той округе (во все стороны вёрст двести) знали друг друга и о подобных случаях сообщали всем «соседям».

Помощники через своих людишек среди рабочих знали всё, что происходило в их среде. Иначе и нельзя было. Места-то были лихие, как, между прочим, и люди.

С развитием добычи золота в Дальней тайге обычно к осени, после того, как о работе прииска становилось известно, вокруг начиналась тихая, очень скрытая от всех, тёмная деятельность. Чёрные скупщики ворованного на приисках золота появились в тайге и искали контактов с работавшими там людьми. Это была, да и сейчас есть, такая категория людей, рискующих жизнью, которым, казалось бы, всё нипочём. Крепкие, ловкие, знавшие все тропы и потаённые места, имеющие крепкие связи с бедолагами или даже видными людьми из местных, среди охотников, рыбаков, часто государевых чиновников — они существенно уменьшали статистику добываемого в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке золота. По оценке историка частного золотого промысла России — Л. В. Сапоговской — от 20 до 33 процентов добываемого в дореволюционной России золота не учтено. Заметим, что это скромная оценка. В неучтённом металле, помимо прочего, доля чёрной скупки была весьма высока.

Часто среди работавших на прииске рабочих, а иногда и технического персонала, серьёзные скупщики имели сообщников.

Скупщики не могли появляться на приисках, а их сообщники просто так пойти погулять в тайгу по понятным причинам также не могли. Все люди на прииске жили вместе и трудились сообща, на глазах друг друга. Охрана также не дремала, доносительство на ближнего было системой и поощрялось начальством.

На прииске Василия работало сорок три человека, из них трое руководили. Двенадцать человек составляла охрана из казаков во главе с урядником. Охрана появилась с начала промывки песков, когда завершились подгото-

вительные работы. На вскрыше пустых пород и строительстве работало в два раза меньше рабочих, а охраны всего два человека.

Теперь же на прииске было более полусотни человек. Егорыч считал, что в его команде все люди лично ему известные много лет и золото не воруют. Однако он ошибался, и выяснил это вовсе не на прииске.

Верстах в трёх от прииска в сухой долине с родником было стойбище. Там летом жила обширная семья тунгусов. Эвенки это были или якуты, никто не разбирался, но в этом стойбище жила летняя жена Егорыча, внучка главы рода. Сорокашестилетний Егорыч, имевший в Бодайбо семью и трёх детей, с июня по конец октября, а иногда и дольше, становился двоежёнцем. Куда отправляется начальник раз или два в неделю, знали помощники, кто-то из рабочих догадывался о причинах отлучек, но этот вопрос никем не обсуждался. Направляясь на стойбище, Егорыч обычно вёз подарки и припасы, в том числе и водку, до которой все местные были весьма охочи с детского возраста, а в стойбищах к его приезду варили оленину.

Чугунки, топоры уральской стали, две пилы, новые бóтала* для оленей (стадо было — голов двести), табак, стальные ножи и три ружья Егорыч обеспечил этому роду и был, как бы сказали православные, их ангелом-хранителем. То, что он ночевал у одной из внучек старейшины, туземцами воспринималось как должное, они мечтали о новых членах рода от русского тойона**. Даже местный шаман, которого Егорыч ненавязчиво прикармливал отдельно, не возражал. Ая, так звали внучку, родила ему двух сыновей, но это позже. А сейчас, выпив хлебной всем родом, откушав вкуснейшее мясо оленины, в ожидании чая Егорыч расслабился. Заботы улетели, как сытые

* Бóтало — глухая погремушка, колокольчик из железного, медного листа или дерева, подвешивающиеся на шею пасущейся коровы или лошади.

** Тойон — титул князька — главы отдельного племени якутов.

кедровки. Потрескивал костёр, что-то по-своему заунывно, под ритмичные удары бубна, то ли пел, то ли вещал шаман, Егорыч чувствовал волнительное дыхание Аи на своём плече. Тут отец Аи, путая русские слова со своими, рассказал, что намерен видеть приискового человека с чужим — китайцем. Егорыч тут же выпал из грёз. Тунгус рассказал, что он искал отбившихся оленей и по следу вышел в урочище Духов. «Меньше версты до прииска», — отметил про себя Егорыч. Из полупонятного рассказа он всё же уразумел, что седобородый русский — человек с прииска — чем-то менялся с китайцем — человеком с косицей и ружьём за спиной.

Седобородый был выше китайца и в три раза шире, а манжур имел рост такой же, как рассказчик. Рост отца Аи был чуть больше двух аршин. Насколько русский был выше китайца, тунгус показал собственной ладонью, приложив её к голове. Ещё у русского он заметил длинный нож в ножнах у камуса*. Гость и почти родственник сего племени понял, кто этот русский с прииска. Беспокойство переросло в волнение. Это был Фрол Обрубков — один из двух его помощников, который командовал съёмом и обогащением золотых шлихов, получаемых после промывки. Это был особо доверенный Егору человек, от сноровки которого зависело, сколько золота добудет прииск. За день до отъезда, после очередного съёма с обоих промприборов концентрат был снят и обработан. Получили восемь фунтов, 47 золотников и 21 долю шлихового золота. Фрол под оком Егора взвесил металл и ссыпал его в железный ящик, где хранилась и накапливалась добыча прииска. Зная, что ещё двое суток съёмов металла не будет, он отпросился у Егора порыбачить в соседней, за небольшим хребтом, речке. Егор отпустил его, сказав, что завтра он отъедет по делам и чтобы Фрол успел вернуться. При отъезде Егора на прииске всегда ко-

мандовал Фрол. Он же был единственным седобородым, хотя почти все мужики прииска носили бороды. По облику низкорослый Фрол был почти квадратным — что в рост, что вширь почти одинаков.

Отличался большой силой, рассудительностью и быстрым умом, когда надо было принимать решение. Его недостатком было очень высокое мнение о себе и странное сочетание спокойствия и рассудительности с взрывной реакцией, если задевалось его достоинство. Так, однажды четверо старателей, посмотрев в его сторону, громко засмеялись. Через минуту все ржавшие брёвнами лежали на земле и очухаться смогли лишь через четверть часа, сидя рассматривая друг друга и с удивлением разглядывая побитые свои физиономии. О нём говорили, что в молодости, ещё на Урале, он одним ударом убил потштейгера*, который назвал его «неказистым обрубком». Особое удовольствие он испытывал, забивая оленей на мясо ударом кулака между рогов. В олене мяса не так много, около двух пудов, и в день артель съедала двух животных. Их утром привязывали сзади кухни и регулярно приходивший туда Фрол окучивал их. После того, как животные переставали дёргать ногами, убийца, ухмыляясь и весьма довольный собой, уходил. Поначалу кое-кто ходил смотреть, но потом это надоело, и рабочие обходили Фрола, предпочитая с ним не связываться.

В работе по съёму и обработке концентрата (золотого шлиха) ему равных не было. По сноровке в этом деле с ним мог сравниться только Егорыч.

Обычно проводивший в стойбище дня два-три благодетель уже наутро засобиравшись и, к унынию всей местной родни, к полудню отбыл.

Вернувшись на прииск, отправился в место, где Фрол обычно трудился на доводке снятого оставшегося после промывки концентрата. На бережку была сделана

* Потштейгер — горный мастер, наблюдающий за дроблением руды.

скамейка прямо у воды. Два мужика, под присмотром вооружённого казака, приносили контейнер (ларь) со шлихом, ставили возле лавки и уходили назад ладить приборы к новой промывке. Казак шёл дальше, где в двадцати саженях стояла будка с крышей, но без стен, где сидел ещё один казак. Пришедший садился рядом. Это была охрана разреза, где велась добыча.

Охранники сидели рядом, но развернувшись в разные стороны. Один смотрел вверх по ручью в сторону, где велись работы, другой вниз, в сторону заселённой долины. Обзор места проводился по кругу. Фрол появлялся, как только ларь оказывался у лавки. Он садился ногами в воду, небольшой лопаткой расчищал дно от песка, углубляя его. Затем в малый доводочный лоток совком из ларя набирал шлих. Склонившись к воде, работая кистями рук, качал с боку на бок, а затем вперёд-назад, после трёх-четырёх качаний вращал лоток в воде, слегка наклоняя ёмкость от себя. Доводчик аккуратно смывал с неё лишнее — шлих без золота.

Сам металл концентрировался в углублении средней части лотка. Постепенно, с уменьшением количества шлиха в лотке, оставшаяся масса частиц становилась всё желтее и желтее. Когда в лотке оставалось золото с малой примесью чёрного шлиха, трудяга вставал, разгибался и делал пару шагов от скамейки вбок, где была сложена небольшая печка из кирпича с трубой. Сверху печку прикрывал противень. Рядом стояло ведро с водой. Сняв противень, Фрол смыл водой из ведра, черпая пригоршнями с лотка на противень золотой концентрат, наклонил его, сливая остатки воды, и поставил его обратно на печку. Запалил в ней огонь. Здесь концентрат сушили. Вернувшись к лавке, он набрал новую порцию шлиха и начал процесс сначала. Пока он колдовал с обогащением (доводкой) концентрата, рабочим подходить к нему было не положено.

Право на это имел только Егорыч. Работал Фрол споро. Когда он ополоснул ларь, сливая остатки шлиха в лоток и сталкивая пальцами задержавшиеся в углублении крупные золотины, и уселся доводить последовательно порцию концентрата, за его спиной остановился Егорыч. Что делать с Фролом, он ещё не решил, но вид золота, которое сушилось на поддоне рядом с доводка — около фунта золотого песка в лотке, отвлёк командира. Он смотрел на мастерскую работу Фрола. На плоском камне рядом с урезом воды лежало несколько мелких самородков, которые Фрол извлёк из лотка в ходе работы. Один более крупный размером с два ногтя большого пальца руки лежал несколько поотдаль от остальных. Длина самородка на глаз была около вершка, толщина около его трети. «Золотников под восемьдесят» — оценил вес самородка Егорыч. Фрол «отбил» золото от шлиха, полюбовался металлом и перед тем, как встать с лавки, протянул руку и, прихватив отдельно лежащий самородок, быстро сунул его за пазуху. Егорыч отступил на пару шагов назад.

Подошедшего Егорыча Фрол видеть не мог, он сидел спиной. Услышать его было также невозможно из-за шума ручья и ветра, дувшего снизу, то есть со стороны Фрола.

Пока доводчик шлиха сбрасывал последнюю порцию металла на сушку, Егорыч ещё раз попятился, отступая подальше, эдак шагов на десять и только после этого окликнул Фрола. Тот повернулся и в ответ на приветствие спросил:

— Что так рано, говорил, что будешь через пару дней?
— Дела! — ответил Егорыч и продолжил, — Ну, как металл?

— Вскорости просохнет, отмагничу, отдую, тогда взвесим. Однако есть и самородки, — он подошёл к лавке, собрал с камня лежащие там кусочки золота, протянул их Егорычу.

Самородки по виду, на глаз, весили от 4 до 8 золотников. По форме отличались друг от друга. Одни были массивные, округлые, другие с неровными краями и выступами. По цвету одни из них были похожи на светлую бронзу, другие ярко-жёлтые со слабым красноватым оттенком. Пока Егорыч разглядывал на ладони тяжёлое золото, Фрол быстро сунул руку за пазуху и протянул ему ещё один самородок — более крупный. Сообразив, что Егорыч мог видеть, как он прятал его, Фрол, на всякий случай, решил его вернуть. Авось не последний.

Егорыч внутренне порадовался, хотя червь сомнения никуда не делся из его опасливой сущности.

— О, какой красавец, — разглядывая металлического незнакомца, проговорил управляющий.

— Да, хорош, золотников семьдесят пять — восемьдесят, — оценил его вес Фрол.

«Ишь ушлый, на глаз оценивает вес, как я оценил», — подумал Егорыч. Тем временем противень перестал парить. Фрол снял его на землю, чтобы остыл, а сам стал докладывать о последней промывке, в ходе которой из откидной гальки подняли самородок, похожий на рыбу весом полтора фунта.

Они говорили о делах, тут Егорыч, всё ещё разглядывающий самородки, осведомился о том, была ли удачной рыбалка.

У Фрола не только руки умелые, но и мозги, соображавшие весьма скоро. Не зря Егорыч вернулся быстрее обычного, похоже, его встреча с хунхузом Ченом была кем-то замечена, и ничего доброго появление управляющего не предвещает. Донесли тунгусы. Мысли крутились, как бурятские ритуальные цилиндры.

Он собрался и заговорил, хотя пауза от вопроса до ответа была длиннее, чем обычно. Правда, в тот момент, когда был задан вопрос, Фрол пересыпал сухой золотой

шлих в холщовый мешок и задержка с ответом оправдывалась сосредоточенностью на работе.

— Какая рыбалка, в четверти версты от рыбного улова встретил бродячего китайца. Он чай варил, я на него вышел, не ожидая в этих местах чужого. Револьвер достал, а тот, увидев, замахал руками и закричал, что он не хунхуз, а травник — собирает целебные травы. И правда, он был обвешан мешочками и кореньями, висевшими на шее, как бусы. Ружьё у него было за спиной, он его так и не снял при моём приближении. По-русски этот лекарь говорит почти чисто, а здесь растёт корень — радиола, вот он его и ищет.

— А каков этот травник из себя? — спросил Егорыч.

— Да длинный, морда толстая, пузо висит, свешиваясь над ремнём. Одежда хорошая — рубаша синяя шёлковая, жилетка кожаная, вся в карманах, сапоги лосиной кожи, ружьё старое — фузея с длинным стволом, холщовая сумка большая с травами.

— Так он ростом выше тебя?

— А, почитай, маховая сажень, а то и чуть больше.

Фрол сознательно описывал другого типа, так, на всякий случай. Успокоившийся в какой-то мере Егорыч вновь про себя пришёл в волнение. Почему описание китайца, ставшее ему известным на стойбище, не совпадает с тем, что говорит Фрол? Фрол продолжал:

— Китайца этого кличут Тан, сам он из Хайлара, а живёт на реке Ламоря, а сейчас шёл на Олёкму, где у него лодка.

Более Егорыч ни о чём Фрола не расспрашивал. Они вернулись в посёлок. Егорыч открыл контору и, войдя в неё, снял два замка с двери внутри. Открыв дверь, оба вошли в небольшое помещение со столами вдоль стен. Здесь стояли весы, бутылки с кислотой, фарфоровые чашки, совки, покрытые сажей для отдувки золота и другие

вещицы для обработки золотого шлиха. В углу стоял железный ящик для золота длиной почти в 2 аршина и высотой чуть менее того. Ящик закрывался встроенным замком, ключ к которому всегда висел на груди у Егорыча. На одном из столов лежала шнуровая книга, в которой фиксировался приход золота по весу от каждого съёма, а также вес самородков. Каждые десять дней подводился итог за декаду и общий итог добычи с начала сезона промывки.

Фрол высыпал принесённое золото на деревянный поддон, отделил самородки, разровнял горку золотого песка в круглый плоский блин и, взяв магнит размером почти в три вершка, закрыл его снизу и боков листом тонкой бумаги. Затем стал касаться закрытой стороной магнита золота, рассыпанного в круг на поддоне.

В нижней части магнита стала образовываться «борода» из прилипших к нему зёрен магнитных минералов. Когда налипшие чёрные частички образовали слой в полдюйма, Фрол перенёс этот магнит на лежавший рядом чистый поддон, положил магнит с налипшими магнитными зёрнами на него, развернул бумагу, закрывавшую бока магнита, на плоскость поддона. Одной рукой придерживая развёрнутую бумагу, другой убрал магнит, подняв его вверх. Потом поднял вверх и бумагу. На поверхности поддона осталась кучка слипшихся магнитных зёрен, извлечённых из золотого шлиха.

По современным понятиям Фролом проводилась магнитная сепарация концентрата. Самородное золото по природе не магнитно, а в процессе промывки и доводки шлиха среди золотин остаются зерна магнитных минералов. Закрывают магнит бумагой для более простого отделения зёрен от магнита. Если бумаги между магнитом и магнитными частицами нет, то очистить магнит от притянутых к нему частичек весьма трудно. Бумага же, не

препятствуя притягиванию частиц к магниту, позволяет его мгновенно очистить.

Фрол несколько раз провёл описанную выше операцию и, когда к магниту уже ничего не прилипало, прекратил её. Золото на поддоне заблестело ещё ярче, хотя количество шлиха уменьшилось на размер кучки магнитной фракции, лежавшей рядом.

Плоской мягкой кисточкой обогатитель стряхнул золото на чёрного цвета металлический совок, собрал (опять же кисточкой) золото в кучку вблизи края совка, где не было бортиков (с трёх сторон у этого совка борта высотой в вершок).

Поставив совок на стол, он уселся рядом и, надув щёки, принялся дуть на кучку золотого песка. От кучки под воздействием струи воздуха стали отделяться белого и красного цвета мелкие частички и отлетать к противоположному бортику этого совка. Золотины из кучки отлетали существенно ближе, приблизительно на одну треть расстояния до задней стенки приспособления. Этим приёмом — отдувкой — Фрол отделял золото от тяжёлых немагнитных частиц, которые засоряли шлиховое золото и магнитом не отделялись.

Отдув одну порцию, Фрол кисточкой очень аккуратно стряхнул полоску с золотиными в специальную чашку, а отдутые «лёгкие» частицы, скопившиеся у задней стенки совка, ссыпал в другую. Через час всё шлиховое золото, отделённое от посторонней минеральной примеси, было взвешено. В этот раз сняли почти 10,5 фунтов металла, да взвешенные самородки дали почти три фунта. Егорыч записал веса шлихового золота и самородков в шнуровую книгу и после этого открыл ящик, где хранился драгоценный металл, полученный за предшествующий период промывки. В ящике было два отделения. Одно для песка, другое, поменьше, для самородков. Отделение для золотого

песка на одну пядь по высоте было заполнено искрящимися, переливающимися золотистыми огоньками драгоценного металла, а рядом лежали самородки. Дно отделения для них было на два вершка засыпано блестящими, иногда тускловатыми золотыми камешками размером с гравий, мелкую гальку. Отдельные из них были и крупнее. Всего в тот момент в ящике находилось 14 пудов 60 золотников и 73 доли золотого песка и 3 пуда 30 золотников, 44 доли самородков, что в сумме составляло 17 пудов 91 золотник, 21 долю драгоценного металла*. В практике Егорыча такой богатый прииск был впервые. По времени промывочный сезон не перевалил и половины, а увеличивающиеся съёмы золота обещали небывалую для этих мест добычу.

Шнуровую книгу управляющий заполнял сам. Он немного уменьшал цифры веса, фиксируемые в разных её графах. Эту разницу он вписывал в закладку столбиком. Это были цифры, которые его обрадовали. Они свидетельствовали ему о неучтённом металле. Иными словами, золоте, принадлежавшем лично ему. Это был его особый интерес, о котором знал хозяин — Василий, но Егорыч не заворовывался.

Столбик цифр, вписанных в узкую полоску бумаги, показывал, что Егорыч имеет один пуд 87 золотников и 22 доли шлихового золота. Он знал, что бутылка из-под шампанского с золотым песком весит пуд. В его комнате на полке стояли три бутылки из-под шампанского. В одной была вставлена веточка кедра с шишкой, в другой цветы Иван-чая, а третью он использовал для питьевой воды. Она стояла на столе. Управляющий знал, для чего он украшает своё жилище, а у посетителя это не вызывало интереса. Дело обычное, человек украшает своё жилище. Бутылки ждали конца сезона промывки и момента их наполнения, но отнюдь не водой.

Заметим, что Фрол, взвешивавший золото и сообщавший цифры веса под запись в книгу, всегда помнил веса по трём последним съёмам. Остальные последовательно забывал и, тем не менее, очень ему хотелось посмотреть, что записывал Егорыч в графы этого важного документа. Он бы сообразил, что к чему, но управляющий ещё при его найме на работу особо подчеркнул, что писать и глядеть в этот грессбух может только он один. Да и в эту комнату они всегда входили вдвоём. Фрол ждал момента, когда останется один, но Егорыч не давал ему такой возможности.

Завершив дела, закрыв дверные замки, поговорив с казаком, охранявшим вход в приёмную кассу, они пошли ужинать, обсуждая дела на завтра.

В работе как-то опасность и связанное с ней волнение отошли на второй план. Оставшись вечером один, Егорыч снова и снова перебирал события минувших дней, и уже не беспокойство, а что-то большее не позволяло заснуть.

В окно, туго закрытое по случаю мошкары, обитавшей в этих местах, раздался удар и за ним слабый скрежет с царапаньем стекла. Он знал, что это, поэтому встал, вышел на крыльцо и впустил в дом собаку. Это была сибирская лайка с умной пятнистой мордочкой и блестящими озорными глазами. За ошейник был засунут лоскут коры лиственницы. Эта собака была из стойбища, а лоскут коры — знак того, что в стойбище что-то случилось. «Ну, этого ещё не хватало», — подумал управляющий, однако надо было ехать. Он покормил собаку, заставил её лечь у двери и побежал к уряднику, командиру казаков-охранников.

Разбудив его, велел седлать коней и выставить дополнительный пост у тропы за прииском. Уряднику он велел не спать, проверяя посты каждые полчаса. С собой взял трёх казаков с полными патронташами, сам вооружился

револьвером, а в карман куртки насыпал запасных патронов к нему. Ещё он наказал уряднику (тихо, почти на ухо), что, если Фрол попробует уйти — схватить его и запереть в погреб.

Урядник вида не подал, что удивился. Он считал Егорыча и Фрола друзьями, но по военной привычке сказал: — Слушаюсь!

Через какое-то время четверо конных на рысях погнали к стойбищу. Впереди бежала лайка.

Не доезжая до распадка, где стояли тунгусы, спешили, привязали коней и настороже двинулись к поляне. Подойдя к краю леса, замерли. Им открылась поляна, на которой в свете большого костра сушили люди, другие лежали вокруг, видимо, убитые или связанные.

— Хунхузы напали на тунгусов, — прошептал один из казаков.

— Заряжай, — скомандовал Егорыч. Сам достал револьвер и взвёл курок. — На пять шагов разойдись в цепь.

— Эх, цепь-то короткая, — снова прошептал молодой казачок. Больше ни о чём не говорили.

— Целься, огонь, вперёд! — заорал Егорыч.

Казаки целились на ходу и, непосредственно стреляя, выбежали на поляну. Егорыч успел три раза выстрелить, свалил двоих, казаки застрелили ещё шестерых, одного сбили с ног и связали. Человека четыре сбежали. Выстрелы стихли. Молодой казачок с окровавленным лицом лежал на боку. Огляделись. Все мужчины-тунгусы были привязаны к деревьям, женщины и дети, связанные, сидели поотдаль от чумов кучей.

Всё хозяйство рода — чашки, котелки, чугуны, топоры, пилы, ножи, оленьи шкуры, куски камуса, кожаные нитки, мешки из кожи, вяленое мясо, связки шкур соболя, десяток медвежьих шкур и другие мелкие и крупные предметы были собраны в мешки, и их куча лежала

рядом. Названная жена Егорыча лежала в стороне и хохотала дурным голосом, обкуренная опиумом и в изорванной одежде.

Развязали сидевших кучей людей, отвязали мужчин от деревьев, собрали «трофеи» — пяток китайских мечей, три ножа, семь револьверов и четыре ружья, небольшую перемётную сумку, которая была очень тяжёлой, шесть котомок, которые обычно имеют казаки, моток волосяной верёвки и мешочек с рисом фунтов на тридцать, полмешка с мукой и короб с чаем.

Казак, осматривающий край поляны у леса, обнаружил семь гривастых якутских лошадей, привязанных в десяти шагах от его края. Лошади были с характерными китайскими сёдлами.

Погиб старейшина рода и шаман, который был зарублен, когда застучал в бубен, пытаясь отпугнуть нападавших. Ещё нашли кожаный мешочек, навроде кисета. Отец Аи принёс его Егорычу, сидевшему в задумчивости у огня, и сказал, что именно этот предмет седобородый русский передал китайцу, про которого он уже рассказывал раньше. Размер кожаного мешочка был с ладонь, однако он был тяжёлый. Развязал и сунул туда пальцы. Вынул самородок, другой, и, как ни странно, не удивился. Вес вещицы всё сказал Егорычу ещё до его вскрытия. Самородки были с его прииска. Очень уж они были ему знакомы по цвету металла и форме. Два из вынутых были светло-бронзово-жёлтого цвета, а один ярко-жёлтый с красноватым цветом.

Нет, именно этих кусочков золота он сам не видел, но другие, те, что в железном ящике золотоприёмной кассы, были похожи, как братья, на эти из мешочка. «Однако мешочек весит около десяти фунтов», — отметил Егорыч.

«Родня» приводила стойбище в порядок, разбираала мешки, в которые грабители собрали их имущество,

мёртвых китайцев обыскивали и раздевали, после чего стаскивали трупы на край поляны в яму. Плакала сестра Аи, её пятилетний малыш куда-то делся. Его нигде не было. У молодого казака на лице от виска до нижней челюсти была рана — след от удара меча. Он потерял много крови, но был жив, и старая тунгуска колдовала над ним, что-то прикладывая к ране и глядя парня по голове.

Распотрошили вещи налётчиков. Это делалось на глазах Егорыча. Он приказал принести их к огню и открыть. Перемётная сума и шесть казачьих котомок, пять мечей, три ножа, семь револьверов, из них пять не российского производства, и четыре ружья, из коих три были также не российские, разложены перед управляющим. Уже рассветело, вставало солнце, но на поляне был ещё сумрак.

Егорыч распорядился — китайские мечи, мешки, пистолеты и ружья российского производства, продукты и четыре якутских лошади отдать роду в лице старейшины. Им стал отец Аи. Он настолько обрадовался подаркам, что, казалось, забыл неприятности этой минувшей ночи. Аю перенесли в чум, старухи напоили её каким-то отваром, и она уснула. Около мёртвого старейшины и убитого шамана молча сидели старые женщины и дети. Они что-то заунывно пели, не раскрывая ртов. Все остальные занимались ликвидацией случившегося разгрома.

Всё это время один казак с ружьём наизготовку ходил вокруг поляны, по её границе с тайгой, и чутко прислушивался. Куда-то делись все собаки. Их было более десятка. Лайка с пятнистой мордочкой, приведшая спасителей в стойбище, куда-то исчезла с остальными собаками.

Прежде чем смотреть кладь китайцев, Егорыч позвал одного из мужичков стойбища, который лучше других мог читать следы, и послал его поискать сбежавших грабителей. Он не знал до конца, понял его тунгус или нет,

когда предупредил об особой осторожности. Если его заметят, то он в стойбище не вернётся. Следопыт по необходимости попросил револьвер. Егорыч на его глазах вставил в барабан револьвера патроны, взвёл курок, поставил смотреть, что он делает для того, чтобы выстрелить, и выстрелил в воздух.

После этого дал револьвер тунгусу и попросил повторить его действия с оружием. Тот исполнил всё в лучшем виде. Егорыч выбил две пустые гильзы шомполом, вставил два новых патрона, дал мужичку ещё десяток патронов в запас, и тот быстро зашагал в тайгу.

— Савва Петрович, а ну покажи припас китайцев, — попросил Егорыч усатого казака, который был при нём.

Перемётная сума состоит из двух частей, связанных ремнями, и на лошади перебрасывается через хребет по обе его стороны. Казак расстегнул ремешки одной части сумы и сунул туда руку. Он вынул на свет Божий плоский, замотанный мешковиной свёрток длиной около восьми вершков, шириной в шесть и толщиной в два вершка. Размотав тряпку, Егорыч увидел плоские с тиснением и тонкими рисунками пластины белого и жёлтого металла. Казак молча подал ему две из пачки. Господи! Это же оклады от икон! Егорыч живо представил себе, как грабители отрывают украшения от святых досок с ликом Спасителя.

Истово перекрестился. Далее были вынуты подсвечники. Чаши для причастия, три золотых, серебряный и массивный бронзовый крест на соответствующих цепочках.

Предметы культа были не староверскими.

— Ишь варнаки-нехристи, где-то храм ограбили, — прошептал, крестясь, усатый Савва.

В солнечных лучах утреннего светила переливались и блестели камни, украшающие кресты и чаши. Егорыча пробил пот, но не от желания иметь это богатство — оно

Божье, а от видения судьбы служителей той церкви, откуда всё это было «добыто» варнаками. Шаря по дну уже пустой сумы, казак вытащил перстень червонного золота, украшенный гранёным изумрудом в виде таблицы размером с полдюйма. По краям сверкали бесцветные чистые камешки размером больше горошины с многочисленными гранями. Как бы изнутри этих блестящих горошин выходили разноцветные лучики. Перстень был на кожаном шнурке, завязанном в виде кольца диаметром чуть меньше поларшина.

— Ух ты! Красота-то какая! — не удержался Савва, передавая перстень Егорычу. Разглядывая перстень — тяжёлый, с изумляющими глаз камнями, — невольно подумал о баснословной стоимости вещицы. Выпускать из рук её не хотелось.

— Что в другой? — спросил управляющий.

Савва открыл другую половину сумы и вытащил оттуда плоский мешок. Две трети его были заполнены бумажными деньгами — ассигнациями, а в нижней трети были сложены золотые монеты. Столько денег никто из присутствующих ещё в жизни не видел.

— Видать, и подаяния на храм, да не за один год, проклятушие прихватили, — снова прокомментировал казак.

— Ладно, запихивай всё назад в суму, да не спускай с неё глаз. Что в котомках?

Открыл одну — золотой песок фунтов эдак 20–25. Другие и открывать не стали. Что в них было, ясно.

— Ну-ка, Саввушка! Тащи сюда пленного хунхуза.

Тот подошёл к двум стойбищенским погибшим, где рядом положили связанного по рукам и ногам китайца и уже хотел тащить его к управляющему для расспросов, как увидел торчащую из его горла сбоку деревянную рукоятку местного производства ножа. Китаец был мёртв, и уже успел остыть.

— Кто его?!! — заорал Савва.

Из толпы женщин вышел малец лет десяти-двенадцати и, стукнув себя в грудь, что-то сказал. Подбежавший отец Аи перевёл. Он говорит, что этот бил его деда, а потом за волосы таскал его. Парнишка зарезал врага.

Женщины уже варили оленину, пекли лепёшки и кипятили воду для чая. Ая всё спала, уснул и раненый казачок.

Егорыч всё слышал, но, махнув рукой — мол, что теперь сделаешь — разрядил обстановку, подивившись внуком старика.

После обеда, погрузив трофеи на якутских лошадок, оставив раненого на попечение, караван из трёх приисковых отправился назад. Двигались шагом, впереди на небольшом расстоянии пустили двух местных из стойбища.

Остерегались засады. На въезде в приисковый посёлок отпустили лошадей домой. Егорыч предупредил казачков, вернувшихся с ним, о том, что можно рассказать, о чём лучше молчать. Он имел ввиду «китайские трофеи». Заметил, что молчание будет солидно вознаграждено и назвал такую сумму, что казачки и за три года не заработали бы.

Углядевший их урядник подбежал к управляющему и тихо ему сообщил, что Фрола никто не видел и что его нигде нет. Видать, он сбежал одновременно с отъездом их в сторону стойбища. Обстановка накалялась. У Егорыча мелькнула неожиданная мысль о том, что сбежавшие могут попытаться вернуть себе потерянное при налёте на стойбище. С другой стороны, он хотел предъявить Фролу мешочек с самородками и посмотреть, как он будет выглядеть при этом и что скажет, хотя бесхитростный тунгус, видать, не врал, когда узнал этот мешочек.

По приезде первое, что сделал Егорыч, это переправил ящик с приисковым золотом в казарму казаков

и поставил его за печку, чтобы не на ходу. Туда же свалили привезённые трофеи. Отдыхающую смену рабочих вооружил, раздал патроны и объяснил, что вблизи прииска обнаружилась банда хунхузов, которая уже напала на ближайшее стойбище. Показал мешочек народу и спросил, не видел ли раньше кто-либо его. Никто из находящихся в посёлке его не признал. Тогда он сходил на участок и показал его работавшим на промывке золота. Витька Сизов, поглядев на уже, естественно, пустой мешочек, сказал, что недели две назад проиграл его Фролу в карты, а сшила кисет его тётка ещё года три назад. Теперь всё встало на свои места. Фрол был наводчиком банды. Хунхузы сглупили, напав на стойбище. На прииске, если говорить высоким языком, было введено военное положение.

Промывку остановили. Егорыч собрал всех рабочих и говорил, сидя на крыльце конторы.

Сначала он спросил, есть ли недовольные питанием, отдыхом, платой за работу. На прииске было принято платить рабочим каждые две недели, в зависимости от выполненных по раскомандировке работ. Естественно, лавки с водкой не было. На других приисках всё было иначе, и многие, имея недобрый опыт в других местах, были весьма довольны здешней работой. Недовольных не оказалось. Тогда мудрый Егорыч сказал, что в любом стаде есть паршивая овца.

— Такой овцой оказался здесь всем известный Фрол. Он навёл шайку хунхузов на прииск, но перед нами они хотели ограбить тунгусов — наших добрых соседей, которые снабжают нас мясом и рыбой. Они вчера ограбили их, но уйти не успели. Мы с тремя казаками отбили стойбище у варнаков, но известный вам паря оказался тяжёло ранен, старейшину и шамана они убили, один малолетка из тунгусских детей пропал. Сколько их, мы не знали, но знаем, что

они ограбили храм, и, судя по всему, не один прииск. Это злые враги. Мерзавец Фрол с ними заодно и может привести их сюда. Наши порядки он знает. Мы хотим жить и работать. Будем защищаться. Кто не умеет стрелять?

Таких не нашлось. Мужики, получив кто ружьё, кто револьвер, приободрились. Урядник сказал всем от имени управляющего, чтобы заработанные деньги и ценные вещи в домах и бараке не держали, а схоронили на воле. Об этом никто не подумал. А ведь и вправду. Что, если все строения сгорят!

Егорыч позвал урядника и второго своего помощника на совет.

— Как будем стоять супротив хунхузов? — просто спросил начальствующий и замолчал, ожидая ответа. Урядник почувствовал себя атаманом и предложил выдвинуть на тропу засаду из казаков, усиленных вооружёнными старателями, и залповым огнём встретить врага. На это помощник Егорыча заметил, откуда тот знает, что разбойники двинутся именно по этой тропе?

Урядник засопел и не нашёл, что ответить. Начальник охраны был храбрый мужик, но о тактике понятия не имел.

Егорыч заговорил о том, что им надо понять, что нужно этим самым хунхузам. Оба в голос ответили — золото.

— Во, — крикнул управляющий. — Фрол их наведёт на домик с золотоприёмной кассой. Только они не дураки и знают, что место это будет под сильной охраной. Что они должны будут предпринять? — продолжал Егорыч.

Тут урядник сообразил и сказал, что охрану попытаются убрать или отвлечь.

— Наверное, всё же отвлечь, — вставил помощник.

— Чем? — спросил управляющий. — Чем или как отвлечь?

Урядник почесал затылок, организуя мысли в правильном направлении, а помощник быстро выпалил:

— Да зажечь промывку, и хозяйство при ней.

— Умница, — одобрил его мысль Егорыч. — Все же кинутся тушить, а в посёлке, кроме казаков, никого и не останется.

Тут к ним подошли двое казаков и тунгус. Служилый привёл человека, пойманного на тропе, к прииску у первого казацкого кордона. Это был тот самый человек, которого Егорыч послал по следу беглых китайцев на стойбище. Тот стал говорить на смеси местного и русского языков, и усилиями троих его поняли.

Он вышел на стоянку хунхузов, посчитал по-своему их, видел, как шайка разделилась на две группы. Видел он и Фрола среди разбойников. Как сообразил управляющий, хунхузов было человек двадцать пять или тридцать. Одна группа пошла через перевал, чтобы попасть на реку ниже прииска, другая двинулась тайгой параллельно тропе. И одни, и другие шли без дороги. Явиться на прииск они должны были часа через два-три.

Приисковые разделились. Три казака и пятнадцать вооружённых старателей ушли по реке ниже прииска и полукругом замаскировались, пересекая долину. Двое старателей спрятались у золотомоечных машин и один у дороги между посёлком и участком промывки песков.

В посёлке, кроме двух казаков охраны, у золотоприёмной кассы никого видно не было, хотя в кронах трёх лиственниц притаились люди, на чердаках и у окон, а также между камнями фундаментов под домами затаились стрелки.

Договорились, что все сидят на своих местах и никуда не бегают, что бы ни случилось. Пусть бегают налётчики. Стрелять в любого движущегося.

Пожарную бочку обставили листвяковыми поленьями, вылив из неё воду. Она стояла у угла столовой напротив крылечка золотоприёмной кассы приблизительно в десяти саженьях. В бочку, вооружённый двумя револьверами, залез Егорыч и присел там. Над его головой на чердаке устроился урядник с ружьём и пистолетом. Кордон у тропы уменьшили до трёх человек. Они должны были сидеть тихо и, если кто пойдёт, не стрелять, а пропустить и затаиться. Если в заварухе придётся стрелять, то только из тайги, не выбегая на открытые места, или бить бегущих мимо. Охрана золотоприёмной кассы при первых выстрелах должна была залезть под крыльцо и воевать из-за камней фундамента, а в случае пожара отползти в тайгу за домиком. Дальше по обстоятельствам.

Стемнело. Прииск затих. В воздухе звенела мошка, люди затаились в напряжённом ожидании. Где-то ухнул филин. Егорыч почувствовал, что сейчас начнётся. Ниже прииска раздались несколько выстрелов, и вслед за ними началась такая трескотня с перекрывающимся эхом, что все в посёлке невольно вздрогнули, сжимая оружие и вглядываясь в темноту.

Из тайги ухнул филин, и с трёх сторон к домам кинулись тени. Первые выстрелы вблизи резанули по ушам, и началось. Егорыч выставил револьверы на верх бочки, приподнялся и увидел фигуру, которая что-то пыталась зажать, чиркая серниками. Он прицелился, в момент загорания выстрелил из пистолета и присел, скрываясь в бочке. Яркая вспышка, дикий крик. Он выглянул. Между домами бежал горящий человек. Видать, бутылъ с керосином была у того в руках, да пуля её разбила. С чердака, из-под дома стреляли. Стреляли и с деревьев.

Со стороны тропы, где была засада, вдруг послышался топот, и группа человек в десять кинулась к домику с кассой. Они тащили бревно, вокруг которого бежало

человек шесть, направив ружья в разные стороны. Таран несли четверо, целясь в дверь хранилища золота прииска. Нападающие были уже в пяти шагах от двери, когда с чердака напротив из-под дома по ним начали стрелять. Егорыч стрелял с двух рук, уже фактически не целясь. Четверо нападавших валялись на земле, когда сверху на голову Егорыча упало ружье, ударив его прикладом по голове. Оглушённый, он сполз на дно бочки. Стрельба продолжалась, но в дверь кассы уже бил таран. На четвёртом ударе дверь сорвалась и с грохотом упала.

В этот момент упала ставня из окна столовой, что напротив крыльца, чуть левее бочки, где лежал Егорыч, и трое казаков подняли ружья, ожидая появления людей, вбежавших в золотоприёмную кассу. В доме послышался шум, ругань, и на крыльце появились две фигуры. Грянул залп. Тени повалились, как снопы. Из тёмного коридора, стреляя, появились ещё люди. Снова залп. Эти упали так же, как и первые. В это время очухавшийся Егорыч выглянул из бочки и увидел вылезающих через трупы на крыльце двоих. Ни сверху, ни у окна возле его бочки никто не стрелял. Он поднял правую руку с пистолетом, спустил курок — щелчок, а выстрела нет. Бросил пистолет в бочку, перехватил тот, что был в левой руке, прицелился, выстрелил, человек упал, а другой на бегу дважды выстрелил в его сторону.

Одна пуля застряла, ударившись в листяк на уровне его груди, другая визгнула у уха и ушла в стену. Человек, петляя, бежал в сторону тропы с заставой. Пистолет опять щёлкнул без выстрела. Управляющий присел на дно своей «крепости» и стал перезаряжать его. Со стороны тропы раздался залп и началась стрельба.

Спереди выстрелов уже не доносилось. Вокруг всё стало тихо. Это казалось странным. Светало. Борис Егорыч потрогал рукой голову и на темени обнаружил боль-

шую шишку, а на пальцах слипшуюся кровь. Голова гудела, виски ломило. Один пистолет Егорыч сунул сзади за ремень и, держа второй в руке, выбрался из укрытия. Между домами он насчитал восемь лежащих неподвижно на земле фигур.

— Кто есть живой? — закричал управляющий, оглядываясь. От промывалки двигались несколько человек, несущих и поддерживающих раненых. С чердаков и из подвалов вылезали люди.

К восходу солнца общая картина стала ясной. Убитых чужаков оказалось полтора десятка. Из приисковых погибли семеро и двенадцать были ранены. Трое тяжело. Погиб урядник и двое казаков из засады у окна дома напротив золотоприёмной кассы. Ещё один казак погиб, прикрывая золотомоечные машины. Фрола среди мертвецов не нашли, хотя Егорыч очень надеялся, что пуля найдёт подлеца.

Главное — дома и оборудование были целыми, хотя попытка поджечь была. Обгорелый труп жуткого вида с вытянутой, растопыренными пальцами вверх, рукой лежал посреди посёлка. К конторе сносили подобранное оружие. Его было много.

Егорыч приказал принести водки, солёной рыбы, луку и хлеба. Вытащили два стола, разлили водку по стаканам, выпили за упокой души погибших. Все, не чокаясь, выпили и разобрали нехитрую закуску. Народ малость расслабился.

Два дня хоронили убитых. Своих приисковых в могилах за посёлком, где возникло, может быть, первое в этих местах русское кладбище. Чужаков побросали в шурфы за бортами россыпи и засыпали их породой.

Прииск не работал, но то золото, которое было в шести захваченных ещё на стойбище котомках, взвесили. Его оказалось почти четыре пуда. Когда его ссыпали в железный

ящик, Егорыч отметил, что золотишко-то всё разное по цвету и виду песка.

Видать, хунхузы угробили много людей старательского труда в разных местах.

Металл, ссыпанный в кассу, с лихвой компенсировал простой в работе. Управляющий со вторым своим помощником по числу погибших старателей и казаков в мешочки отвесили по три фунта золотого песка. Это семьям или родственникам, если они объявятся. Люди-то были из разных мест. О некоторых вообще известно не было, откуда они. Сложнее было с урядником и двумя другими казаками. Они жили в селе под Иркутском и числились в казачьем реестре.

О налёте всё же придётся докладывать официально. Что за этим может произойти дальше, было неясно. Официальное следствие и т. д. и т. п.

Егорыч сел писать письмо Василию и составлять официальный рапорт управляющего о событиях на стойбище и прииске.

В письме Борис Егорович просил Василия узнать, нет ли сведений о храме, который бы был ограблен хунхузами этим летом, и высказал мысль о том, что вещи культового порядка, попавшие к ним, надо бы вернуть, если храм найдётся.

Фрол

Фрол бежал по звериной тропе, ежесекундно наклоняясь, дабы не задеть нижние ветки деревьев. Он тяжело дышал по причине того, что почти два пуда золота в плетёном коробе за спиной давали себя знать непомерной тяжестью. Бегать с таким грузом раньше ему не приходилось.

Пользуясь доверием Егорыча, позволявшим ему доводить шлихи промывки до золота, он самые крупные самородки и золотишки, которые старатели называли «таракашки», в золотоприёмную кассу прииска не сдавал. Оставлял себе, пряча под плоский камень около промывки. Когда сменялась стража, он, улучив момент, забирал золото и, не доходя посёлка, прятал его в том самом коробе, который ныне тащил на спине. Короб был спрятан в куче норы, которая осталась от брёвен для стройки посёлка, между участком промывки и домами. Споткнувшись о корень лиственницы, беглец, едва не воткнувшись в сухую острую ветку, упал на землю, а ветка эта воткнулась в плетёнку за спиной и помогла ему, смягчив удар.

Несколько минут он лежал, приходя в себя. Затем попытался подняться, но сверху что-то не позволяло это сделать. Сообразив, что произошло, попытался назад, освободился. Сбросил с плеч верёвки короба и, разогнувшись, почувствовал острую боль в спине. На секунду замер. Боль прошла. Он не успел обрадоваться. При первом же движении из глаз посыпались искры, впал в беспамятство. Он лежал на едва видной тропе, его бывшая ноша откатилась на пол-аршина под нависшие лапы кедрового стланика.

Невозможность двигаться давила бедолагу. Очнувшись, он лежал, а в голове, как на ярмарочной карусели, мелькала его жизнь. Вот он с отцом на охоте, вот праздник Яблочный Спас, потом Рождество Христово, вот снова тайга. Вот горящий прииск, а Фрол с топором ломает дверь конторы, добираясь до чужого золота. Вот лихая гулянка и снова тайга. Фрол был наводчиком у отряда хунхузов. Подражаясь на прииск, в какой-то момент давал знать разбойникам о том, что добыто солидное количество золота. При нападении обычно уходил и, встретив поделщиков, пока те убивали старателей, лез в хранилище металла. Свидетелей не оставалось. На тех приисках, которые были ограблены ранее, работало от восьми до пятнадцати человек, при двух-пяти охранниках.

В этот раз Фрол предлагал хунхузам подождать ещё с пару недель, чтобы золотца скопилось поболее. Прииск-то богатейший. Те не могли оставаться на месте такой большой шайкой. Держать в тайге без дела столько людей было весьма сложно. Фрол же советовал не трогать тунгусов, зная, что Егорыч им не чужой и постоянно туда наведывается. Его не послушались. После отъезда Егорыча, когда за ним стали приглядывать втихую и казаки не выпускали его из виду, Фрол обо всём догадался. Улучив момент, сбежал.

Во время работы на приисках он скопил вместе с долей от грабежей почти семь пудов золотого песка. На берегу Вилюя, в одном из распадков, имел тайник, где, кроме золота, было спрятано оружие, продукты и тёплая одежда. Когда стало понятно, что разбойники его не хотят слушать, торопят, — сообразил, что те могут нарваться на серьёзное сопротивление золотодобытчиков. И ещё он мечтал для себя поскорее убраться с золотом из этих гиблых мест и стать купцом первой гильдии. Это его дело — последнее в здешних местах.

Побег из старательского посёлка произошёл до нападения на прииск. Сильную стрельбу он слышал уже лёжа в беспомощном состоянии на едва приметной тропе тайги. Сколько пролежал здесь, уже не соображал. Очнувшись от холода и жуткого бурчания пустого желудка. Из темноты на него глядели два глаза наподобие мерцающих зеленоватых огоньков. «Волк», — пронеслось в нестерпимо болевшей голове. Он потянулся рукой к поясу, где был нож, и снова, уже в который раз, впал в беспамятство. На тропу выбежала лайка с пятнистой мордочкой. Обнюхав лежащего человека, умная собака бросилась по тропе к посёлку. Запах Фрола был похож на запах поселковых. Местные тунгусы пахли иначе. Собака, подчинившись инстинкту, выбрала правильное направление.

В посёлке собаку знали, и никто на неё особого внимания не обратил, а она явно кого-то искала, бегая между домиками. К вышедшему из казармы Егорычу пёс бросился с радостным лаем. Тот первым делом ощупал ошейник. Нет ли знака — кусочка коры. Его не было. Собака между тем, схватив его за штанину выше сапог, потянула за собой. Потом отбежала в сторону и опять подбежав, схватила за штаны и вновь потянула. Егор смекнул, что животное куда-то его зовёт. Прицепив кобуру с пистолетом к поясу и кликнув двух казаков, они отправились вслед за бегущей впереди собачкой.

Собака кого-то облаивала, оставаясь на месте. Подготовив оружие, люди вышли на лежавшего во мху Фрола. Тот что-то бессвязно бормотал.

— А вот и Фролушка, — серьёзно сказал Егорыч.

Его хотели поднять, но он дико заорал и сник.

Оглядевшись, заметили под ветками плетённый короб. Вытащили, открыли и переглянулись. Золото с прииска.

— Однако варнак попался, — пробурчал один из казаков.

Его похлопали по щекам, пытаясь привести в себя, дёрнули за руку, от чего тот вновь заорал от боли.

— Спину он сломал, — предположил второй казак.

Для Егорыча подтвердились самые тяжёлые мысли и думы об этом человеке.

Вырубили две молодые лесины, привязали между ними куртку. На импровизированные носилки перевалили вора. В этом уже никто не сомневался. Сбежавшиеся, не занятые на промывке люди, обступили вышедшую из тайги процессию. Впереди два казака несли носилки, сзади с револьвером в руке и плетёным коромом за спиной двигался мрачный управляющий.

— Бог наказал вора, — говорил Егорыч, ставя на землю выючник с металлом. — Извольте глянуть.

Кое-кто из самых любопытных подошёл, а заглянув вовнутрь, молча удалился.

— Вот те и начальничек, фартовый золотничник, командир, а вор. Положите его в казарме, напоите чаем, а ты, — обращаясь к одному из казаков, приказал Егорыч, — неотступно находишься при нём.

Сам отправился взвесить и сыпать принесённый из тайги металл. Золота оказалось один пуд, 39 фунтов, 25 долей*. Всё золото было крупным со многими самородками. Один из них весил 3,5 фунта**. Когда самородки были переложены в железный ящик, в глаза бросилось, что в среднем они были крупнее, чем те, что уже здесь лежали.

— Ишь, гад, самые видные самородки тянул. Иуда.

Лекарь обмыл и осмотрел Фрола. Позвоночник оказался переломанным в двух местах. Болезного, несмотря на его крики, привязали к гладкой доске, приложив её к спине так, чтобы она фиксировала сложенный опорный столб человека. После чашки сладкого чая он уснул и проспал до утра. Егорыч явился утром и, глядя на открывшего глаза и спеленутого, как кокон бабочки, Фрола, спросил:

96 * Это почти 32,5 килограмма.

** 1 кг 433 г.

— Как это ты, Фролушка, с хунхузами снюхался? Про то, как воровал золото, сам знаю. Я тебе, паскуде, верил, как себе, а ты что удумал. Отвечай!

Фрол выдавил из себя, что никаких хунхузов не знает, а по поводу золота каяться не намерен. Не повезло, знать такая судьба, и замолчал. Управляющий понял, что так Фрола не проймёшь, но тут казак, что-то сообразив, предложил:

— Давайте его, господин управляющий, на этой доске зароем в землю. Всё равно подохнет!

— Хорошая идея, — обрадовано вступил в игру Егорыч, которому необходимо было знать про эту шайку, не истреблённую до конца во время набега на прииск.

Фрол отлично слышал сей разговор, и в его тёмных глубинах зашевелился страх. А что вдруг живым зароят в землю? Привязанный к доске и вместе с ней к лежанке, горемыка ни на что повлиять, а тем более что-то сделать не мог, но перспектива быть живым зарытым в землю его потрясла. Казак, предложивший схоронить пленника, служил на турецкой войне в разведке и знал, что предлагает. Опыт в дознании пленных христиан, служивших у турок, имел, хотя по этому поводу молчал, как рыба, по известным причинам.

Егорыч понимал, что ему и всем на прииске покоя не будет, пока они не узнают, кто напал и их возможные планы на дальнейшее.

Он решил ещё более серьёзно надавить на психику пленного. Привёл с собой ещё двух охранников с заступами (лопатами по-современному), оставил их на улице, а сам, войдя в казарму, приказал казаку позвать двух человек для рытья могилы.

Фролу он ещё раз предложил рассказать ему о хунхузах и как тот с ними свёл знакомство. Тот молча сопел, а когда казак вышел, спросил, не боится ли Бога Егорыч,

желая зарыть его живым. На это управляющий резонно заметил:

— Сам-то Бога не боялся, когда на посёлок со старателями навёл разбойников, — и сообщил бедолаге о людских потерях прииска в результате налёта и бедах стойбища туземцев.

Тут вошли двое с лопатами, и Егорыч поставил им задачу вырыть яму размером в маховую сажень* и глубиной в два аршина**, но не на новом кладбище, а в лесу между посёлком и участком добычи золота. Те, ответив: «Рады стараться!», удалились. Фрол молчал до тех пор, пока его не подтащили к яме. Увидев свеженасыпанную тину возле ямы, он начал торговаться, что, мол, если он всё расскажет, то чтоб его отправили в богадельню Иркутска и оставили в покое. Мол, все траты на это он компенсирует и никто в накладе не будет.

Егорыч, поняв, что разбойник сломался, заметил, что может быть следствие, и его при этом никто выгораживать не будет — не тот случай. На это Фрол ответил, что дела с казёнными чиновниками уладит сам.

Казаки принесли Фрола в казарму и оставили его с управляющим вдвоём.

Из сбивчивого рассказа Егорыч понял, что набег хунхузов стал готовиться задолго до начала добычи металла на прииске.

Оказалось, что купец Хишкин, для которого В. А. Овручев и Василий оценивали россыпь, где происходили последние события, после своего банкротства распродал остатки состояния и, в том числе, за какие-то смешные по своей малости деньги продал полученный от геологов рапорт. Он содержал сведения о богатой россыпи и оценку количества золота, которое она могла дать. Тогда глуповатый купец не поверил специалистам. Однако через год другой горько сожалел об этом и в пьяном угаре, спуская

98 * Маховая сажень — 1,76 м.

** Аршин — 71,12 см.

последнее, рассказывал, каким богатым он мог бы стать, добывая золотишко из этого месторождения.

Где-то в это же время хозяином россыпи стал Василий, а Егорыч уже начал организацию и работы по россыпи. Рапорт же попал в руки человека, связанного с шайкой, известной только разбойному люду, которая промышляла грабежами к северу от Иркутска и на границе. Указанная шайка была частью людей Джао Косого.

Один из людей этой шайки, услышав похвальбу купца, узнал, кому был продан отчёт о золоте россыпи «Валунистой». Через некоторое время папка с рапортом была украдена, а контора, где он хранился, сгорела от внезапно возникшего в доме пожара.

В шайке был наводчик Фролка, к которому и попала папка с картой и описанием богатого на золото места. Узнать, кто теперь владеет участком, труда не составляло.

Фрол пришёл наниматься в артель к Егорычу. При разговоре Фрол изложил якобы свою жизнь старателя-одиночки.

Управляющий дал ему лоток и попросил промыть пробу. Надо было проверить, умеет ли тот в действительности мыть золото. Фрол весьма красиво и быстро промыл около пуда породы, получил шлих, высушил его и отдал золото. Мыл он пробу в ручье, где россыпи, естественно, не было, но три мелких золотишки он всё же отмыл. Егорыч убедился в профессиональной работе и уверенном знании операций по доводке шлихов. В разговоре с Фролом Егорыч прямо спросил его, с кем из иркутских промышленников тот работал. Тот сказал, что его никто не знает по причине работы в одиночку, хотя сам при этом проявил хорошую осведомлённость практически о всех сколько-нибудь заметных предпринимателях в части золотого промысла. Он давал им очень меткие характеристики, но все

они были негативными. Один глупец, другой самодур, иной пьяница и так далее. Очень складно рассказывал о трудностях и опасностях работы в одиночку и возникшей у него мысли поработать в серьёзной артели.

О здешних местах и делах он знал больше, чем сам Егорыч, и стало понятно, что этот человек может стать неплохим помощником в деле.

Может быть и лучше, что он до того работал один. Из разговоров Егорыч понял огромное сомнение и очень высокую самооценку этого человека. С другой стороны, в тайге подобные люди, привыкшие к превратностям кочевой жизни и всё умеющие сделать, способные выживать и работать Бог знает в каких тяжёлых условиях, весьма полезны. Заметил Егорыч и то, что Фрол не любит шуток и разговора ни о чём. Сам Фрол в беседах с управляющим старался не выдать словом или жестом, а также знанием того, что он знал, но не имел права проговориться о своих глубинных намерениях. Его некоторую напряжённость в разговорах Егорыч воспринимал как крайнюю серьёзность.

Как выяснилось позже, Егорыч проглядел негодяя. Пока же всё сложилось как нельзя лучше. В период подготовки прииска к добыче золота Фрол работал больше других и управляющий был им доволен. Часто отъезжая по делам, оставлял на хозяйстве именно его. Когда началась промывка песков, Фрол работал с упоением и азартом, при этом регулярно, раз в неделю, тайно встречался с человеком из шайки хунхузов, которая делала своё чёрное дело в этом районе.

Дело в том, что в период снятия пустых пород с золотоносного пласта, на малом вашгерде*, промывались небольшие порции этих вскрышных пород, пудов сто в неделю. Это давало по несколько золотников металла. При этом с каждой промывкой количество извлечённого

100 * Вашгерд — простейший прибор для промывки золотоносных песков

золота и перед началом генеральной промывки на прииске уже было фунтов десять драгоценного металла и с десятков мелких самородков фунта на два с лишним.

До Егорыча уже доносились слухи о хунхузах, шарящих в радиусе 100–150 вёрст от участка их добычных работ, но вблизи они не появлялись. При любом разговоре с коллегами из других мест управляющий ненароком преувеличивал количество казаков охраны. Делал это специально. Дескать, пусть знают нашу силу и не суются. Сам же в глубине души молился за ради бережения от неприятностей.

Более чем за два года работ за Фролом ничего предосудительного не наблюдалось, и когда Егорыч узнал о долгой связи его с разбойниками, он представил, что в этом мужичке, при первой их встрече, он что-то главное не понял. Широкая осведомлённость Фрола в чужих делах тогда до управляющего не дошла, хотя это лежало на поверхности.

Теперь лежавший перед ним Фрол что-то говорил о своих трудах по удерживанию хунхузов от налёта на прииск, но его не стали слушать, а когда узнал, сколько разбойников находится здесь рядом, то решил бежать, и вот что из этого вышло. Говорил он, естественно, не всё. Забыл и тот момент, что выданное разбойникам количество уже добытого на прииске золота, которое лежало в кассе, было именно тем моментом, который решил вопрос о нападении именно в эти дни.

Глядя на непривычно разговорившегося Фрола, управляющий задел вопрос о том, что собирались предпринять хунхузы после нападения на прииск в случае удачи и что думал предпринять сам Фрол.

Здесь Фрол незамедлительно ответил, что разбойники ушли бы к реке и отправились за кордон. Второй части ответа пришлось ждать. Болезный замолчал в странной

задумчивости. Дело понятное — все его планы рухнули. Потом он выдохнул — ушёл бы с ними до Байкала, а там бы махнул в Иркутск.

— А в случае неудачи? — задал вопрос Егорыч.

Калека ответил, что об этом никто не думал. Раньше всё получалось.

— Что теперь со мной будет? — продолжил разговор Фрол.

— Пока не решил, но ведь ты мне ещё ничего и не рассказал — всё вокруг да около. Где у хунхузов берлога — место отдыха между крупными грабежами? — спросил управляющий.

— На притоке Витима, реке Ципе, в двадцати верстах выше её устья на берегу есть поселение, где живёт четыре семьи китайцев. Там они задерживаются иногда по две-три недели. Там же лечат легко раненных и больных малярией.

— А что с тяжело ранеными, где их выхаживают?

— Этих не выхаживают, — криво усмехнулся рассказчик, — им горло режут на месте, чтобы не мешали уходить.

— Стало быть, если в теперешнем состоянии ты бы попал к своим, они бы тебя того...

— Я бы к ним не попал, законы нехристей знаю, — почти прошептал Фрол и из его глаз покатались слёзы. «А ведь проняло подлеца», — подумал Егорыч и вышел на воздух.

Народ приисковый потянулся вечерить. За ужином управляющий обратил внимание на то, что оба казака, охранявших Фрола, гремят ложками со всеми остальными, и громко высказал своё недовольство этим, приказав отлучаться от доходяги по очереди. Тот, что был помоложе, отправился на пост к двери барака и через несколько минут вернулся и сделал знак управляющему — мол, выйди.

— Фрола зарезали, — выпалил казак, и они оба бросились к соседнему строению.

Бедолага лежал там, где его оставили. Из перерезанного горла на пол уже натекла лужа, на лице застыла гримаса, один глаз был закрыт, другой смотрел в потолок. Вот те и поговорили...

За ужином отсутствовали только шесть казаков, что охраняли участок промывки и тропы со стороны окраин посёлка. Все они были на местах и, как водится, никто ничего не видел и не слышал. Однако после похорон страдальца с прииска исчез один рабочий. Найти его так и не удалось.

Пристрастный допрос охранников показал, что они-таки отлучались с поста и были случаи, когда оба сразу, а однажды они застали в казарме Михея (так звали исчезнувшего рабочего), который о чём-то разговаривал с Фролом. Неужели ещё один негодяй? Однако более расспрашивать было некого. Управляющий отправился писать Василию новое письмо. С утра после раскомандировки на прииске продолжалась обычная работа, правда, разговоров среди старателей стало больше.

Михей

По едва приметной тропе, под шум слабого ветерка, обходя остроугольные глыбы, заставлявшие тропу изгибаться, быстрым ритмичным шагом опытного таёжника почти бежал человек. Его шаг напоминал шаг римских легионеров в походе, но путник ничего не знал о блистательных походах римских когорт, понятия не имел.

Его заботили очень простые привычные дела. Он знал, что его миссия на этом прииске окончена. Почти три года он был незримым оком Джао Косого. Его основным делом было приглядывать за Фролом, который не случайно оказался здесь же. Хитрющий главарь хунхузов никому не верил и, отправив Фрола подраться к Егорычу на новое дело, послал туда же, но другим путём якобы обычного работягу. Сейчас Михей, ничем не отличавшийся от основной массы приисковых трудяг, был носителем, как говорят, объективной информации о событиях на прииске, провале налёта, и главное — золоте, остававшемся на прииске.

Прикинувшись спасителем Фрола, в коротком разговоре сумев убедить подозрительного по жизни, чуть живого доходягу в том, что он человек главаря и получив от того необходимые сведения, хладнокровно лишил недвижимого человека жизни. Этот вариант был оговорён заранее — если что, концы в воду.

О содеянном Михей не думал, он проигрывал варианты пути к хозяину и перебирал в памяти детали Фролова рассказа, а также соображал, что бы такое рассказать, дабы утопить Фрола поглубже и на его фоне выглядеть

спасителем всего дела. Общее положение на приiske и тамошние порядки он знал не хуже Фрола, вот только до золота его не допускали. Теперь он знал почти всё и думал о том, как способней, несмотря на первую неудачу, взять добытое прииском золото. Вариант нападения на золотой караван, который будет вывозить металл из таёжных дебрей, появился в его голове после воспоминаний о приказах управляющего перед налётом.

За какие-то часы прииск стал почти крепостью, и результаты ночного боя подтвердили это. Брать золото следовало на пути его перевозки в Бодайбо или Иркутск. «Успеть добраться до главаря и вернуться с людьми, способными отнять золото», — целиком занимало его мысли.

Беглец знал, что его дни на приiske сочтены и уходить всё равно придётся. Поэтому он подготовился к переходу. Всё, что нужно одинокому путнику в тайге, у него было. Уже дважды он исполнял роль ока главного хунхуза, и оба раза всё оканчивалось добре и с прибылью лично для него, а главарь уже называл его братом.

Радуюсь своей ловкости, Михей, с одним привалом, поспав 3–4 часа, наматывал вёрсты, двигаясь к реке Витим. Туда же двигались и казаки, вёзшие доклад Егорыча к Василию. Их пути вроде бы не могли пересечься, но пошедший дождь подправил направления пути верховых казаков и пешего Михея. Быстро вздулись ручьи в соседних долинах, по которым почти параллельно двигались люди, а единственная тропа неторёная вдоль рек, шла по хребту между долинами. Это был водораздел высотой почти сто саженей над долинами речек, заросший тайгой и заваленный курумами*.

Поверхность хребта была плоской и только в местах его пересечения верховьями ручьёв и речек сужалась до 10–15 саженей и понижалась саженей на 30.

* Курумы — каменные поля, заваленные крупными глыбами.

Казачи задержались после ночёвки, так как разыскивали ушедших за ночь коней, которых они отпускали пастись на ночь. Коней нашли у реки, и пришлось их вести в поводу до верху хребта.

На это ушло почти всё утро. Решили сначала приготовить обед, попить чаю, а уж потом двигаться дальше. Пока готовился обед, один из казаков отошёл поохотиться. Пройдя назад с полверсты, тот вдруг увидел дымок чуть в стороне от тропы и чуть ниже её, подымавшийся почти незаметной тонкой струйкой из распадка. Вояка насторожился. Тайга есть тайга. Если здесь ещё кто-то есть, то это неспроста. Места глухие. Однако надо глянуть, кто да что там. Предыдущие события на прииске заставили подумать о том, что вдруг это хунхузы. Дослав патрон в ствол карабина, казачок стал подкрадываться к старому листвяку с обломанной обгорелой верхушкой, возле которого курился дымок.

Михей сушил сапоги и одежду, прихлёбывая из кружки чаёк. Подкравшийся без звука к бивуаку казачок с удивлением узрел знакомую физиономию, но вид одежды, развешанной вокруг почти не дымившего костерка, несколько его озадачил. Эта одежда была не похожа на ту — рабочую, в которой ходили приисковые. Таковую, как он разглядел, носили охотники-промысловики. Облик тихого Михея, который сложился на прииске, никак не вязался с этим «королём тайги», возле которого стояло ружьё, а за ремнём он углядел пистолет. У костерка на двух наклонных к очагу палочках пеклась рыбка. «Ишь ты, расположился. А зачем? Куда идёт? Почему вооружён? Может, вдогонку за нами послали?» — соображал казак.

Тут его посетила светлая мысль, что если бы послали догонять их, то послали бы казака, а не старателя-работягу. Казачок тихо ретировался и побежал к своим.

— Надо его перехватить, — озабоченно теребя бороду, проговорил старшой.

Коней отвели в тайгу, привязали, надели на морды торбы с овсом, а сами затаились в узкости между пнями и каменными глыбами. Договорились брать бродягу, когда он окажется между спрятавшимися спереди и сзади казаками.

Двое залегли по ходу тропы, а один в десяти саженьях сзади.

Михей быстро шёл по тропе, и надо было случиться так, что невдалеке заржала лошадь. Путник остановился, прислушиваясь. Лошадь заржала опять. Михей снял карабин и стал отходить назад, оглядываясь, куда бы спрятаться. От затаившегося казака он был в тридцати шагах, не дойдя до ловушки. И, как говорил один из его поделщиков, неожиданные события происходят именно там, где их и без того хватает. Лошади ржали неспроста. На тропу вышел огромный бурый медведь и, увидев человека, поднялся на задние лапы. Засадные, оторопев, замерли. Медведь вышел на кусок тропы между ними и видел человека перед собой, хотя особый запах, свойственный людям, был кругом. Косолапый вертел башкой, но его взгляд останавливался на том, что стоял на тропе. Михей был готов увидеть человека, а перед ним стоял зверь. Встреча с медведем у него была не первой.

Он дважды выстрелил, медведь упал, а потом, припадая на левую переднюю лапу, бросился в противоположную сторону. Стрелок ещё ничего не успел сообразить, как грохнули почти одновременно ещё не то два, не то три выстрела. Подчиняясь инстинкту не хуже медведя, Михей отпрыгнул с тропы в сторону, за камень, увидев поднявшихся впереди людей и упавшего без движения зверя. Стрелявшие в этот момент глядели на бурую громадину и, когда взглянули на тропу, то Михея уже видно не было. Он ловко

отползал вниз по склону к реке. Прыгая, бросил ружьё, оно свалилось в какую-то расселину. Казаки подбежали к тому месту, где он стоял ещё пару минут назад.

Снова полил дождь. Казаки, чертыхаясь, лазали по склону вверх и вниз вблизи тропы. Вымокли без толку до нитки и вернулись на стоянку. Лошадей пришлось искать ещё раз. Беглец в это время затаился у реки, где образовался завал из стволов и коряг, перекрывший русло.

Дождь стих. Перебравшись по завалу через реку, Михей полез вверх по склону. Темнело. Среди каменных глыб нашёл небольшую пещерку, залез в неё. От склона, уходящего вниз, пещерка отделялась густыми зарослями кедрового стланика ростом с человека. Он сильно устал, а когда перестал двигаться, в мокрой одежде стал замерзать. Пришлось развести костерок для сугрева и чая. Огонь в пещерке нагрел воздух. Убежище его позволяло сидеть, не наклоняя головы, и он, поворачиваясь вокруг, в сидячем положении сушил одежду. Костерок прожёт в полу пещеры ямку, и только сейчас он сообразил, что пещера сухая с толстым слоем высохшего мха, засыпанного какой-то сырой шерстью.

— Вот, прости Господи, в волчьем логове приходится укрываться, — прошептал он в сердцах, засыпая. Проснулся от холода. Тучи мошки противно гнали. Лицо и руки зудели, искушенные этими летучими тварями. Весёлый огонёк осветил пещеру. Он осмотрелся. Раньше было не до того, усталость, холод и напряжение, пережитое накануне, туманили глаза. Сейчас, отдохнув, он заметил, что лежит среди погружённых в глину белых костей, а котомку свою он пристроил на человеческий череп с пустыми глазницами, треугольной дыркой от носа и без нижней челюсти.

Перекрестившись, отодвинул череп вглубь пещеры, и рука наткнулась на что-то явно не пещерное. Мешок. Точно, это был мешок из очень толстой материи.

С некоторым усилием он подтянул его к себе. Подбросил сухих веток в огонь, и когда те разгорелись, заглянул вовнутрь. Сверху лежало металлическое квадратное зеркало, оселок, коробка с дратвой, шило и две толстых иглы. Далее он вытащил грубой вязки шапку из мягкой шерсти, такую же кофту-безрукавку с перламутровыми пуговицами, свёрнутый широкий кожаный ремень и тяжёлую жестяную коробку. Поддев ногтём крышку, открыл её.

Сердце радостно забилося. Золото. Коробка была полна мелких самородков, среди которых поблескивали бесцветные прозрачные камешки размером с полногтя мизинца. Он догадался, что это алмазы. Раньше он их никогда не видел, но рассказов о редких камнях слышал предостаточно. Кто-то говорил, что на Витиме есть место — коса Соколиная, где эти камешки попадают среди речной гальки.

На такой реке, как Витим, галечных кос несчитано, и где эта Соколиная, он не знал. Ещё он вытащил из мешка толстую тетрадь. На первой странице, открыв её, прочитал: «Геогностические наблюдения по долине р. Витим 1835 год 6 месяца 10 числа начата гиттенфервалтером* Пурятиным Викентием Ивановичем». Тетрадь вся была исписана непонятным почерком. Почти на каждой странице были рисунки гор и пластов. В конце тетради адрес владельца тетради в г. Екатеринбург.

— Вот ты где сгинул, Божий человек Викентий, — пробормотал Михей, засовывая тетрадь и коробку со своим богатством в собственную же торбу. Однако пора в путь. Уже рассвело. Он двинулся вверх и, выйдя на гребень, направился к реке, но уже по другой тропе. Не по той, где оставил вчера казаков. Он пока не догадывался, какую роль в его жизни сыграет найденная в пещере тетрадь. В ней, если внимательно разобраться в каракулях геогноза**, можно было узнать, где найдено золото и алмазы. Пока же он бежал к хозяину, а казаки двигались к своему.

* Гиттенфервалтер — горный чин X класса (устаревш.).

** Геогноз — по современному геолог.

Тетрадь горного инженера-геогноза*

Михей спешил к Витиму, радуясь, что вывернулся из переделки с медведем и казаками. Ещё большее удовольствие ему доставляли думы о том, как он распорядится золотом и кристалликами алмазов из жестяной коробки, доставшейся ему в этом приключении. Эта коробочка уютно угнездилась в его котомке рядом с двумя мешочками с золотым песком. Это была плата Фрола, его заначка на «чёрный день», которую он оставил в тайничке на прииске перед побегом.

Фрол молил Михея Христом Богом о том, чтобы тот просил Джао найти китайских лекарей, способных его вылечить. О том, что останется живым, сам Фрол ни сколько не сомневался.

В разговоре с Егорычем, который произошёл перед приходом в казарму Михея, он утвердился в мысли, что его не убьют, а переправят в богадельню Иркутска. Работу по передаче Михеем просьбы изуродованного (всё тем же золотом) Фрол оплатил своей заначкой в виде двух мешочков с драгоценным металлом. Эти мешочки были припрятаны в фундаменте одного из домиков на краю приискового посёлка. Среди кладки из серых камней в основании домика один был коричневатый. Он легко вынимался и открывал тайник. Когда Михей согласился передать просьбу Фрола главарю, тот рассказал ему, где этот тайник. В двух мешочках было почти пять фунтов** золотого песка. У Михея были иные планы. Он

110 * Геогнозия — современная геология.

** Фунт — 0,4095 кг.

прокрался к Фролу как соглядатай и убийца, чётко помня приказ Джао Косого — «концы в воду».

Михея радовала добыча в виде золотых прозрачных камешков, однако он и не подозревал о том, что могла рассказать тетрадка, найденная в пещере.

По делу эта тетрадь была полевым дневником геолога и содержала сведения о том, где по реке Витиму и её притокам собирались пробы на золото. Здесь же записывались мысли о перспективах этого края не только на жёлтый металл. Якуты продали геологу два блестящих прозрачных, чуть голубоватых остроугольных камешка.

Инженер сразу признал в них алмазы и расспросил простодушных туземцев о том, где они их нашли. После того, как в ход пошла белая хлебная, по-нашему водка, те поведали ему о косе Соколиной. Там из копыта захрамывшего оленя они извлекли один из этих камешков. Другой прилип к миске, которую вместе с посудой после обеда олениной мыли женщины стойбища здесь же на косе этой сибирской реки.

Эта коса длиной около 350 саженей* и в наиболее широкой части почти 100 саженей, сложенная галькой, гравием и песком, нанесённым течением Вилюя недалеко от якутского посёлка Крестьях, была одной из многих речных в обширной долине реки.

На других косах этой реки в пробах было золото. Семь из двадцати проб показали промышленное его содержание. Зная о чрезвычайной редкости алмаза, геолог почти две недели с помощью двух сит отмывал мелкий гравий и сушил его на оленьих шкурах. Этих шкур с гравием, рассыпанным в один слой на поверхности, было 12.

Он просматривал гравий в большую, размером с блюдо, четырёхкратную лупу, стоя над этими шкурами на коленях. Уже с третьей шкуры он снял кристаллик алмаза. К концу просмотра у него уже была горсть алмазов.

* Сажень — 2,1336 м.

Тщательно описав в тетради косу и способ получения кристаллов, в примечании отметил, что все кристаллы без следов износа. Это для специалистов значило, что место, откуда они попали в реку, находится в этом же районе.

Именно эти кристаллики и были в жестяной коробке, найденной Михеем в пещере на притоке Вилюя, которая до того стала могилой погибшего горного инженера-геогноза.

Как он попал в пещеру, теперь никто и никогда не узнает.

Пройдёт ещё более ста лет, когда российские геологи из ВИМСа вместе с коллегами из Иркутска снова обнаружат здесь алмазы. Пока же удачливый авантюрист и душегуб одновременно, выходил из Дальней тайги в жилуху*, двигаясь к своей цели.

Как знать, не погибни тогда в пещере поисковик золота и алмазов, может быть открытие Якутской алмазодной провинции произошло бы на 100 лет раньше и пути истории страны стали бы иными.

Джао Косой и Василий

(Со слов старца Василия)

По тем временам граница России и Маньчжурии была достаточно прозрачной. Горы, покрытые тайгой, или сухие степи к юго-востоку от Иркутска охранялись слабо, и много китайцев ходили на российскую сторону с торговлишкой для заработка, иные устраивались в глухомани с семьями, разводили огороды и даже роднились с редкими ещё по тем временам русскими, обжившими тайгу и пограничье.

Знавшие толк в промывке золотца, китайцы в одиночку или малыми ватагами лазали по тайге от юга Приморья до Приамурья и Забайкалья. В Приморье и по Амуру до 70-х годов XX века на географических картах были китайские и корейские названия рек, гор, а на побережье Японского моря — и бухт.

Со временем народности юга Сибири и Дальнего Востока столкнулись и с китайскими разбойниками — хунхузами. Знатоки тайных троп, охотники, рыболовы, следопыты, умные, хитрые, жестокие, любители делать ловушки на зверя и человека, вооружённые старинным оружием хунхузы были реальностью, а также костью в горле. С ними, в тайге и горах, мог встретиться ненароком любой человек. Однако чаще почему-то они нападали на караваны купцов, заранее зная, где эти караваны пройдут, а также на группы старателей осенью, когда металлишко везли в города. И опять они точно знали, где пойдёт золото, а где старатели без золота и денег, предвкушая расчёт за работу в конторе. Этих они не трогали.

Если караван вёз золото, то после налёта свидетелей не оставляли. Известны случаи, когда возвращавшиеся с приисков старатели отбивались от напавших разбойников. Именно они и были основными источниками слухов, в которых правда перемешивалась с жуткими выдуманностями. Так, один крепко подгулявший старатель рассказывал в кабаке о том, как его спас собственный живот, который не давал ему и часу передышки. Он отставал от товарищей, присаживаясь под листвяк оправляться. Его третьи сутки терроризировал понос после обильного мяса, которое перепало артели после надоевшей каши. Он якобы видел, как его товарищам, ушедшим вперёд, практически без шума хунхузы рубили головы, затянув рты мхом и сняв с ног сапоги. Из двенадцати человек он один вышел из тайги и позже привёл на это место казаков и горную стражу. Безголовые трупы похоронили в общей могиле, а самого страдальца-очевидца по осени всегда бьёт трясучая. Находили и волчьи ямы с людьми, насаженными на острые колья, вбитые в дно ям на глубине 3–4 сажени, и валявшуюся рядом лесину с сучьями, обрубленными навроде лестницы. Встречали и скелеты, висящие на дереве. Человек на тропе наступал на корень, на голову ему падала петля, в этот момент разгибалось согнутое молодое дерево, и человек взлетал вверх и так и оставался висющим.

Среди пьяных сказок в кабаках, как-то тихо как бы сразу трезвея, старательский люд из бывалых, выкрутившихся из, казалось бы, самых невероятных ситуаций, недобрым словом поминал главаря самой «удачливой» шайки хунхузов — Джао Косого* Его как бы и не было

* Замечание к портрету Джао Косого. Лицо Джао было типичным для жителей северного Китая. Однако он имел это лицо не таким, как у обычных китайских купцов, спиртоносов, менял, перекупщиков и другого люда, странными путями попадавшего в пределы Российской Империи.

Дело в том, что лицо нашего героя было сильно изуродовано. Грубый шрам наискось пересекал лоб, уродовал нос, ниже левой скулы на щеке был кожистый нарост, левой брови вообще не было.

в этих местах, но он всё же был и действовал. Год, другой о нём ни слова, ни звука — и вдруг опять бесследно исчез караван с золотом, шедший с прииска «Желанного» под охраной 20 казаков. На 12 вьючных лошадях везли более 30 пудов шлихового золота.

Если считать на чистое золото, получается чуть больше 400 килограммов. Убитый горем хозяин прииска из почётных граждан г. Иркутска поднял на ноги и горного начальника, и полицию, и атамана войска казачьего, которые занимались и охраной границы золотопромышленности. Казачьи разъезды перекрыли все известные дороги и крупные тропы, полиция проверяла купеческие караваны, горная стража появилась на всех приисках, и в целом весь край жил в эти дни в каком-то волнении. На ряде приисков и в самом Иркутске, а также на постоянных дворах и в гостиницах появились срочно прибывшие из Екатеринбурга и даже самой столицы переодетые в штатскую одежду жандармы по части тайного сыска. Дело дошло до Государя. Из доклада главы корпуса жандармов он понял, чего лишилась казна, — золото покупало Министрство финансов. 400 килограммов — это очень большие деньги, а казне всегда не хватает.

Самодержец приказал разобраться, вернуть золото во что бы то ни стало. В Иркутск и его округу было брошено всё, что могло помочь делу. В тот год Сибирь дала в казну 2086 пудов золота* по предварительной статистике из горных округов, однако часть металла ещё получена не была. Эти четыреста килограммов — чуть больше 1% от общей добычи. А на верфях строят военные суда, а армия? Это ж денег каких стоит. Царь посчитал, сколько можно получить за эти самые исчезнувшие сотни килограммов драгоценного металла и ужаснулся огромности числа. Однако прошли недели, прежде чем российская военно-чиновничья машина завертелась на полную мощность.

* 34169 кг.

Джао Косой на самом деле не был мифом. Он только на пару лет был моложе старца Василия и также был в возрасте, однако сохранил в себе жизненные силы существенно лучше, чем липовый Василий Авенирович, он же старец Василий, приживала купца Сурова.

Появился Джао на дороге Василия, когда оба были уже в силе по своим чёрным делам и у каждого за спиной была не только мрачноватая история, но и большие возможности, которые давало золото в своей чёрной круговерти.

Встретились они в момент, когда каждый из них думал взять караван с металлом. Каждый из них имел своего человека на том прииске, и у одного и другого всё было рассчитано, когда, где, сколько людей с собой, как уходить и т. д. Однако случилось так, что, идя на перехват каравана, обе ватаги столкнулись в тайге. Зная место ночёвки золотого груза при охране и время его прибытия на злосчастную поляну, добравшись туда загодя, неожиданно столкнулись две ватаги грабителей. Резню начали дозорщики. Пять человек Васильевых и шесть от китайца. Выстрелов не было. На шум схватки с каждой стороны набежало ещё человек по 8–10.

Сверкающие тесаки, сабли, дубины, хрипы, никто из схлестнувшихся в этой жуткой драке не орал. Резались молча. Ни те, ни другие не отступали. В каждой шайке было от 35 до 45 человек. Больше народа было у Джао. Через час на поляне было до 50 человек убито. И уже последние из оставшихся хотели кинуться друг на друга, когда раздался выстрел, а вслед за ним громкий вопль: «Шабаш! Будем говорить!» Все разом остановились и огляделись. Описывать картину того, что все увидели, нет смысла. Вперёд вышли двое. За Василием стояло 17 человек, за китайцем одиннадцать. Ранее не встречаясь, они узнали друг друга.

Оба были «хозяевами» огромных территорий. Джао Косой занимался своим чёрным делом на юге в верховьях Витима, Олекмы, Онона, Шилки, Ципы, Калакана и Бургузина. Василий с братией окучивали эти края северней по тому же Витиму, Мали, Чире, Жуе, Алдану до долины Лены.

Караван, который хотели взять оба варнака, двигался по «вотчине» Василия. Именно он остановил побоище, так неожиданно для обоих атаманов столкнувшее их. В тайге, по тем временам, кто первый заметил чужака, тот и бьёт или стреляет. Здесь первыми заметили китайцы. Они и начали.

Мирный разговор среди полсотни трупов был недолог. Договорились не лазить по чужим местам, обменялись в знак примирения — Василий отдал китайцу свой серебряный нательный крест, а тот ему бронзового Будду, в полмизинца, на кожаном шнурке. Остатки шайки Джао, добив трёх своих раненых, ушли к нему. Среди Васильевых людей, лежавших на поляне, раненых не было, все мёртвые.

Похоронив своих, ворогов оставили на поляне, остатки ватаги Василия всё же взяли караван. Одним залпом ружей из засады, почти в упор, свалили 15 охранников, остальных семерых зарезали. Сами потеряли двух человек.

Тогда теперешний старец Василий спрятал в тайнике около 6 пудов металла, его подельщики работали за фунт золотого песка. В караване было около 110 килограммов металла. Из шести пудов Василия полтора пуда была доля наводчика-соглядатая, которого он отправил на этот прииск загодя. А человеком этим и был Тимоха, позднее получивший свои полтора пуда и запрятавший, как и хозяин, металл, но в свой тайничок. Благо металл тяжёлый и места занимает немного. Знающие люди свидетельствуют —

одна бутылъ объёмом 0,75 л с песком весит около пуда. События эти были давно, но память старца Василия сохранила общий ход событий без деталей.

Нынче пропавшие четыреста килограммов золота были добыты на одном из приисков реки Жуй. Территория эта опекалась старцем Василием. Естественно, он заподозрил, что эта «чистая» работа под силу лишь очень шустрому и опытному в подобных делах человеку. Он почувствовал руку мастера. Нешто опять Джао Косой залез к нему в хозяйство? И хоть силы уже не те, купец Суров удивился, что домосед стал ездить в город, ходить по кабакам, что-то вынюхивать.

А тут вдруг старец Василий в тайгу собрался верхами. Никого с собой не берёт. В Бодайбо переполох, наехало всякого казённого люда. Что задумал старец, купец пока не понял. Решил, что хочет Василий уехать от суеты и лишних глаз. Василий же решил проверить, целы ли его тайники. Силы-то убывают. Не всё же отдать Сурову. Ведь у него, у старца, есть наследники. Второе дело — найти Тимоху или узнать, где он. Сие дело весьма важное.

Одиссея Фёдки Корявого

Однажды Суров Константин Демьянович ехал на повозке с извозчиком Семёном от пристани на прииск «Ветряный», который в прошлом году кончил сезон без прибыли. Сколько затратили, столько и получили, едва покрыв расходы. Ноне он получил новую золотомоечную машину, на которую имел надежды ещё в этом году. Семён остановил повозку:

— Щас, хозяин. Рассупонилась Ласточка, — так звали справную лошадку, — вмиг направлю.

Семён слез с облучка и подошёл к лошадной морде. Демьяныч вдруг услышал:

— Эй, хозяин! Рыжьё не купишь?

Повернув голову, Суров увидел возле коляски невесть откуда взявшегося мужика, рябого, пучеглазого и какого-то по виду нескладного, хотя одетого опрятно в простую одежду. Сапоги у человека были хромовые, из-за голенища виднелись голубые с искоркой бархатные портянки. Перед ним стоял и мял в руках картуз солидный старатель.

— Ты кто, как кличут? — спросил Константин Демьяныч.

— Золотишник я — Фёдор, а все кликают Корявый. Вот давно жду случая поговорить с вами. В контору ходить опасаясь. Не любит меня начальство. О вас мужики рассказывают, дескать, правильный, понимающий, коренных старателей уважает, дед Фишкун тоже однако говорил, что порядочный. — Фёдор замолчал и, теребя шапку, отвёл взгляд.

То, что проситель сослался на деда Фишкуна, решило дело.

— Садись в коляску! Ну что там у тебя, Семён, поехали что ли, — крикнул Демьяныч.

— Уже едем, — откликнулся возница.

К тому времени Суров уже отстроил дом и обнёс службы глухим полуторасажённым полисадом.

Проехав ворота, которые тут же были закрыты, купец провёл клиента в комнату перед лестницей на второй этаж. Это была деловая комната — для разговоров. Человек внёс поднос со штофом, двумя рюмками и вазочкой с солёными огурчиками и вышел.

Деда Фишкуна знали все, однако он знался с очень небольшим числом людей из тех, кто когда-либо бедовал с ним в тайге. Таких было немного, но это были прожжённые таёжники и охотники с крепким жизненным корнем. Отыскивая золотые места всю жизнь, он мало что нажил, однако был уважаем в обществе золотничников. Раз в год по весне, когда уже сходил снег, он впадал в тоску. Возле своей избы ставил якутскую палатку, делал там лежанку с медвежьим кукулём*, затаскивал в неё 30 штофов водки, мешок чёрных сухарей и посудину с огурцами в рассоле. Забирался в неё, и целый месяц его никто не видел. Его жена, старая Агафья, каждое утро подходила к палатке, прикладывала ухо к скату — слушала, жив ли. После чего подбирала очередную пустую бутылку у входа, вздыхала и говорила в полотняную дверь:

— Ну где тебя опять носит, пошли в избу, там тепло.

В ответ всегда получала:

— Иди, мать, в ж..., иди, я по тайге тоскую.

Подбор утром пустых штофов и одни и те же фразы были как ритуал и продолжались ровно месяц. Ещё один день Олег Корнеевич отпивался рассолом. Выходил, собирал палатку, скатывал кукуль. Агафья с сыном к этому времени топили баню. Дед парился, а жена пекла пироги

с вареньем. С этого дня — целый год он не брал в рот спиртного, хотя в компании выпивающих и бывал.

Федька Корявый, почитай, десять сезонов ходил с Фишкуном в тайгу, попав к нему в кумпанство уже зрелым мужиком, отягощённым злой судьбой. Пацаном работал он на золоте Крестовоздвиженских приисков Урала. Без понятия о ценности золота положил в карман красивую, размером с коготь, золотинку в форме ёлочки. Частичка металла была до того похожа на маленькое деревце, что парень оставил её себе. Это видел его напарник, мальчик постарше. Он и донёс нарядчику. Золотинку отобрали, хитника выпороли до полусмерти, а когда тот выздоровел, забрали у родителей и пристроили помощником слепых лошадей, ходящих по кругу, поднимая клеть на шахте. Клеть поднимала руду, а её отбивали там под землёй на глубине 25 саженей каторжные и кабальные люди, которые там в шахте и жили.

Часто вместе с рудой поднимали тела погибших и умерших от тяжёлой работы и обвалов. Шахту затопил прорыв воды, и клеть последний раз вместо руды подняла 12 измождённых, похожих на мертвецов, людей вместо 97 работавших там. Сколько людей трудилось под землей, он знал, так как сам их спускал вниз, а вот наверх шла руда и смены надсмотрщиков. Вместо людей, добывающих руду, поднимали трупы.

Шахту закрыли, слепых лошадей отправили на убой на мясо, которым кормили по воскресеньям кабальных. Только сейчас он понял, что он тоже кабальный и другой, чем свободные люди.

Далее на приисках была моровая оспа, он выжил, но его лицо стало другим — всё в бугорках и ямках. Он стал рябым. На прииске живых из работающих людей осталось едва два десятка из почти полтыщи. Солдаты пригнали человек сто новых горемык. Их нарядили к местам

и машинам, и добыча золота началась снова. В охране стояли бывшие солдаты, часто инвалиды.

Здесь он сдружился с солдатом, казавшимся ему человеком, который всё знает. Именно этот солдат рассказал ему про большие города, моря и дальние страны. Он же поведал ему, что есть в России Сибирь, где люди живут для себя, моют золото и охотятся на зверька с дивной шкуркой — соболя.

О том, как моют золото и извлекают его из концентрата (шлиха), он всё знал с раннего детства. Но вот о том, что можно его мыть для себя и самому сдавать и получать за это деньги, слышал впервые. Такая неведомая жизнь запала в душу. Он стал в разговорах узнавать, где эта Сибирь и как туда попасть. В это время ему стукнуло семнадцать лет. Зимой, когда промывка золота на прииске останавливалась, часть рабочих опять же под охраной отправляли в урман (лес), где они занимались углеточным делом.

Производство чугуна на Урале требовало больших количеств древесного угля, так вот он и попал в эти самые углеточи.

Кошмарность этой работы Федя не хотел после вспоминать, но был в его жизни и просвет. Среди углекопов был человек, знавший грамоту. Он научил Федю сначала буквам, заставляя повторять их перед сном, а затем и читать по складам. От худой еды и ночёвок в палатках и ямах зимой углеточи бунтовали. Их били, развешивали по деревьям и, успокоив, снова гнали на работу. По весне, когда он попал с партией работных людей под Екатеринбург, удалось сбежать. Дальше были прииски Маринской тайги, Енисейского края. Он таки попал в Сибирь. На Бодайбо его занесло к сорока годам.

Он сидел на пристани, когда несколько мужиков заспорили, а потом, достав из-за голенища ножи, впятером

накинулись на двоих. В клубке дерущихся понять в какой-то момент ничего было невозможно. Но вот двое упали. Один с перерезанным горлом, другой с ножом в глазу. На секунду все остановились, глядя на жуткую картину, а потом четверо обступили одного, почти прижав его к леерам пирса. Тут Фёдор не выдержал: «Зарежут ведь вчетвером одного». Прихватив лежащую рядом с сидевшим на лавке около него человеком лопату, он в два прыжка оказался рядом с обороняющимся мужиком и, резко махнув этим импровизированным оружием перед озверевшими мордами, заставил их отпрянуть на несколько шагов назад. Лопата существенно длиннее любого ножа, а помахать ей Фёдору по жизни приходилось дай бы кому. Мужичок, которого он прикрыл, прохрипел:

— Спасибо, паря, теперь отобьёмся...

Фёдор, вращая лопатой, двинулся вперёд. Нападающие такого не ожидали и, рассыпавшись, отступили. Фёдор, махая лопатой то сверху, то по низу, расширял свободное пространство. Двое уже прыгнули с пристани в воду. Двое других бросились по сходням на берег и вскоре скрылись.

С берега на пристань бежали трое жандармов. Мужичок выругался и крикнул:

— Давай-ка, паря, в лодку, она слева.

Они прыгнули в лодку, обрезали канат, удерживающий её. В лодке было две пары вёсел. Мужичок ловко вставил их на место, а Фёдор оттолкнул её и уселся на соседнюю банку, вставляя вёсла по месту. Течение подхватило судёнышко, а и вёсла уже работали.

Когда жандармы подбежали к краю пристани, лодка уже была в 80–100 саженьях. Стражи порядка разделились: двое осматривали трупы на пирсе, а один достал пистолет и стал целиться в беглецов. Мужик и Фёдор сидели спиной к носу лодки и лицом к пристани и гребли что было сил. Мужик командовал:

— Левым, левым, двумя сразу, правым, левым, левым, правым, правым.

Лодка удалялась от берега своеобразной змейкой, когда раздалось два выстрела подряд. Одна пуля прошла выше, другая отщипила кусок с кормы и ушла вбок. Теперь не достанет, далеко отошли, однако третий выстрел достал. Фёдор откинулся и схватился за предплечье. Рукав быстро намокал, лодка же была на стремнине и понеслась вниз по течению. Они ушли. Причалив к берегу, в двух верстах ниже перевязали руку и познакомились.

— Олег Корнеич, кличут — Фишкун.

— А я Фёдор.

— Кличут тебя, как я догадался — Корявый, — с улыбкой добавил Корнеич.

— Ты чего обзываешься, — возмутился Фёдор.

— Не обзываюсь я, просто у нас всех рябых Корявыми зовут.

Фёдор промолчал, но понял, что теперь ему век быть этим самым Корявым. Олег Корнеич спросил:

— Ты почему мне помог?

— Дак их четверо против тебя одного — несправедливо, — ответил Фёдор.

— Ишь ты, а если они были правы, а я нет, тогда как? — продолжил Фишкун.

— Я всё видел. Тот, кто злится и орёт, тот всегда неправ, — ответил Фёдор. — Ты же их уговаривал, что-то растолковывал, а они злились. Я ж сидел близко и всё слышал.

— На пристани что делал? — спросил Фишкун.

— Да вот сидел, глядел, думал в артельку какую подрядиться.

— А ты что, из старателей? — улыбаясь, проговорил собеседник.

— Да, почитай, с мальчиков на прииске был представлен и вашгерту на Урале, да и колоде в Мартайге*,

и доводить шлих могу и амальгамировать и ещё много, что по золотничной части положено разумно.

«О таком товарище только мечтать можно, да и мужичок решительный и не из трусливых — духом крепок. Разговор опять же бесхитростный, видно, не врёт», — подумалось Корнеичу. Феде же похужало.

— Что-то не в себе, — проговорил раненый.

— А ты что хошь — пулю сплавил. Ещё не без добра, что сквозная. Если б кость задело, мук принять больше бы пришлось. Ладно, пошли. Здесь недалеко в деревушке бабка есть — костоправка, травница. Чай, поспособствует беде, — отозвался Фишкун.

Лодку привязали в кустах и по тропочке поднялись к жилухе из разбросанных поодаль друг от друга домишек числом чуть более десяти. Бабка оказалась шустрой, быстро промыла рану, приложила мазь, сильно пахнущую травами, дала отвару из шиповника и каких-то кореньев. Фишкун дал ей бумажных денег, чему та была несказанно рада.

Так и оказался Федька Корявый в товарищах у Фишкуна. Много лет были вместе.

— Ну что, по чарочке? — вопросительно взглянув на Федьку, проговорил Суров, когда они сели к столу.

— Благодарствую.

Выпили, захрустели огурчиками.

— Много ли у тебя песочку-то? — спросил хозяин.

— Да с полфунта с небольшим.

— Откуда песочек-то? — продолжал спрашивать Суров.

— Погляди сам, — Фёдор достал из внутреннего кармана чёрного сукна мешочек со шнурком-стяжкой и перекинул его хозяину.

Тот раскрыл его и высыпал на край ровного, покрытого чёрным лаком стола малую толику. Золото было среднего размера с отдельными «жучками» и «таракашками»*,

* «Жучки», «таракашки», «клопики» — старинная визуальная оценка размеров россыпного золота, добываемого старателями.

ярко-жёлтое без зеленоватого или красноватого оттенка. (Испокон веку старатели определяли качество природного золота по цвету: если оно зеленоватое или белёсое, то это сразу говорило о примеси серебра. Если красноватые оттенки жёлтого цвета — то меди.

На чёрном фоне золотины эффектно гляделись. «Однако высокопробные, — подумал Суров, — не менее 920».

— Ну что, взвесим металл?

— Да он взвешен, — ответил Федька. — Весу в песке пятьдесят шесть золотников, двадцать три доли.

— А мы всё же проверим. В нашем деле без этого нельзя.

Хозяин встал, достал из шкафа рычажные весы и счёты с чёрными и белыми костяшками. Поставив на стол весы и достав коробочку с гирьками, аккуратно стал высыпать металл на чашку. Федька-Корявый открыл коробочку с гирьками, перебрал их до самой маленькой и про себя подумал: «Гирьки заводские и не подточенные».

— Что смотришь, не подпиленные ли гирьки? Не сомневайся, у меня всё честно! А золотица-то у тебя на две доли больше, чем ты сказал.

Федя промолчал, глядя как купец пересыпает металл обратно в мешочек.

— Хорошее рыжё. Возьму, — утвердился в решении Константин Демьянович и, положив затянутый мешочек с товаром на стол, взялся за счёты.

Цену за золотник знал и продавец, и покупатель, но купцы обычно покупали, занимая общую стоимость, и Фёдор ждал, на сколько покупатель снизит. Сколько стоит его золото, он знал точно, но и копеечную цену, если торговаться, ниже которой он металл не отдаст, прикинул заранее. Хозяин назвал сумму на 60 рублей выше той, до которой можно было торговаться. Это порадовало, и продавец согласился, не торгуясь. Барыш же купца был чуть больше четырнадцати золотников. Иные скупщики не платили за 20–27 золотников сдаваемого металла при

большом его общем весе. Хозяин вышел и через пару минут вернулся с деньгами. Пересчитав, он передал их продавцу. Фёдор медленно считал деньги, а хозяин унёс мешочек с металлом в другое помещение, где у него был чугунный сварной сейф. Прощаясь, выпили по завершении дела. Договорились, что если будет партия металла такая же или больше, Суров её возьмёт. Проводив продавца, довольный купец отправился наверх — ужинать.

Тимоха

А по Сибири всяк мужик от пяти до пятидесяти именовался словом «паря». Вот и Тимоха был парей, который зимой отдыхал, глядя в бутылку «хлебной»*, да поутру глотал капустный либо огуречный рассол. Если оных не имелось, глушил чифир. Деньги, заработанные летом, отдавал бобылке Марфе, которая работала крутлый год на ручной доводке концентраторов, которые не всегда обрабатывались на приисках, а везлись в посёлок.

Здесь кабинет имел контору и тёплый сарай. Сарай был огорожен забором и охранялся сменяющимся три раза в сутки нарядом из трёх казаков и урядника. Работало в доводочной три человека: Марфа, её подруга молодуха Ксения (дочь поселкового старосты) и коллежский регистратор от округа, который следил за работой баб, взвешивал и регистрировал в шнуровой книге «чистый» золотой песок, отбитый из концентрата женщинами.

Охрана находилась за пределами сарая, внутри ограды. Вход в сарай был с вахтенной комнатой, через которую входили в помещение, где обрабатывались золотые концентраты. Далее этой комнаты с печью и столом с лавками охранникам ходить запрещал устав. Казаки были вооружены карабинами, револьверами и пашками. Внутри загородки была крытая коновязь с четырьмя лошадьми и яслями для сена. Крепкие ворота в шлихообогатилровку открывались только по звуку рожка, возвещавшего прибытие с прииска коляски со шлихом в специальных ящиках из толстого железа под замками и пломбами. Охраняли груз четверо верховых при пол-

ном вооружении, да и возница был казаком и также имел оружие. По сути дела, этот сарай был малой шлихообогатительной фабричкой, а вернее, цехом. По здешним местам жалование у работниц было хорошее, начальник раз в две недели выдавал деньги без вычетов. Бабы работали шесть дней в неделю с выходным на седьмой. По рабочей иерархии они находились на самом верху, и другие бабы, хозяйствующие по домам, им завидовали и при встрече здоровались первыми.

Марфа была строгая, за тридцать, с чуть раскосыми, характерными для русских сибиряков, голубовато-серыми глазами и круглой, не лишённой привлекательности физиономией. Мужики в посёлке, глядя на её статную фигуру, пускались во все тяжкие, чтобы угодить ей. Вольности шаловливых мужских рук она не спускала. Могла так врезать, что и уронить в грязь приставалу.

Тимоху она любила, но только трезвого. А тот трезвым был редкие дни, когда появлялся из тайги, привозя заработок. По трезвости его тянуло к подруге, а её честность в сохранности Тимохиных денег делала её ещё более привлекательной для бродяги-старателя.

У Марфы тоже была своя история: она когда-то училась в гимназии в Иркутске, но учёбу пришлось бросить, когда отец, мелкий торговец, разорился. Мать слегла, а денег не то что на лекарства, но и на хлеб то часто не хватало. Она пошла работать. Стирала, убирала дома, работала в корчме на кухне, где вся семья её вроде бы была сыта. Однако сальных приставаний хозяина корчмы не вынесла и, огрев его скалкой так, что тот неделю не показывался в своём заведении, была выгнана с тёплого места.

Что было дальше и как девушка попала в таёжный посёлок, никто не знал. Знали только, что она была замужем за служилым казаком, а того убили в схватке с китайскими хунхузами где-то у границы.

Тимоха приносил Марфе не только деньги и подарки. Он пополнял её погреб и кладовку мукой, сахаром, привозил мясо, правил хату, чинил крышу и всё уговаривал её выйти за него замуж и зажить как все люди. Однако, зная Тимоху, она опасалась и считала, что супруги должны быть вместе, а тот месяцами пропадал в тайге и после возвращения, дня через два-три, загуливал. Женщина считала своего сожителя почти пропащим человеком, но была к нему привязана. Если б не бродяжничество и не пьянка, он был добрым и крепким мужиком. Однако, как водится, Марфу и Тимоху связывало не только сожительство. Марфа некоторое время в детстве и юности видела нормальную жизнь небогатой, но крепкой семьи и рано поняла, что если есть деньги, то и жизнь другая. Работая в посёлке, она нагляделась на людей разных, в том числе и на хозяев с их домами, семьями, колясками, а иркутские воспоминания о спокойной и счастливой жизни просто терзали её. Глубоко в душе она решила: «Накоплю денег и уеду в Иркутск, куплю домик и заживу как люди. Может быть, и Тимоху со временем поставлю на путь».

Проработав около двух лет на доводке золотых концентратов, она не только овладела ремеслом. Она любила эту работу, а природная смётка позволила кое-что придумать для того, чтобы работать стало сподручней.

Прокопий Януарьевич заметил, что Марфа лучше её подруги отбивает золото от чёрного шлиха. Это привело к тому, что золота она давала больше напарницы, да и зимой, когда уже переработанный чёрный шлик повторно пускали в обработку, у Марфы выход чистого металла был больше. Наблюдая за работницей, начальник понял, что она делает всё иначе, чем её напарница. Написал в округ о том, как он добился повышения веса извлекаемого из шлиха золота. Получил немалую премию

и повышение в чине, став коллежским ассесором. Марфе про премию ничего не сказал, но жалованье ей прибавил.

Тимоха, вернувшись в очередной раз, кроме денег и припасов попросил её спрятать в укромном уголке золота, которое якобы не хотел сейчас сдавать (а золотце это попало к Тимохе неспроста), ожидая повышения его в цене. Хозяйка испугалась. По уставу ей было не положено хранить и иметь драгоценный металл, так как её работа на прямую была связана с немалыми его количествами.

Ублажая её ночью, Тимоха страстно шептал ей нежные слова и уговаривал по малой толике копить металл, а когда накопится, он через знакомого купца продаст его, и они уедут отсюда и заживут как баре. Призрак хорошей жизни вновь появился. Марфа задумалась. Зная местные нравы и порядки, она сообщила, что при её работе и наличии Тимохи-старателя к ней для проверки могут явиться и с обыском. Не дай Бог в хате найдут металл. Это прямой путь на каторгу.

Объяснив Тимохе свои сомнения, Марфа решила, что в доме и во дворе хранить металл негоже. Сообща придумали сховать золото в тайге по дороге на Иркутск. Вечером, вернувшись с работы, она скинула полусапожки и высыпала на лавку с десятков золотых таракашек и жучков. Одуревший от радости Тимоха понял, что эта женщина если во что поверит — горы свернёт. Для него она преступила инструкцию, а вместе с ней и закон. Тимоха прикинул, что принесённый подругой металл весил никак не меньше двух золотников. Сожитель не знал, что это золото Марфа отмыла из откидных хвостов, которые накануне обрабатывала её заболевшая напарница.

Время пришло грибное, и поселковые бабы с детишками и мужички, что были не на приисках, протрезвев, также отправлялись в тайгу по грибы. В посёлке работала

грибоварня купца Шляпникова, и его приказчик, принимая грибы, платил с корзины. Семьи, где было много детей, могли за один день заработать хорошие деньги.

Некоторые вставали ещё до восхода солнца и уходили в тайгу. В воскресный день наши герои также до свету отправились в тайгу по двум делам: найти место для тайника и пособирать грибов, которые этим летом дали грибной взрыв. Грибов было столько, что хоть косой коси. Когда они выходили на окраину горняцкого посёлка, из крайнего дома вышла бабка Евдоха с ведром помоев. Углядев парочку, в сердцах сказала сама себе (слушателей, естественно, не было):

— Ишь ты, справная баба всё с эфтим варнаком и тоже по грибы. Какой ляд он ей сдался?

Плеснув ведром за скособоченную ограду, плюнув им вслед, удалилась в избушку.

Тимоха с подругой по жизни шли по лесной дороге, обставленной вековыми елями с подлеском и прогалинами, заросшими листвяком. Попадались места — поляны с кедровым стлаником, лепящимся к подножию сопок.

— Глянь, елтыши*, — сказала Марфа.

— Какие такие елтыши? — не понял Тимоха.

На склоне сопки торчали плоские, высотой до десяти сажен и шириной около двух-трёх сажен, красноватые плитчатые камни навроде стенок развалившегося дома.

Марфа объяснила, что её батя был с Урала и подобные стенообразные камни называл елтышами. Между елтышами на тёплом, обращённом к солнцу склоне лепились корявые кривые лиственницы.

Во, самое место для грибов. Они свернули с дороги и стали подниматься по склону. Грибов здесь, действительно, было богато. Из Тимохиной корзинки пришлось вынуть жестянку из-под ландрина** с металлом, которая занимала почти треть большой корзины, имея два вер-

132 * Елтыши — отдельно стоящие голые камни.

** Ландрин — конфеты монпансье.

шка в высоту. Жестяная банка была тяжёлая, но Тимоха через плечо на верёвке нёс две корзины. Корзина с золотым песком висела за спиной, а переднюю он придерживал руками. Она была пуста и из-за этого лёгкая. Жестяную коробку он положил за пазуху, подтянув брючный ремень. Когда он наклонялся за очередным грибом, у него мгновенно выросло брюхо. Тяжёлая коробка сильно оттягивала рубаху. Набрав по две корзины, они уселись в тенёчке и стали оглядывать окрест в поисках места для тайника. Внизу сквозь промежутки между елтышами и деревьями виднелся большак.

— Глянь-ка, Тима, там возле кривого елтыша ёлочка, а сбоку ямка под елтышом. Может, кора, листья или ещё что. Место способное, — проговорила Марфа. — Однако пойдём, глянём.

Они оставили корзины и подошли к этому месту. Корневища дерева вывернули из елтыша плитку гранита размером с сажень по длине и четверть сажени по ширине толщиной с ладонь. Чёрное отверстие уходило под камень. Тимоха поднял ветку и сунул её в эту дыру. Ветка на три четверти ушла в неё и уперлась в твёрдое.

— Ага, — сказал старатель и оглянулся, осматриваясь.

— А ведь я тебя сюда специально привела, — улыбаясь, заметила Марфа.

— Врёшь, — буркнул мужик.

Тогда Марфа, вытянув из дыры ветку, сунула туда руку и достала золотистого цвета вещичку, которую протянула Тимохе. Тот схватил её и, ойкнув, присел на корточки, разглядывая эту штуку. В руке у него была золотая веточка длиной с полторы ладони, от основания её, расходясь, торчали тонкие, с палец, четырёхугольные отростки с головками в виде булавы. Самородок, но такого вида, что незадачливому бродяге и не снилось. Тимоха, не дыша, рассматривал золото, а Марфа скромно улыбалась.

— Откуда? — хрипло спросил, весь трясаясь, одуревший мужик.

Вес самородка точно превышал фунт. Да какой там фунт! Кусок металла был значительно тяжелее — это он смекнул, когда рука напряглась, державши его.

— Пять, пять фунтов тридцать золотников и сорок две доли*, — смеясь, сказала подруга.

«Вот девка, — подумал Тимоха, — тихушница. Наша жестянка с металлом где-то треть по весу от этого богатства**».

— Где взяла? — успокоившись, повторил вопрос.

— Не бойся, не варначила. Работала я в Иркутске на кухне постоялого двора. По зиме там многие старатели, что посправней, и перекупщики останавливались. Гуляли на первом этаже не чета здешним. Заезд был такой, что меня хозяин определил помогать убираться в номерах. Страсть я этого не любила. Постучишься, а там пьяный с девкой спит. Идёшь в другой номер, где нет постояльца. Так я в один номер постучала, ответа нет. Вошла, всё разбросано, табачищем воняет, кислятиной. Свечи все сплыли. Противно. Я принялась убираться. Зашла за кровать, а там мужик лежит. Глаза открыты, красные, и не дышит. Испугалась я до смерти. Хотела убежать и звать хозяина, как вижу, рядом с ним эта вещица лежит. Блестит. Я её подняла, а другой рукой глаза у мужика закрыла. Он был холодный, как снег. Не знаю, как выскочила из номера, штуку эту в ведро под тряпку положила. Позвала хозяина, а сама чуть живая с испугу. Приехала полиция, врач и ещё какие-то люди. Собрали всех, кто вчера в зале работал. Два дня всех допрашивали, но его никто не убивал. Он сам с перепоею. Это врач подтвердил. Пачпорта при нём не было, а вот ассигнаций — целый бумажник. Его полиция забрала. Всех нас отпустили. Хозяин приказал молчать про этот случай, а полиция приезжала из-

за того, что двое постояльцев по пьянке подрались. Обычное дело. Только через неделю уволил меня этот клещ.

— А что так? — спросил Тимоха.

— В койку тянул, а я ему скалкой по башке.

— Вот как! — удивлённо сказал спросивший.

— Я потом узнала, что это самородное золото, но про-
давать его решиться не могла. Понимала, что будут вы-
спрашивать, откуда да что. Так и прячу его много лет,
а из избы унесла, когда на работе заставили бумагу под-
писать про то, что не могу иметь золота, покуда работаю.
Не то каторга за воровство. А это моё приданое, — поту-
пясь, проговорила Марфа. — А что у тебя в коробке, тоже
золото? Я ведь её не открывала.

Тимофей положил на мох самородок Марфы и, вынув
жестянку, открыл крышку. На песке, отливавшем золотом,
лежал дубовый листок из золота. Взяв его в руку, женщина,
удивлённо обращаясь к Тимохе, проговорила:

— Так у тебя, однако, тоже есть золотое чудо. Очень
похоже на листок с дерева, только потолще и чуть кри-
вовато — с дерева-то он ровненький с обеих сторон.
А дырку ты сам в нём пробил, для шнура, что ли?

— Да нет, он такой и был. У меня ещё есть, только они
далековато спрятаны.

Оглядевшись, они положили жестянку и самородок
в нору. Нашли невдалеке длинный плоский камень со
мхом и вставили его до упора в отверстие. Получилось,
как будто он тут был всегда.

— Ну вот, теперь и у нас есть потайка, а на жизнь я буду
сдавать по малости. За схороненным металлом схожу, од-
нако, через неделю.

Спустившись вниз и прихватив полные корзины, они
остановились на дороге и, обернувшись на елтыши, долго
смотрели в то место, где был тайник. Тимоха перешёл

дорогу и на другой стороне пошёл сделал на коре ели два желобка, пересекающихся в виде креста, каждый желобок глубиной четверть дюйма и длиной по три дюйма приблизительно. Дерево было приметным — оно имело три верхушки, образовавшиеся из ветвей после того, как ветром сломало верхнюю часть ствола.

Вернувшись, Марфа занялась соленьем грибов, а Тимофей стал возиться в кладовке, собирая сидор для тайги. Он твёрдо решил сходить за припрятанным золотом.

Однако было за Тимохой и такое, о чём он никому, даже Марфе, не рассказывал. Он боялся по жизни всего двух людей. Мечтал отделаться от них, оторваться, когда сложит побольше золота; но то один, то другой неожиданно возникали на его пути и требовали своё. Откажешь — смерть.

Василий и Тимоха

Теперешний старец Василий был ещё в силе, к посёлку пока не прибился, а гонял по тайге в трудах праведных и не очень. Однако всегда чувствовал тех, кому везёт в золотничестве, а кто в этом деле босяк и мелкота. Посему всегда появлялся на губернском съезде золотопромышленников, который ежегодно собирался в Иркутске. У него был официальный прииск в средней тайге, где управлял его человек с правом подписи от имени хозяина, который якобы жил в Томске. Документы были оформлены на почётного гражданина города Томска Данилова Василия Еремеевича. Прииск работал стабильно, беря от 5 до 7 пудов металла за сезон. Расчёт с работниками, питание было по совести и чести. Вот только хозяина рабочие никогда не видели. Знали управляющего и артельщика, ладившего по кухне и конюшне.

На губернском съезде Данилов не выступал, а на перерывах беседовал со многими, мотая на ус интересные сведения. Тех, кто врал о делах, он отличал сразу и дел с такими не имел. Съезд обычно завершался в ресторане, который снимался на вечер и до утра. Именно на этом мероприятии к Василию Еремеевичу прилипали самые интересные варианты. Подпившие серьёзные люди часто становились вроде болтливых сорок. Поддержать и подвернуть мелкую беседу в нужном направлении лучше Василия никто не мог.

Особо ценились разговоры об охране золота при перевозке его с прииска до посёлка или в Иркутск. Добыть золотишко — это было ещё поддела. Сохранить и доставить

куда надо считалось особо сложным, а посему каждый мыслил свою систему. За отправкой каравана следили невидимые глаза. О сроках отправки выводывали людишки, ничем не гнушаясь. Василий особенно любил и стремился быть там, где хозяева жизни в тайге похвалялись, как они лихо одурачивали злыдней-грабителей караванов с драгоценным грузом — золотым песком. Василий Еремеевич, услышав краем уха разговор о хитрости, влезал в хмельную компанию, как медведь, якобы ещё выпить с его почину. Заказывал самовар с хлебным и в минуту-другую становился всей компании своим. Однако, выпив со всеми, невзначай возвращал разговор в русло переправки металла, рассказав забавную историю, якобы произошедшую лично с ним.

— Ну, вы люди опытные и всё знаете, что к чему с этим нашим золотым товаром, не раз терпели от варнаков и своих худых людишек за своё кровное.

Пьянящая компания одобрительно восклицала вразнобой, что, дескать, натерпелись и уж лучше их никто это не знает.

— Так и я за сезон добычи взял немного металла, пудов эдак восемь* с небольшим.

Народ переглянулся, но голосом выдал некое восхищение.

Надо сказать, что если прииск давал три с половиной — четыре пуда** — считалось, что хозяин будет с прибылью. В компании был только один промышленник, который в нынешний сезон взял девять с четвертью пуда, но до сего времени металл под охраной его брата и десятка казаков оставался на прииске, хотя рабочие были отпущены. Именно этот человек так и ел глазами рассказчика, что последний, в силу своей проницательности, заметил сразу. Василий Еремеевич допил свою чарку, подцепил вилкой балычку и продолжал:

138 * Восемь пудов — 131,0 кг.

** Три с половиной-четыре пуда — соответственно 57,3 — 65,5 кг.

— Годом раньше с этого прииска, а я думаю, вы знаете прииск «Рябиновый», добыли мы самую малость около двух пудов.

Никто про прииск с таким названием знать не знал, по все надули щёки и, крякнув после очередной, шумнули что-то вроде бы подтверждающее:

— Да, конечно, наслышаны.

— С рабочими рассчитался, баржа с ними сплыла вниз к посёлку. При мне оставалось сам и ещё трое, при пяти якутских лошадках. А тропа к реке — вёрст сорок, да по таким гиблым местам — осыпи с лысых сопок, то гарь, то ручьи по падям, то щели в четыре лошади шириной и саженой сто пятьдесят вниз. С лошадьми да и пешему ходу нет. Мостики ладили на лопатах, дабы перебраться. Среди своих был паря один, Тимой его звали. Лет около двадцати пяти, крепок, шустёр, мне приглянулся послушанием и сноровкой в деле. Сидели мы, рядили, как бы до реки с металлом без случаев всяких добраться, как этот паря и говорит, а что, если не прямо по обустроенной тропе, а в другой приток реки, там плотом сплавиться. А этот приток всего в версте от нашей заимки на берегу, куда паровой катер за нами придёт. Я смекнул, что если по наезженной тропе пустить двоих с четырьмя лошадьми, а мне с Тимофеем при одной, да со всяк металлом двинуть другой дорогой, то может быть и обойдётся. На счастье к нам прибилась ещё одна лошадка, должно быть медведь спугнул где-то. Такая же якутская, низкая с мохнатой гривой, не кованная и в масть нашим. Мужикам я честно сказал, что они пойдут к берегу без золота, а посему пусть остерегаются и перед всякой помехой мозгами раскидывают. Не велел им спать сразу двоим. Один чтоб сторожил. Как мы с Тимофеем выбираться будем — наша забота. Выдал я им золотников по семьдесят* золота под расходы и чтоб не пустые шли, они их в пояса

* Семьдесят золотников — 300 граммов золота.

схоронили. Мы с Тимофеем по три фунта положили в котомки вместе с провизией, остальное во выюки с палаткой и бутаром*.

Мужикам приказал с утра пошибче шуметь, снаряжаясь, у обоих чтоб пистолеты за поясом, в карманах патроны к ружьям. А револьверы шнурком не менее аршина привязать к поясному ремню, дабы не потерять. Сами ушли до восхода, как только стало светать. Всё это я обмыслил заранее, так как однажды, охотясь на рябчиков, дня за три до этого, увидел на дереве скрадок. Забрался я на него и всё сообразил. С этого места жилуха прииска мово как на ладони. Вот те раз! Кто-то за нами приглядывал, да как назло все собаки приисковые вместе с рабочими ушли.

Сомненье во мне зародилось. Тимофей намерен также за рябчиками ходил. Принёс по штуке на брата, а когда их ели, никто дробин не выплёвывал. Странно мне это показалось. Если без дробин, значит, на петлю ловлены. Тимоха же ни разу о такой охоте ни гу-гу. Ходил с ружьём. Я-то смолчал, а когда скрадок-то посетил, подумал, что зря, наверное, Тимофея в товарищи по доставке золота беру, да передумывать уже было недосуг. Сомненья грызли сверх меры, но за делами ушли куда-то.

Тимофей впереди вёл лошадь в поводу, я сзади. Так и шли вверх по ручью, к полудню выюк с конька сняли, пусть отдохнёт. Далее вылезли на лысый хребтик и двинулись по нему до верховьев нужного нам притока. Здесь дул ветрище, аж лицо и руки зябли. Спуск в приток был, почитай, каторгой.

Крупные глыбы камня, свалившиеся сверху, позволяли идти только по узкому ручейку, огибавшему их. Трижды пришлось развьючивать и чуть ли не проталкивать конягу вниз. Умаялись и к закату вышли в расширение долины, где в ручеёк влилось сразу три лога также

с ручейками. Наш сразу стал речушкой ниже слияния и вывел к полянке, где мы и решили заночевать.

«Однако вёрст семь отошли от „Рябиновой“», — сказал Тимофей, ладя два котелка над костром. Сначала попили чайку, а за кулешом, который поспел к тому времени, я почувствовал, что здорово устал. В темноте заухал филин. Договорились, что я посплю, а Тимофей посторожит, а после полуночи он меня разбудит и сам поспит. Последний месяц на прииске я в тайгу особенно и не ходил. Дел было не впроворот, и первый длинный переход дался мне нелегко. Привалившись к выюкам, я заснул, как агнец Божий. И снится мне, сижу я у отца своего на коленях в сочельник, он добрый, весёлый, гладит меня по голове, а всё наше семейство радуется, все ещё живые и красивые.

Вдруг сильная боль, все разом пропали. Холод, голося, из-под головы рванули подушку — господи, это же не подушка, а выюки с золотом. Не открывая глаз, стукнулся о камни, а сверху, чую, сейчас проткнут. Крутанулся я в каком-то нечеловеческом порыве, рванув руку с pistolетом из кармана. Открыл глаза. В свете костра разглядел фигурку человека, слетевшего с меня и вставшего на четвереньки. В руке у него был нож. Он стоял, глядя на меня и опираясь на другую руку. Потрясло меня, что это был не Тимофей. Он, увидев оружие, заревел, рука с ножом поднялась над туловом, но тут я выстрелил прямо в ревущую харю. Злыдня отбросило в костёр. Стало тихо. Я вскочил и огляделся. Всё было на месте, кожух врага загорелся и становилось всё светлее. Выюков, на которых я спал, не было. В голове закрутилось — Тимоху кончили, металл сварнали, сейчас меня из ружья и конец. Я отпрыгнул в темноту за секунду до выстрела. Резкая боль слева — рёбра наткнулись на сучок в падении. В костре горела одежда на человеке, только

что застреленном мною. Боль в боку была очень сильной. В вонючем дыму горящей одежды и мяса из темноты в круге света обозначились две фигуры. Одного я признал сразу. Это был наш плотник, уехавший с прииска вместе со всеми рабочими. Второй мне был неведом.

Они, не обращая внимания на горевшего в костре пособника, озирались, но дальше пространства, освещённого жутким костром, видеть ничего не могли. Меня поразило то, что они и не пытались вытащить из огня своего поделщика.

Плотник, озираясь, прохрипел: «Где хозяин, он ведь у костра был?» Второй, также озираясь, ответил, что хозяин не спал и застрелил Никанора, и сам где-то здесь, а где наш? Ответа он уже не услышал. Над моей головой из темноты прогремели два выстрела. Оба варнака упали на горящего в костре их товарища. Держа руку с револьвером стволом вверх, я с трудом, преодолевая боль, повернулся на спину. Сверху в бездне неба светились круглые звёзды. «Василий Еремеевич, ты живой?» — раздался тихий голос Тимофея совсем рядом. Это потрясло меня ещё больше. В ходе происшествия я решил, что тот меня предал. «Тут я, только встать мне трудно, видать что-то повредил». Из-за дерева вышел мой напарник с ружьём, положил его и склонился надо мною. Я опустил руку и хотел сесть. Боль в рёбрах была такова, что я охнул и перед глазами у меня поплыли оранжевые круги. Когда очнулся, Тимофей сидел рядом, костёр полыхал, как на празднике туземцев, дышать мне было трудно. «У тебя ребро сломалось, я обмотал всю тулову ремешком от упряжи для закрепления, а на ребро бабкиной мази с мхом положил. Я эфту мазь завсегда с собой в котомке храню. Боль убывает, лекарственное свойство она имеет».

Боль, действительно, стихла, хотя теперь я понял, почему трудно дышать. «Слушай, а где наша поклажа?»

«Здесь, здесь», — улынулся Тимофей, подтаскивая к костру вьюк. «Честно говоря, не понял, как всё это произошло», — сказал я и глянул на Тимофея, сидящего на вьюке. Вот что он рассказал. «Мол, сидел, подкидывал в костёр сушняк и глядел на звёзды. Ты, Василий Еремеевич, уже не посапывал, а натуральным храпом во сне пробавлялся. В тайге треснул сучок, фыркнул наш конёк. Мало ли, но в тишине сучок опять треснул и близко. Я встал, взял ружьё, про пистолет, что вы мне дали, забыл и пошёл на звук. Шагах в десяти от костра присел за дерево и прислушался. Костерок наш и вы из темноты были видны, как днём, а левее меня у камня на корточках сидели люди. Их было трое. Меня оторопь взяла. Они тихо говорили. Я всё слышал. Один должен был вас зарезать, но они знали, что нас двое. Опасались, что я сторожу из темноты. Тот, который на вас кинулся, у них командствовал. Он посетовал, что ружьишка нет, придётся железом дело решать и вынул нож. Те двое должны были выскочить, когда я появлюсь на помощь. Они ещё сидели, когда я тихо, крадучись, перешёл и встал за дерево со стороны, где был груз и ваша голова. И только я приготовился, как этот вожак прыгнул из темноты. Вы завозились. Стрелять я не мог, боясь задеть и зная, что ещё двое рядом в темноте. После выстрела из револьвера, когда главарь оказался в костре, натурально нарисовались те двое оставшихся. Тут я их и угостил». «А кто из-под моей головы вьюки вытащил?» Тимофей ответил: вся эта история со стрельбой случилась очень быстро, и он не помнит, дескать, когда он оттянул вьюк в тайгу.

Они проговорили до утра. Утром Тимофей помог подняться, но стало ясно, что по таёжным колдобинам пеше Василий Еремеевич прежним шагом двигаться не мог. Каждый шаг жуткой болью отдавался во всей груди. Да и согнуться хозяин также не мог. Боль была ещё сильнее. Сели

думать. Решение пришло само собой. Половину металла спрятать, хозяина на лошадь. Верхом не получится — на волокуше, и так выбираться, благо далее путь шёл по нормальной долине без камней и глыб, как давеча. Василий Еремеевич рассказал Тимофею, что в одном из напавших он узнал артельского плотника. Тимофей вспомнил, что тот был любителем бродить вокруг прииска по ягоды и собирать разные травы. Ходил без оружия, но всегда с сумой и туеском. Видать, харч носил своим подельщикам, а мы простофили.

Тут хозяин вспомнил, что таборщик, что с кухни, жаловался ему, что он пёк хлеб на артель, однако одной или двух краях всегда недосчитывался, и куда они девались, понять не мог. Печь, где пекли хлеба, топил тот самый артельный плотник. Вот оно как вышло. Недоглядели врага.

День ушёл на изготовление волокуши из двух заколоченных с конца лесин. Пришлось ладить и упряжь. Вечером сделали тайник. Вместе с золотом сложили туда всё ненужное и лишнее. Когда Тимофей отправился за конём, чтоб привести пасущуюся скотину, Василий Еремеевич достал бумажку из-за пазухи, поставил на изгибе речки крестик, а на обороте написал — колокольный камень. Это была примитивная карта, и если бы кто заглянул в неё, то увидел бы, что таких крестиков (схоронов, тайников), обозначавших места, где спрятано золото, на ней было не менее десяти. Камень, которым они накрыли тайник, и вправду был похож на церковный колокол, только был плоским. Меж собой они решили, что история эта прогорела, как костёр, и неудобства пути, нечаянное падение при переправе — вот истинная причина того, что за металлом придётся возвращаться.

Всё обошлось, через две недели они уже были в зимовье, парились в бане и вернулись в посёлок с тем малым количеством металла, который взяли с собой.

Оправившись, Василий Еремеевич с двумя казаками при четырёх лошадях вернулся на это место, но тайник был пуст. Тимофей же исчез и более по жизни Василий его не встретил.

— Так он вас обворовал? — спросил один из слушателей.

— Выходит так. Но с этим человеком я ещё встречусь...

Все зашумели. Конец истории был не дай Бог кому из слушавших. Каждый подумал: а вдруг среди его близких и доверенных людей есть такой Тимофей.

Когда промышленники разбредались по нумерам, тот, что был примечен Василием Еремеевичем вначале, остановил его и сказал:

— У меня был случай чем-то очень похожий. Всё было по-другому, но результат тот же. А у меня на новом приiske проблема та же. Доставить груз, — и, икнув, уважаемый страдалец врубился в косяк двери, набив себе изрядную шишку.

Фраза, сказанная пьяным страдальцем, очень заинтересовала Василия Еремеевича. Утром, когда лучшие люди, приходя в человеческое обличие, в том же ресторане поправляли здоровье за обильным завтраком, Василий пристал к столу давешнего собеседника, представился, узнал, как того зовут, и отчество с фамилией. Фёдор Фёдорович Долгорукий — так представился собеседник — был известнейшей личностью из семейства князей Долгоруких. Василий по молодости многих из них знал и по форме лица и каким-то неуловимым чертам однозначно понял, что перед ним действительно человек из семьи Долгоруких. Он не стал спрашивать о том, как потомок княжеского рода оказался золотопромышленником. Его интересовал случай, похожий результатом на рассказанный давеча. Фужер хлебной Фёдор Фёдорович предварил капустным рассолом, заев его жирным куском свинины.

После первой похмельной разговорились. Собеседник по разговору Василия Еремеевича понял, что в разговоре, случившимся сейчас, имеет дело не с мужиком или купцом, а с человеком, говорящим столичным говором, но много лет в ней не являвшимся. То, что Василий Еремеевич был когда-то офицером, Фёдор Фёдорович понял сразу, но ничем этого не выдал. Разговор за столом приобрёл доверительный характер после шампанского и ещё одной бутылки белого вина. Многие покидали ресторацию, а эти двое приказали сменить стол и продолжали неспешную, но забористую, судя по восклицаниям, беседу.

Вот что узнал Василий Еремеевич.

Его визави имел шесть крупных приисков, на которых управляющими были дипломированные горные инженеры. При них на хозяйстве поставлены были вольноотпущенные после 1861 года и служивые в армии капралы из бывших вотчин Долгоруких. Эти люди, лично преданные княжескому семейству, знали дисциплину, остались в живых при жестоких боях с турками и бунтовщиками. Они пользовались безграничным доверием хозяина и приглядывали за всеми, кто работал на приисках, не исключая горных инженеров, при которых и состояли якобы в подчинении. Так вот при одном отставном капрале на посылках был оборотистый парнишка Лёха, семнадцати лет. Крепкий, скорый на работу — из староверов. Взяли его на прииск по рекомендации Тимофея, что к бобылке Марусе прибился. Да их тут все знают.

Василий Еремеевич внутренне ойкнул, и что-то недоброе откликнулось в его чёрной душе.

Караван с золотом прииска, имевший серьёзную охрану из двадцати забайкальских казаков, через четыре дня пути был полностью расстрелян у Чёрного камня, что в долине у Хомолхи. Их нашли через три дня, когда караван не появился у якутского стойбища, где был сам

хозяин с десятком казаков. Возле этого камня были разбросаны трупы людей и лошадей. Капрал был приколот к листвяку тунгусским копьём. Сапог на ногах не было, как их не было и у остальных мёртвых казаков.

Покуда разбирались, сносили трупы в одно место, ладили кресты, Фёдор Фёдорович понял, что золотце его более 20 пудов* исчезло. По следу послал двоих бравых казаков, которые через день вернулись ни с чем. След оборвался у плотогонной реки. Однако они сказали, что ватага, напавшая на караван, судя по следам и приметам, состояла из якутов, китайцев и русских. На их стоянке они обнаружили очень уж разные следы. По мысли следопытов грабителей было не менее полутора десятков душ. Фёдор Фёдорович заметил, что на этом прииске он потерял уйму денег, но не разорился, имея другие дела, что перекрыли убытки.

Что интересно, одного человека нашли не в себе, но всё же живого. Это был тот самый Лёха, что состоял при капрале. Ещё интересней было то, что казаки были постреляны картечью и добиты дубинками, а парень этот — порядок, имел разбитый дубиной лоб и 5 ножевых ранений. Потерял много крови, а когда в посёлке его пользовал лекарь, то заметил, что ни от одной из этих ран он умереть не мог. Порезы были лёгкие. А рана на лбу — содранная кожа, даже шишки не образовалось. Когда его нашли, он был весь окровавлен, лежал у ручейка, но был живой и почти ничего не помнил. Он ехал сзади за охранными казаками, остановился до ветру. Караван ушёл вперёд, а когда он стал его догонять, раздались частые выстрелы, на него кинулся человек, ткнул ножом и ударил чем-то в лицо. Очнулся он, идти не мог, дополз до ручья. Там его и нашли.

— А где теперь этот парень? — спросил Василий Еремеевич.

* 20 пудов — 344 кг.

— Вылечили его и приставили в другую нашу артель, что моет золото на Ольховском прииске.

Фёдор Фёдорович посетовал, что разгром его каравана с золотом вылился ещё и в большие траты на похороны и воспомоществование вдовым, кто был женат, и на детишек, а по неженатым пришлось давать деньги родителям.

Одного паренька пришлось сдать в приход г. Иркутска и дать денег вперёд за пять лет на его содержание. Мы же христиане и должны печься о людях убиенных и их потомках. Службу в храме Иркутска заказывал по всем канонам по невинно убиенным.

Фёдор Фёдорович вздохнул. Они, не чокаясь, выпили. Долгорукий задумался, а Василий соображал, что из рассказа следует. В артели был соглядатай, и именно он остался жив. А тот ли Тимофей, что был при нём в его деле, когда он также остался без золотника, это следовало бы проверить, да и про Алексея узнать поболее. Далее беседа пошла о ценах на золото, податях, порядках у чиновников. Договорились быть товарищами в деле. С тем и разъехались.

Федька Корявый и Тимоха

Тимоха двигался вверх по распадку. Ручеёк на быстрике звенел среди валунов и глыб, неслышно, степенно и тихо вливался в расширения долинки и беззвучно нёс свои воды до следующего сужения с перекатом, миновав улово*. Под перекатом и в его начале старатель набирал из воды или побочня породу и промывал её в деревянном лотке до тех пор, пока на дне его не останется красновато-чёрный шлих.

Тряхнув напоследок лоток так, что этот шлих рассыпался на одной из двух плоскостей лотка, он внимательно его разглядывал. На чёрном фоне блестели красные кристаллы гранита, а у самого желобка он видел один, два, реже три-четыре мелких золотника или как их называют — знаки** золота.

По понятиям того времени, если в лотке единичные знаки (1–3 шт) или знаки (4–6) мелких золотинок, то место это не даст промышленного металла. Однако если весь желобок сплошь покрыт золотинами — несколько десятков или сотен, то, возможно, искатель набрёл на золотосный участок. Тем не менее участка не попадалось. Ни в одной пробе (он уже за день промывал двенадцатую), кроме знаков, ничего стоящего не обнаружилось.

Солнце перевалило зенит и уже почти касалась верхних елей, обступивших ручей. Однако пора чай пить. Приглядев полянку у борта ручья, он сбросил котомку, положил лоток в ручей, залил его водой и пригрузив голышом,

* Улово — небольшое глубокое расширение.

** Знаки — единичные очень мелкие золотины, по тем временам не дававшие весовых содержаний драгоценного металла.

чтоб не всплыл. Лоток не должен высыхать на солнце быстро — растрескивается. Завёл костерок и подвесил чёрный, на две кружки, котелок. Достал чаю, сухарей и вяленой рыбки. Пока вода закипала, он с удовольствием ел рыбу с сухариками, сдабривая еду свежими листьями черемши. Сняв кипящий котелок и бросив туда заварки, он накрыл его шапкой.

Слабый ветерок сверху донёс до него странный запах чего-то тухлого. Не дай Бог, медвежий запасец припахивает. Летом медведи, завалив оленя или лося, сразу его не едят, а приходят на это место через несколько дней. Между тем бродят вблизи места с заваленной животиной. Тимоха проверил карабин, дослал патрон в ствол и положил оружие рядом. Ветерок усиливался, вместе с ним усиливалась и вонь. Сглотнув полкружки чая, Тимоха подбросил в костерок сушняка, взял карабин и побежал вверх по ручью. Смерд усиливался. Пробежав куртину тальника, он увидел на пойме свежие отвалы 2-х шурфов. Напротив справа и слева в долинку впадали два лога, и шурфы были пройдены на выносах из логов.

«Толково», — подумал Тимоха, подходя к правому шурфу. Заглянув в него, увидел внизу на глубине приблизительно двух саженей чёрную воду. С другой стороны было глинистое пятно с редкой галькой — выкладка из пласта. «Породу унесли и промыли. Интересно, был здесь металл или нет?» Однако это знали те, кто прошёл шурф и промыл галечник. Неожиданно он заметил, что тяжёлый дух куда-то исчез. Воздух был свеж, пахло хвоей.

Подойдя к ручейку, он увидел место, где промывалась порода. Поверх речников на дне тянулась свежая полоска песку с галькой. Перепрыгнув ручей, он направился ко второму шурфу, что был слева. Десять шагов вперёд — и в нос ударила такая вонь, что хоть не дыши. Добежав почти до устья лога, где был этот шурф, он увидел, что

выкладки промыты не до конца. Забрана на промывку только её верхняя часть.

Заглянув в шурф, он понял, что его глубина не менее восьми саженей и именно из него идут мерзкие запахи. На тёмном дне видно ничего не было. Он сорвал пучок сухой травы, скрутил её в жгут и поджёг конец. Когда пламя усилилось, он бросил горящий пук травы в чёрное устье шурфа. Пролетев полторы сажени и осветив дно, но не догорев, трава погасла. Он успел заметить на дне отнюдь не воду. Шурф был сухим. Ему показалось, что на дне что-то, похожее на чёрный мешок. Наверное, зверь какой-то попал в шурф и не смог выбраться, да так там и гниёт, подумал поисковик. Однако почему выкладка породы промыта не вся? То ли в первой пробе золота не было, то ли...

А вдруг «бешеное золото», и шурфовщики бросились подавать заявку на участок с богатой россыпью? Ветер сменился, теперь он дул снизу, вонь от гниющего мяса понесло вверх по ручью. Надо промыть остатки выкладки, порода из глинистого галечника очень походила на ту породу, которая отрабатывалась и на прииске «Ветряном», и на «Гремячем», и на «Шиверном». Тимоха побежал к месту, где бросил котомку и котелок. Также остался лоток и кайлушка.

Быстро сбросив нехитрые пожитки, вернулся к шурфу. Нагрёб породы и с лотком направился к ручью, вошёл в воду и стал буторить. Когда сошла глина, он увидел белую, розовую и зелёную гальку, сбросил её верхний слой и, слив воду, резко выпрямился. На мелкой гальке и гравии, лежавших под сброшенной крупной, блестели три самородка. Каждый размером около дюйма. Он вышел на берег, положил лоток на траву и, едва дыша, вынул их, положил в шапку и вернулся к ручью. Снова забуторил породу, сбросил мелкую гальку и гравий. Смыл воду, поднял лоток поближе к глазам и от неожиданности сел прямо

в воду. Золота было столько, что чёрный шлих был только по краям плоскости лотка. Ух, подфартило. Он быстро довёл концентрат. Полфунта точно, подсказал ему опыт. О таком он никогда не слышал.

Слив концентрат в котелок, он завёл костерок и стал его сушить. Когда песок высох, подцепил котелок палкой, бегом бросился к реке. Быстро охладил горячее железо. Лоток вытер сухой портянкой, проветрил на ветерке до сухости, горкой высыпал на край шлих, искрящийся металлом, и стал дуть ртом, отдувая лёгкие частички. Он дул осторожно. К перегибу лотка откатывали белые, зелёные и красные зёрнышки лёгких частиц. Золотины, благодаря большему весу, оставались на месте. Когда с краю остался один металл, а все лёгкие частицы были отдuty, он достал из котомки кисет и аккуратно стряхнул золото в него. Взял его в руку и почувствовал вес не менее четверти фунта. Вот это да!! Слухи о «бешеном» золоте, ходившие среди золотничников, и в которые мало кто верил, оказались всамделишными.

Дотемна он промыл всю оставшуюся породу выкладки, добавляя в лоток по мере пробурторки. Оставив в лотке концентрат до утра, он улёгся у костра, но спать не мог. С рассветом, попив чаю, довёл шлих до металла, и ещё солнце было низко, у него в кассете было фунта полтора золотого песка, а в шапке десяток самородков, общий вес которых, как он прикинул, составлял около шести фунтов, при этом каждый из самородков весил более полфунта.

Собирая снаряжение, он подумал, что ведь кто-то выкопал (прошёл) эти шурфы, а где следы их стоянки? Такой глубины шурф без воротка и бадейки (ведра) в одиночку пройти невозможно. Он собрался, надел котомку с притороченным сверху лотком, завёрнутым в холстину, и стал осматривать место вокруг шурфа. Шагах в тридцати

в тальнике он нашёл разобранный вороток — две треугольные подставки, обрезок бревна в полтора аршина с вбитой в него железной изогнутой из толстого прута ручкой, верёвку, бадейку, две кайлухи и лопату с короткими ручками. Невдалеке кострище и навес из лапника да две лежанки под ним. Судя по кострищу, люди здесь были недели три или чуть больше назад. Кто они? Почему перестали работать? До холодов ещё почти месяц. Ответы на эти вопросы он не находил. Что в шурфе — зверь или... страшно подумать о том, что здесь могло случиться.

Не думая, для чего он это делает, Тимоха взял опоры от воротка, отнёс их в тайгу и спрятал там. То же самое сделал с бадейкой, уложив туда верёвку, и валом из тёсаного полена с ручкой. Это припрятал совсем в другом месте. Люди, пробившие два шурфа, других следов не оставили.

Тревожил его смрад из «золотого» места. Что лежит на дне, он не разглядел, но что-то там было такое, что, вероятно, могло бы всё объяснить. Ветер с низовьев ручья по долине усилился. Может, шурф проветрит, — подумалось. Он отправился к этому месту. Ветер уже свистел не только внизу вдоль ручья, но и шумел в кронах деревьев на коренных берегах.

Он снова набрал сухой травы, вставил в неё пяток тончайших ломких веточек хвои, скрутил жгут и, спрятавшись от ветра за отвал и расстегнув кожаную куртку, под его полами разжёг импровизированный фитиль и бросил его в чёрную пасть выработки. Шурф осветился, и на этот раз он достиг почти самого низа, продолжая там гореть не очень ярко, но всё же освещая всё его нижнее сечение. Старатель отчётливо увидел две ноги, торчащие вверх, руку со скрюченными пальцами и половину головы. Другая затекла глиной со стенки. От пламени фитиля что-то вспыхнуло внизу, и огонь быстро, как по сухой траве,

побежал в сторону. От этой вспышки внизу стало чуть светлее, и Тимоха понял — горит шкура. Запах горелой шерсти добрался до него. В одной яме, сделанной людьми, лежали двое — человек и небольшой медведь-пестун. Вот те раз! Оба уже гнили. Однако они там не менее трёх недель, как стало тепло. А случайно ли?

Разобранный припас для проходки шурфов заставлял решить, что это не случайно. Кто-то сделал всё для сокрытия этого места. Тимоха утвердился во мнении, что один человек, кроме него самого, точно знает секрет шурфа, а медведь туда попал позже, придя на запах гниющего мяса. Из тайги после каждого сезона многие не возвращались, сгинув в болотах, при таёжных пожарах, утонув на переправах через бурные речки, заболев, сломав ноги, простившись с жизнью от лихих людей. Что произошло здесь, он сообразить не мог. Однако и ночевать вблизи этого места уже не хотелось. Он отправился вверх по ручью. За водоразделом была большая долина с речкой, сплавившись по которой и у каменных быков* перевалив небольшой хребет, можно было выбраться к старой тропе до посёлка.

Почти дотемна он брёл по долине, которая становилась всё уже и глубже. К закату он оказался в месте, похожем на щель. Долина стала каменистой, шириной в десять-двенадцать сажен, а берега превратились в обрывы сажен по сорок-пятьдесят.

Где ночевать? Оглядевшись, он увидел куртину кедрового стланика в середине обрыва и площадку сажени в три. Зачерпнув воды в котелок, он забрался по камням наверх и понял, что лучшего места он сейчас и не найдёт. Лапы кедрача отгораживали его от обрыва, полукруглая вышка от когда-то вывалившегося отсюда камня делала место это похожим на пещеру, а лапы кедра прикрывали её сверху. Наломав мелких сухих веточек, он вскипятил воду, заварил чай и прилёг на землю, усыпанную сухими

иголками почти на три вершка*. Подстилка была сухой и мягкой. Положив голову на котомку и накрыв голову шапкой, он быстро уснул.

Проснулся на заре от фыркания и ржания лошади. Звуки доносились снизу. Подвинувшись под ветки кедровника, выглянул со своего карниза и внутренне сильно забеспокоился. Он углядел небольшой караван. Три лошади под выюками, которых вели два человека. На выюке первой сверху были приторочены доски. Две сбоку гладкие и одна сверху с набитыми поперечинами навроде лестницы, которую кладут на скат крыши в избе. Ага — проходнушка — разобранный жёлоб для промывки золотоносных песков.

Мужик, ведший лошадь в поводу, был в дождевике, ямщицком кепи и при двустволке. Его лица Тимоха не разглядел. Другого же мужика, который вёл вторую лошадь, к которой кожаным ремешком была привязана третья, он разглядел. Ватная куртка с лисьим воротником, густая какая-то пегая шевелюра и сивая борода с усами, над которыми выделялся длинный толстый нос малиново-красного цвета. Один глаз — бельмо. Когда третья лошадь прошла под затаившимся наблюдателем, он увидел фигуру человека, руки которого были связаны впереди, и верёвка от них тянулась к выючному седлу этой последней в караване животные.

На портупее человека, ведшего двух лошадей и, как понял Тимоха, — пленника, висела кобура с пистолетом. «Эге! — смекнул наш глядящий. — Никак хозяева богатенького местечка объявились!» Стало светлее, и он разглядел этого третьего. Выпуклые, слегка навывкате, светлые глаза, рябое лицо, короткая борода, плешина на голове, грязная одежда, крепкие грубые сапоги стучали по камням почти так же, как подковы лошадей. Этот последний по облику был похож на старателя, а те двое, что вели лошадей, были

* Вершок — 4,45 см.

какими-то чужими не только для Тимохи, но и для тайги тоже.

Харча у нашего соглядатая было ещё дня на четыре, однако любопытство и желание понять, что там произошло и, тем паче, что будет далее, уже через какой-то час погнало его вниз по следам каравана. Все свои пожитки, кроме карабина, ножа и патронов, он оставил на карнизе, где ночевал. Собаки у караванщиков не было, а посему он, зная эту долину, быстро нагнал их и осторожно двигался на таком расстоянии сзади, что слушал их разговоры. Те, по-видимому, не таились от пленника в своих разговорах.

Говор этих людей был явно нездешний — городской. Красноносого звали Егоршей, а другого Александр Аркадьевич, как его уважительно величал этот самый Егорша. Эти двое друзьями не были. По разговору чувствовалось, что один хозяин, а второй при нём вроде слуги. Этот самый Александр Аркадьевич распекал Егоршу за то, что он убил старателя не у того шурфа, у какого надобно было его и зарыть — у пустого, а сбросил труп туда, откуда они собирались брать золото. Чай, он протух, и там такая вонища, хоть всех святых выноси. И зарывать этот шурф не зароешь.

— Я тебя накажу тем, что сам и полезешь в эту могилу доставать убиенного, раз не послушал меня.

Егорша бурчал, что случай выпал, тот склонился на этим шурфом, где золотце, а я его топориком. Так вот как погиб человек, лежащий на дне богатого шурфа, — не просто, а из-за этого самого золота, будь оно неладно.

С пленником эти двое разговаривали хоть и грубо, но с каким-то заискиванием. Еду давали такую же, как сами ели, и в не меньшем количестве. Рук не развязывали, а когда останавливались, сажали и связывали ему ноги, а кисти рук освобождали так, что он мог ими держать кружку и брать еду.

Всё это Тимоха увидел, когда те сделали короткий передых в своём пути. Когда долина расширилась, доглядчик обогнал караван и спрятался невдалеке от золотого шурфа. Ветер стих, и дух вокруг места, где остановился караван, был жуткий. Они, кривясь и ругаясь, развьючили лошадей, стреножили их и погнали пастись, впрочем, на виду, чуть выше по ручью. Сами направились в тальник, где давеча Тимоха нашёл их стоянку и, не обнаружив своих приспособлений, озадачившись, сильно ругались. У связанного мужика на лице промелькнуло что-то вроде довольной улыбки. Главный отослал Егоршу вырубить молодых деревьев для лестницы. Они перво-наперво решили почистить шурф и закопать труп. Тимоха понял, что эти люди тайги не знают. На любом становище таёжник сначала обустраивает крышу над головой, а потом за работу.

С другой стороны, может быть, они хотели побыстрей избавиться от следов душегубства, которое сами и сотворили. Связанный же паря был одним из двух, кто это место и нашёл, — подумалось Тимохе. Часа два варнаки провозились, ладя узкую длинную лестницу. Спустили её в шурф, и Егорша, взяв конец верёвки, стал в него спускаться.

Минут через двадцать он вылез, лестница была поднята, и, взявшись за конец, они стали вытягивать эту верёвку, отходя от шурфа. Чёрный мешок с болтающейся головой они оттащили волоком к пустому шурфу и сбросили в него труп. Лестницу второй раз спустили в выработку. Егорша снова спустился, и тем же путём они вытащили дохлого медведя с палёной шкурой. Это их озадачило. Как могла шкура оказаться сверху пригорелой в глубоком шурфе? Поспорив, они опять волоком оттащили и сбросили в шурф с мертвецом ещё и тушу медведя. Затем в две лопаты начали засыпать нечеловеческую могилу. До конца не засыпали, бросили работу и закиптали

чай. Тимоха, пожевав молодой хвоей, продолжал следить за событиями из своего укромного местечка.

Доски для проходнушки они отнесли на берег ручья, а рядом разбили палатку. Перетаскив в неё свои пожитки и положив рядом инструменты, взяли двуручную пилу и отправились в тайгу выбирать лесину для нового воротка. Вблизи были только корявые и какие-то кривые деревья, да ещё и тонкие. Прямые стволы были в глубине. И когда Тимоха слышал звук пилы, слабо доносящийся до поляны, он решился. Пильщики его видеть не могли. Он вышел, подбежал к связанному, быстро разрезал верёвки.

— Это варнаки-душегубы, убили моего напарника, а меня таскают уже почитай четвёртую неделю, чтобы им наладил промывку, — мужик растёр кисти, и кинувшись в палатку, выскочил с двустволкой, патронами и пистолетом. — Сосунки, — сказал он. — Ушли в тайгу за деревом, а оружие оставили.

Звук пилы стих и снова возобновился.

— Этих надо кончать, они друга моего сгубили.

Проверив, заряжено ли ружьё, он перегнул стволы, вынул сначала один патрон, осмотрел его, затем другой.

— Оба с картечью, — сказал он вслух.

Вернув стволы в боевое положение, спросил:

— Ты — спаситель мой, может думаешь, что их не надо кончать?

Тимоха ответил:

— Я с тобой! — и снял карабин с плеча.

Они ушли с поляны в тайгу и, пройдя вдоль края, затаились у того места, откуда должны были выйти дровосеки. Кряхтя и устало переговариваясь, треща по сучкам ногами и напрягаясь под двумя не очень толстыми, но ровными лесинами под полторы сажени, ничего не ожидающие варнаки попали под залп. Дуплетом с небольшого расстояния в Александра Аркадьевича выстрелил

давешний пленник, а второго срезал Тимоха. Убиенные так и не успели ничего понять. Два заряда картечи снесли голову первому, второй сверкал бельмом — пуля вошла ему в видящий глаз.

— Ну вот, теперь давай знакомиться, — сказал рябой мужик.

Так Тимоха повязал себя кровью с Федькой Корявым. Бросив до утра придавленные мешками останки, они вернулись к палатке. Заварили кулеш, чай, во व्यюке нашли штоф водки. Выпили, поели, и Корявый поведал Тимохе, что это место он отыскал прошлой осенью, найдя в верховьях лога кварцевую жилу с видимым золотом. Сюда они с товарищем пришли, когда сошёл снег и в речке упала вода. Решили пробить два шурфа. Первый почти ничего не дал, а второй взял много сил, но оказался с россыпью, как мыслил старатель, уходящий вверх по логу к той самой коренной кварцевой жиле. Мало того, что с россыпью — с «бешеным» металлом и самородками. Они решили быстро дойти до посёлка, собрать своих ещё человек пять-шесть и назад. Двоим с работами не справиться. Когда они разглядывали первые самородки, их оглушили и повязали. Товарища убил Егорша, а Фёдора оттащили в зимовье, где жил беглый каторжник — их подручный.

Тот почти три недели стерёг Корявого, пока его приятели в посёлке добывали снаряжение и продукты, продав самородки, забранные у сидельца и убиенного. Уходя с зимовья, они и своего друга не пожалели. Труп его закопали, вырыв яму прямо в зимовье. Вот такие дела. Как говорится, не рой другому яму — сам в ней сгниёшь.

С этого времени они сдружились и много лет работали вместе, разошлись не по вражде или ссоре, а в силу обстоятельств и плохо друг о друге не только не говорили, а даже в мыслях не держали.

Заброшенное зимовье

(Из воспоминаний старца Василия)

К Николе зимнему старатели, вернувшиеся после тяжёлого сезона промывки золота и, по большей части, прогуляв деньги, полученные за металл, поухомирились. Семейные, а потому более степенные, занялись починкой жилищ, заготовкой леса и подлёдным рыболовством. В разросшемся посёлке чаще стучали топоры и звенели пилы, чем слышались разгульные песни и стрельба по пьяному делу.

К празднику в усадьбе Сурова готовились серьёзно. Ждали обоз из Иркутска. У промышленника по результатам сезона промывки не хватало полпуда золота, которое он обязался поставить кабинету в качестве уплаты за новый участок. Участок могли отобрать, а он только обустроил прииск и начал вскрышные работы. Старец приболел, и беседу они вели один сидя в кресле, а другой лёжа на тахте. Демьяныч обрадовал Василия тем, что с обозом должен приехать врач с хорошими китайскими лекарствами, которые его враз поднимут, и возвращающийся на пару недель сын, который наладил в Иркутске пробирное дело. После чего спросил совета:

— Как найти полпуда металла, когда все старатели уже всё продали и в посёлке незанятого золотого песку нет?

Василий, прихлёбывая чай с малиной и кислицей, задумчиво помолчал, а потом, как бы вспомнив (на самом деле он ничего и никогда не забывал) что-то, заговорил:

— Ты мой спаситель, и я живу как у Христа за пазухой при тебе уже не один год. Осталось мне недолго.

— Что ты, что ты, вот лекарь приедет, он светило в медицине, учился в Китае и на Тибете вылечит, ещё плясать будешь, — воскликнул с жаром Суров.

Этот лекарь со всеми его лекарствами и проездными, а также гонораром стоил купцу что табун лошадей. Купец хотел, чтобы, кроме старца, приезжающий и его попользовал. Временами Демьянычу самому было худо, а причины он не знал. Старик выслушал сказанное и спросил, знает ли купец Каборожью падь, что у падуна* Буйного. Тот ответил, что о падуне слышал, но там никогда не был — далековато.

— Однако там есть золотая схоронка, пуда на два металла.

Глаза купца загорелись. Он поскущел и проворчал:

— Падь-то где, а мы где, да и зима.

На что старец заметил:

— Тебе металл зело нужен или ты просто для разговора у меня?

— Стал бы я тебя по безделице беспокоить.

— Если металлишко надо — сбегашь и вернёшься, и холода здесь не к месту. Только условие у меня к тебе будет. Ехать с сыном и нашего сторожа третьим возьмёшь — Харитона. Куда, зачем — на охоту сына побаловать, он, чай, в настоящей таёжной зиме и не бывал. По Витиму вниз по льду на оленях до устья Перентуя, там вверх по реке ещё вёрст сто двадцать. Здесь у якутов сменишь оленей. Своих оставь и одной упряжкой далее. Карту я тебе дам. Якутов на эти места с собой не бери, да они и не пойдут. Идите втроём, оглядываясь. Если кто увяжется — закопать! Кто попало туда не ходит, — жёстко сказал старец. — Места суровые. Не дай те Бог навести на это место чужака. В нартах с собой только тёплая одежда, шатёр, кукули, лыжи —

* Падун — водопад.

оружие при себе — забери мои пистолеты под доху. Продукты в зимовье есть, хоть до весны живи. Однако не задерживайся. И вот ещё что. Возьми с собой две фляжки со спиртом.

Он многозначительно посмотрел на вздрогнувшего от воспоминаний купца.

— А вот и порошок. Сдобришь спиртик-то в той обтянутой кожей фляжке. Чай они у тебя в сохранности?

У Сурова защемило в груди.

— Золото в суконных мешочках разложено по полпуда. Теперь о тайнике.

Он рассказал, как его найти, вскрыть и закрыть. Предупредил о том, что бы он там ни увидел — должно стереться из его памяти навсегда. Это дела прошлые, угрюмые. Пусть уходят в небытие.

— А что я там могу увидеть такого особенного? — спросил Константин Демьяныч.

— Что тебе ответить, забыл, давно это случилось. Однако может ты помнишь ватагу вольных старателей, удачливого Яшку Цыгана, который набирал артель и всем аванс выдал немалый. Снарядился и ещё по зиме ушёл в тайгу. Тому уж лет двадцать пять как.

Суров вспомнил этот случай.

— Дак никто из них — более двадцати душ — по осени из тайги не вышел, — продолжал старец. — Удивляло то, что и слухов про них никаких не ходило. Сгинули людишки. А ведь этому Яшке я денег на снаряжение и авансы дал. Место мне дурной якут указал. Головой он болел. Взрослый мужик, а как семилетний пацан. Здоровые якуты туда не ходили из-за своих духов. Жилище-де у них в этих местах. Этот полоумный олешке ездовому рога облепил пластинками золота, плющенного на камне. Я его встретил перед стойбищем, верстах в трёх, дал водки и уговорил, как детей малых уговаривают. При-

пас у меня был, так он и привёл меня в эту Каборожью падь. Показал, где пластинки золота плюшил. Эти пластинки прямо в ручье собирал. А размером они были от полутора до почти трёх дюймов — чисто плоские такие самородочки, да и жила, из которой они сыпались, ручейком подмывалась. Я его каждое утро поил чаем со спиртом. Вот он целый день и спал. Я в то время лазил окрест и попробовал на золотце все притоки. Золото в них было, но малое.

А в том месте, где этот златокузнец обряжал своего оленя, под самым бережком я ямку вырыл в аршин* глубинной, помыл в ковшичке и вынул из гравия дюжину таких пластинок. Уж на золотой песок в шлихе и не глядел — смыл его в ручей. Такие ямки я понарыл числом 16 вниз по ручью и везде 5–8 самородочков и на дне ковша песочку по золотишку с лихом. Семнадцатая яма мне не далась. Её водой залило, я только четверть ковша набрал, да и глубже она была. Эта малость породы дала, 42 доли** золотого песочка. Водка у меня кончилась, и якут помер.

— Как помер? — поднял глаза Суров.

— Как, как — взял да и помер. Схоронил я его, больного, с эфтами золочёными оленьими рогами. Оленя съел. Уходил оттедова, обходя якутские стойбища. Вот туда-то я и подрядил ватагу золотничков Яшки Цыгана, мне добыть ещё золотишка. За месяц вычистили участок до коренного плотика, благо он был там на глубине от пол-аршина до сажени вниз по ручью. Зимовье построили — хоромы с печкой. Полати на всю артель. Промывочный шлюзок обустроили длиной в три сажени, шириной почти аршин. Пристроили в русло ручейка, так что он сам мыл золотце, только породу — речники подкидывай, да гребками гальку сбрасывай. Вот и изладили к осени верхнюю часть россыпи вчистую.

* Аршин — старая мера длины = 71,12 см.

** 1 доля — старинная мера веса = 44,43 мг.

— Сколько же вы, Василий Авенирович, металлу-то взяли? — спросил, весь трясаясь изнутри, Суров.

Старик задумался и молчал некоторое время. Не то вспоминая, не то что-то подсчитывая. Так и не ответив на вопрос, продолжал:

— Народец в артельке подобрался разный. Когда по утрам случался иней, пошли разговоры о доле каждого. Все что-то прикидывали. Споры о том, кто больше работал, кто меньше, возникали всё чаще. Мы с Яшкой всегда были при объёме золота со шлиза и весь концентрат забирали и доводили до золотого песку сами. Однако многие варначили — утаивали самородки не только от нас, но и друг от друга. Я удумал, что с этим надо кончать. Собрал ватагу и объявил, что каждый получит по полпуда металла и чтобы каждый приготовил свой собственный мешочек. Общество решило, что я получу пуд, а Яшка Цыган, как таборщик, — три четверти пуда.

У Демьяныча от этих слов в горле всё пересохло.

— Что было дальше? — прошептал он.

— Дальше ещё два дня мы взвешивали металл и рассыпали по мешочкам. По размеру-то они невеликие, где-то в полторы ладошки длиной. Получилось двадцать три мешочка одинаковых и два поболее. Цыганов и мой, грешника. Показали мы народу их доли и объявили на завтра отдых и малое застолье по завершению работ. На другой день убрали инструмент, разобрали промывалку. Всё путём сложили в клеть при зимовье под замок. Напекли шанег, наварили мяса, сделали кулеш, в два самовара зарядили водки. В зимовье за столом уместились все. Цыган у дальнего торца, я со стороны двери. Помолились и начали выпивать и обедать. Цыган назвал меня благодетелем, и будто бы я снова всех приглашаю на следующий сезон и всё такое. Я под очередные полкружки ответил. Всех благодарил и напомнил, что до посёлка да-

лековато и уж там, даст Бог, будем думать про следующий год. Пока мыли золото и делали другие работы, водки не пили. Она у меня под замком стояла. Сейчас же народ захмелел, из самоваров хлебная-то перестала вытекать, как краны не крути. Всё выпили, но, как всегда, оказалось мало, хотя половина уже встать с лавки не могла. Шум, разговоры, кто-то запел. Цыгана повело, он стал выхваляться и повёл ненужные разговоры. Я за это время выпил всего полкружки хлебной. Больше ел. Раздались недовольные крики, что мало вина и что я, дескать, не даю народу погулять от души. Встав и постучав ложкой по самовару, сказал им, что сей момент представлю весь оставшийся запас белого вина, а уж они как соизволят. Сейчас пить или оставить на опохмел на завтра. Эта речь вызвала вопли одобрения. Выйдя из зимовья, достал со склада бутыль в плетёной корзине. Она была зелёного стекла с печатью на пробке. В неё входило ровно ведро. Отлил себе малость и сыпанул туда известного тебе, Костя, снадобьица.

Суров с ужасом посмотрел на благообразного старца Василия. Тот продолжал:

— Когда я внёс бутыль в застолье, меня приветствовали, что генерал-губернатора. Бутыль передали на другой конец стола, и двое мужиков, как менее пьяные, разлили в сдвинутые в одно место кружины. Это была целая процедура разлива. Один держал бутыль, обхватив её руками, другой, наклонив горлышко, наливал в парцайную кружку, а уж из неё в кружку на столе. Это повторялось до тех пор, пока не заполнили всё. Их аккуратно передали вдоль стола. Выпили, заедая тем, что у кого осталось. Про меня забыли, и только Яшка Цыган таращился в мою сторону с другой стороны. Выйдя наружу, сел на завалинку и стал смотреть на звёзды. Голоса внутри, сначала громкие до крика, стали стихать. Двое или трое

вышли до ветру, сильно шатаясь, да и завалились. Когда я заглянул в окошко, все спали, кто навалившись на стол, кто у стены, а кого и видно не было. Должно быть, упали под лавку. Свечки в плошках догорали. Прикрыв дверь, я ушёл к себе, положил щеколду на скобы, положил револьвер под подушку и тоже прилёг. Утром из зимовья никто не вышел.

Сукова сковал страх от услышанного.

— Спрятав мешочки с золотом в тайник и прихватив лишь свой и припасу на дорогу, я с двумя лошадьми под выюками ушёл с прииска, подперев дверь зимовья лесинной. Более туда и не возвращался. Ты, Костя, не переживай — мы с тобой оба бывшие душегубы. Молись лучше во спасение души. Бог простит. А люди коль узнают — прощенья не будет.

Старец встал у иконы, а Суров вышел во двор, хуже, чем пьяный. Так вот сгубить двадцать четыре человека и пребывать в спокойствии и рассудке? В голове не укладывалось. Он-то натворил поменее Василия, но спокойствия в душе как не было, так и нет по сей день.

Тайна нарымского купца А. Д. Родюкова

Свою первую заявку на добычу золота Родюков подал ещё в 1831 году, занимаясь хлеботорговлей и скупкой пушнины в Забайкальском крае. Однако многие издержки, уменьшение добычи пушнины заставили Андрея Дмитрича повнимательней присмотреться к нарождающейся в России золотодобыче.

К 1888 году, став известным не только в среде серьёзного купечества, но и золотопромышленников, он знал многих людей разных сословий, живущих розыском драгоценного металла в огромной части Сибири к востоку от Байкала.

У него имелась почти дюжина одиночных старателей, которые под зиму приносили ему намытое в дальних урочищах золото, за которое он щедро, в отличие от иных скупщиков, платил. Состоял пайщиком четырёх товариществ по золотодобыче, но, зная это рискованное дело, более двадцати процентов от своего капитала в подобные предприятия не вкладывал. Была у этого могучего мужика одна страстишка. Он копил золотые монеты достоинством 10 рублей. Их ещё называли «империалом»*. Железный ящик с империалами хранил в одном из семи домов, которыми владел в разных городках Сибири. Безмерное счастье его настигло, когда этот самый десятирублёвый империал подорожал и стал стоить 15 рублей. К 1898 году он скопил, страшно сказать, 1800 монет, лежавших в виде клада в г. Кяхте, где в домике

* Империал — русская золотая монета, содержащая 11,61 г золота.

красного кирпича имелась тайная кладовка. Его монеты подорожали после 1847 года на 9000 рублей. В те периоды жизни, когда Родюков наезжал в Кяхту и жил в своём доме, содержавшемся его сестрой, он иногда дважды в день ходил любоваться своим счастьем — монетами. Открыв ящик и увеличив свет трёхлинейной керосиновой лампой, для начала просто смотрел на таинственно блестящие красивым жёлтым цветом, мерцавшие оттенками этого завораживающего цвета от тёмных до светлых, круглые плоские кусочки драгоценного металла. В этот момент в тихой кладовой, как живой, возникал его дед Прокоп. Именно он подарил внуку, десятилетнему Андрею, первую из этого собрания монет.

Слова, сказанные при этом, он помнил, как «Отче наш». Тогда дед сказал:

— В этом государевом кусочке богатого металла большая жизнь, достаток, если хватит ума — путь к богатству, житейскому счастью и свободе в поступках. Если ума не хватит, то горе, бедность, зависимость от других и унижение не только от сильного, он и от слабого, но богатого. Научись честно получать много лобанчиков*, и твоя жизнь будет праведной. Эта монета, — продолжал старик, — имеет ещё другие ипостаси — варначество, разбой, душегубство, зависть, подлость и кровь, и не дай тебе Бог оказаться их служителем.

Тогда мальчик мало что понял в словах деда, но время шло, он выросл. Жизнь подтверждала слова мудрого человека, подарившего малолетке Родюкову первую в его жизни денежку.

Эта монета висела на шее Андрея Дмитриевича рядом с крестиком на тонком шнурочке. Она была единственной, с которой купец и золотопромышленник не расставался никогда. Дух деда исчез так же, как появился. Владелец клада, с усилием шевеля пальцами, погружал

руки в навал монет. Чем глубже погружал руки в золото, тем больше чувствовал их тяжёлое сопротивление, и какая-то неведомая сила из этого блескучего металла передавалась всему его существу.

Энергия вечного ощущалась так же, как питьё воды в жажду. Это состояние испытывалось каждый раз, когда проводилось подобное действо. Убеждение о благостном воздействии клада, именно золотых монет на его душевное и физическое состояние стало ежедневной потребностью, и он всё чаще приезжал в Кяхту.

Взбодрившись, в приподнятом настроении Андрей Дмитрич направился в свою контору. Она располагалась в том же доме, но с другой стороны и видом с улицы. Там его встретил приказчик, работавший с ним уже лет тридцать и пользующийся полным доверием хозяина. Степан доложил, что в трактире видел их давнего клиента, а тот имеет повод навестить Родюкова по делу.

«Что-то необычно рано этот паря появился здесь. До зимы ещё месяца полтора, а он уже в городе. Знать, ему подфартило. Где-то золотца сорвал неплохого. Об прошлый-то год он почти два килограмма золота принёс, однако только в конце октября», — подумал Андрей Дмитриевич.

— Пусть зайдёт к вечерку, а я на склад, там с пасек мёд привезли, надо принять и оприходовать.

Степан вышел.

Часа три хозяин смотрел конторские книги, потом читал письма, что-то считал. Стук в дверь прервал бумажные дела.

На пороге стоял Клим Бутенев, известный в этих краях золотоискатель, лазавший по тайге сам по себе — в одиночку. Человек он был не бедный, когда-то имел торговлю, но поиски золота настолько его захватили, что сейчас иного занятия для себя он и выдумать не мог.

— Будь здоров, Митрич, — поприветствовал гость хозяина.

— И тебя также, что-то ты ране ноне. На дворе лето — сезон, а ты тут как тут. Раньше такого за тобой не водилось. Почти до снега в тайге пропадал, — улыбаясь, ответил на приветствие купец.

Клим снял висевший за спиной плетённый короб, обшитый кожей, и тяжело опустил его на пол.

— Вишь, какое дело... Фарт. Жилу с золотом богатейшую нашёл... Золота там немерено.

— Врёшь небось, — ухмыльнулся Родюков.

— Не дай Бог, — обиделся Клим. — Вот гляди. — Открыл короб и сунул в руки купцу кусок камня голубоватого цвета с крупными отдельными включениями (размером с ноготь большого пальца) ярко-жёлтого металла и такого же цвета жилками, пересекающими наподобие сетки весь кусок кварцевой породы.

Андрей Дмитрич отстегнул от поддёвки стальную булавку и поцарапал ею металл на куске. Глубокие царапины с гладкими краями не вызывали сомнений. Порода была с самородным золотом. «Дак в этом куске около 100 грамм металла», — удивлённо прикинул хозяин. Клим же вытаскивал кусок за куском, и вскоре весь стол оказался заставлен образцами золотосодержащей породы.

— Ты, похоже, пуда полтора на горбу притащил.

— То-то и оно, — подтвердил Клим.

Купец уже сообразил, поднося к глазам то один образец золотой руды, то другой, что здесь пахнет богатым месторождением. Старателю надо хорошо заплатить, узнать всё об этом месте, самому, если удастся, посмотреть его. Раньше он пару раз видел золотую руду, но в ней золото было едва видно, оно было мелкое, и в породе его было мало. А здесь... Он уже хотел спросить: «Откуда металл?», но Бутенев сам спросил:

— Это золото возьмёшь?

— Сколько ты за всё хочешь?

Старатель почесал затылок и назвал сумму 1200 рублей. Андрей Дмитрич принёс из другой комнаты 12 катеринок, каждая по 100 рублей. Довольный Клим спрятал деньги и достал из-за пазухи мешочек.

— Я там на жиле четыре куска руды фунта по полтора раздробил и отделил золото от породы. Может, и этот металл заберёшь у меня за три сотенных.

Хозяин купил и этот металл.

— Это дело надо обмыть. Ты посиди здесь, а я схожу распоряжусь. Пока уберу со стола камни, не дай Бог, кто придёт да увидит. — Родюков ушёл.

Через четверть часа продавец и покупатель сидели за столом и отмечали сделку. Разговор затянулся почти до утра, но в результате они договорились, что станут компаньонами и, если жила крупная, то организуют добычу металла.

При этом Клим вкладывает в дело свою находку, а Андрей Дмитрич — капитал. Надо сказать, что железный ящик с монетами для купца был своеобразной игрушкой — символом, а основные деньги вложены в депозитки, облигации частных банков — так называемые «билеты», акции. Не брезговал Родюков и скупкой закладных. Долго спорили насчёт делёжки будущей прибыли и сошлись на 65% для купца с его капиталом и 25% для старателя, 10%, договорились, пойдёт на непредвиденные обстоятельства. Решили также, что через пару дней вдвоём отправятся смотреть жилу в тайге.

Из Кяхты выехали порознь. Встретились в Иркутске и через три недели тремя лошадьми ушли в тайгу из Гнилого Ручья — посёлка староверов, в направлении озера Синего.

На одном из привалов Клим рассказал, как он нашёл жилу в горе. Дело было так. Двигая через тайгу, Бутенев пробовал на золото ручьи и мелкие речки. Район был пустым. Ни в одной пробе ничего не блестело. На входе в узкую долину реки с отвесными берегами подстрелил глухаря, а когда его разделявал, в желудке птицы, к своему немалому удивлению, обнаружил золото в виде неправильной формы округлых горошин. Их было семь.

Глухариные семейства обычно живут в определённых местах, они не то что олени, способные ходить далеко в поисках пастбища. Эта мысль ободрила старателя, и на другой день он отправился к реке, которая как-то странно из холмистых мест врывалась в узкую щель гор. Подобной реки он ещё никогда не видел. Обычно они текут с гор в понижающиеся места. Здесь было наоборот.

Промывая пробу на золото, ещё раз убедился, что металла нет. Он сидел, задумчиво глядя в сторону гор, с узкой щелью долины, куда текла «дурацкая» речка. С той стороны метнулась стайка больших птиц и плавно приземлилась в полуверсте от него на другом берегу. Никак глухари?! Они точно летели сверху теснины от горной щели. А вдруг они там клевали мелкие камешки, а среди них и золотишки? Мысль была почти фантастической, но другие напрочь отсутствовали.

Надо идти туда и искать. А вдруг эти птицы наведут меня на золото? Когда он приблизился к горе, то спугнул трёх горных козлов, которые бросились на немалую кручу и поскакали вверх. Там наверху двое животных скрылись за перегибом склона, а одно осталось и навроде сторожа смотрело вниз. Клим уже недели две питался то куропатками, реже глухарями, пару раз ел белок, но для этого расходовал патроны. Их количество быстро уменьшалось, а подстрелить горного козла означало ещё и экономию боеприпасов.

Заменив патрон с дробью на патрон с пулей, старатель полез вверх. Козла-сторожа он теперь не видел, но следы на мшистых камнях указывали на невидимую тропу, которой следовала рогатая дичь. Весь в поту, в туче мошки он лез вверх, естественно, без той лёгкости, с которой скакали вверх четвероногие. «Эх! Чего же я не дикий козёл!»

Он скорее почувствовал, чем увидел, что «сторож» уже близко. Выглянул из-за уступа, тут же спрятал голову. Зверь стоял выше его метра в двадцати и тряс бородато-рогатой головой, отгоняя мошек. Клим нашёл место для ног без качающихся коленей, встал на них в согнутом состоянии и, резко выпрямившись, выстрелил. Рогатый метнулся назад и исчез. Добравшись до места, где стоял козёл, Клим увидел перед собой плоскую площадку вроде уступа на склоне. За уступом вверх скакали двое животных, а одно лежало здесь и дёргало всеми четырьмя копытами..

— Ну вот и мясо, — сам для себя вслух проговорил удачливый охотник.

Оглянувшись назад, в ту сторону, с которой он поднимался, ещё раз испытал нечто вроде потрясения от высоты места, где оказался в охотничьем азарте. Когда он лез вверх, то не оглядывался. Сейчас перед ним открылась картина с невысокими холмами, покрытыми пятнами тайги, а реки превратились в серебристые ниточки с тончайшими волосяными притоками ручьёв. Склон уходил вниз очень круто, и охотнику было непонятно, как он вообще сюда залез. Если б не мясо, и мысли бы не возникло сюда переться. Он пошёл бы по реке.

Небольшая, наклонная в сторону щели с вертикальными стенками, площадка с другой своей стороны ограничивалась 8–10-метровым, также почти вертикальным обрывом. Складывалось впечатление, что некто гигантского

размера вырвал из склона горы кусок, и эта картина была очень похожа на выщербленный зуб.

Сбросив на землю заплечный короб, уже существенно облегчённый от харчевого и другого необходимого в тайге запаса, Клим присел на плоскую глыбу кварца и стал соображать, как разделать козла и сохранить мясо. Соли у него оставалось всего с полфунта. Решив, что часть мяса он сварит, другую запечёт на огне, встал, вынул нож, шагнул к туше и обомлел. Рядом с козлиной бородой, лежавшей под мордой животного на камне, ярко блестело, сверкая на солнце, с благородным светло-зеленовато-жёлтым светом золото. Он нагнулся, вытащил камень, и, глядя на него, непроизвольно сел на пятую точку. Весь голубовато-серый светлый камень был напигигован металлом.

На автомате, без мыслей, в опустевшей разом голове, стал ножом царапать золотисто-жёлтые, занимающие треть поверхности, пятна и жилки. Металл легко поддавался стальному лезвию.

Сомнений не оставалось. Перед ним был кусок богатейшей золотой руды. За 3–5 минут он нашёл ещё с десятков подобных обломков. Во всех, где больше, где меньше, блестел драгоценный металл.

В обрыве со стороны горы он увидел жилу. На фоне тёмной породы она чётко выделялась своим светлым обломком и наподобие ветки дерева, лежащей на срезе, наискось пересекала вскрытую его часть, исчезая там, где он кончался. Присмотревшись и углядев в жиле те же блёстки и жилки, сиявшие золотом, он понял, что нашёл то, для чего и отправился в тайгу. Жила уходила в глубину горы, и только её малая часть была видна Климу. Он это понял сразу. За три десятка лет, которые он с перерывами провёл в тайге, такого с ним ещё не было. Может быть, первый раз в жизни произошло то, о чём

мечтали сотни людей, ежегодно искавших золото. По тому, что он видел перед собой зримо и реально, золото было «бешеное» (не в том смысле, что оно взбесилось, а из-за его количества). Сердце Клима стучало, как кузница, он уже который раз лазил по выходе жилы, разглядывая и ковыряя её ножом. Трещины в камне позволили наковырять много кусочков с солнечным металлом. Нож он сломал, сломал и маленькую лопатку. На дне его коробка лежала небольшая кайлушка без ручки. Используя её как клин, выворотил из жилы более крупные куски золотой руды.

Когда стало уже темнеть и навалилась усталость, а первый восторг и глоток счастья притупился, опьянение фартом и новизной ослабло, Бутенев вспомнил, что с утра он ничего не ел. Пить хотелось страшно.

В какие-то несколько минут впал в состояние, похожее на ощущение человека, беспробудно пропьянствовавшего неделю и очнувшегося с похмелья.

— Стоп, Клим, — опять же самому себе громко заявил старатель.

Леса здесь, на горе не было. Стал собирать сухие веточки, ломать небольшие кустики, сухую траву рвал пучками. Надо было сделать костерок. Пришлось сходить и на крутой склон. Там был кедровый стланик. Он здесь запасася топливом на ночь, при этом чуть не сорвался вниз. Сидя у костра, Клим поджарил на углях козлиную печёнку и кусок мяса. В его хозяйстве имелась бутылка водки — полуштоф*, завернутый в запасные тёплые обмотки.

Изрядно хлебнув водки, с остервенением вгрызся в пахнущую дымом, горьковатую, со слегка подгоревшей корочкой, козлиную печень, сопроводив сие действие парой листьев черемши. Водка подействовала на усталый органон старателя поразительно быстро. Второй глоток

* Полуштоф — мерная бутылка объёмом 0,6 литра.

из бутылки уменьшил запас «огненной воды» до трети и извёл мясную закуску наполовину. Заткнув остатки белого хлебного вина пробкой, сыто икнув, Клим почувствовал блаженное состояние лёгкости, свободы и какую-то почти невесомую светлую радость бытия и реализованных стремлений. Здесь же, у костра его сморила усталость, и, завернувшись в сибирку*, он крепко уснул.

Проснулся Клим от клёкота, шума хлопающих крыльев. Над его добычей — козлом, трудилась целая стая хищных птиц, а вчерашний недоеденный кусок жареного мяса исчез.

Беззлобно шумнув, разогнав орлов и воронов, обнаружил, что воды для чая у него нет. Однако одна из птиц, которых разогнал Клим, проснувшись, уселась на самом краю у обрыва щели и явно там из чего-то пила воду, это было видно из того, что после наклона головы она потом резко задирала её. Подойдя к этому месту, старатель увидел ямку в камне размером с небольшой котелок, в которой была дождевая вода. Он глянул вниз с края обрыва. Где-то в глубине шумела река. Её видно не было, так как обрыв был выпуклый, а метрах в 40–50 на противоположном обрыве он сразу увидел ещё несколько крупных жил, по облику похожих на ту, которую он ковырял давеча.

Уже за чаем, в ожидании, пока спечётся мясо, его одолевала мысль о том, что делать дальше. Природный ум подсказал Климу, что он отыскал место для шахты, из которой можно не один год и не два, а лет десять добывать богатое золото и, возможно, в количестве многих пудов. А что для этого надо, он однажды видел ещё в Нарымском крае, где добывали серебро с небольшим количеством золота, и подобное знание, перенесённое на его коренную жилу, не радовало фартового старателя. Денег на шахту у него не было, а ещё другие затраты? Сама собой пришла мысль найти эти деньги, позвав в компа-

нию знакомых миллионщиков. Из всего сонма золото-промышленников, известных ему, был только один надёжный с его точки зрения, по опыту дел с ним. Этим человеком, порядочным и честным в делах, выходил Андрей Дмитрич Родюков. Он мог в принципе не только дать денег, но и всё обустроить.

Однако, ему придётся доказывать, что здесь есть золото для шахтной добычи. Клим уже знал, как он это попробует сделать.

После чая, вычерпав из ямки в камне, где он брал воду для чая, остатки жидкости, протерев её травой, он собрал кусочки золотой руды размером с кедровую шишку, ссыпал их в эту ямку и стал их дробить при помощи плоской стороны кайлушки. Таким способом он получил очень мелкие кусочки, из которых и набрал свободных от породы крупных, крючковатых, плоских, тонких и толстых золотинок. Он оббил все руки, осколки кварца от дробления летели вверх, впиваясь в лицо и наружные части ладоней рук. Набрав мешочек золота, он сложил в короб крупные куски руды, где металла было богато. Короб стал очень тяжёлым, но без этих кусков ему не поверят. Это он знал точно. Один-два куса для доказательства также слабовато. Над его стоянкой теперь кружилось не менее трёх десятков крупных птиц, а Клим думал о дороге к жилухе.

Самым трудным был спуск с этой горы, с тяжёлым грузом на плечах, и путь до большой реки.

Сделав хороший костёр и дождавшись углей, поджарил на них пять больших плоских кусков мяса, богато посолив. Потом стал собираться в обратный путь. Следовало спешить.

Весьма сложным и опасным был спуск с горы, на которую он «взлетел» наподобие тех самых козлов, ведомый интуицией. Его короб стал тяжёлым, как жизнь,

даже несмотря на то, что всё лишнее он оставил на площадке у золотой жилы. Спускался поэтапно. Сначала на верёвке спускал короб до какого-либо препятствия ниже по склону. Спускался сам и повторял операцию снова. Перепад высот между местом, откуда он спускался и куда стремился, составлял более 450 метров, а сам склон крутой и с шаткими камнями подо мхом, небольшими нависающими карнизами был существенно длиннее.

На гору залез он часа за полтора, а вот спуск с неё занял почти восемь. Дальше всё было проще.

Вернулись из тайги перед ледоставом, Родюков убедился, что Клим Бутенев нашёл богатое месторождение. Возвратились они с прибылью. Клим ещё перед поездкой приволок большую чугунную ступу с полупудовым пестиком и заявил, что денёк-другой на жиле поработают для получения золота. Именно это приспособление для дробления руды было во вьюке третьей лошади их маленького каравана. Когда на золотой горе Андрей Дмитрич посмотрел, как используют это чугунное чудо — ступу, ему стало интересно, а когда из дроблёной породы он сам вытащил десятка полтора золотых «таракашек» и «жуков» (название мелких самородочков), его охватил такой азарт, что они, сменяя друг друга на дроблении породы, проработали почти неделю.

После отборки крупных частичек золота оставшуюся породу ссыпали в мешок. Таких мешков весом по полтора-два пуда* по окончании работы набралось пять. Каждый поставили, а вернее, положили ещё в один мешок — пустой, завязали и, упаковав таким образом для прочности, скатили с крутого склона своим ходом. Потом, когда сами спустились, собрали мешки, стащили их к реке, где Клим за пару дней промыл дроблёную породу. Из неё они получили почти пять килограммов шлихового золота.

Если учесть, что там, на горе они извлекли около десятка золотого крупняка, то общая их прибыль оказалась, по их первой оценке, почти пуд.

Когда они вернулись и взвесили драгоценный металл, его оказалось 17 килограммов 741 грамма, т. е. больше пуда.

В результате этой ревизионной операции Клим получил хорошие деньги и должность артельщика для подготовки всего, что необходимо к следующей весне, когда они с Родюковым решили начать серьёзные работы по добыче золота. Он же должен был подобрать десять-двадцать рабочих на будущую шахту.

Начатое дело настолько захватило Родюкова, что он подумал о поездке за границу. В это время уже прошёл пик «золотой лихорадки» в Калифорнии, где в 1852 году было добыто 94 тонны золота, а к середине шестидесятых годов добывалось около 30 тонн. «Золотая лихорадка» Калифорнии была связана с добычей россыпного золота, однако во второй половине шестидесятых годов там же были открыты месторождения рудного золота в золото-кварцевых жилах, и так называемая Материнская жила была золоторудной зоной, тянущейся на десятки километров вдоль гор Сьерра-Невада. Здесь уже действовало много шахт по добыче драгметалла. Из этой зоны было добыто 400 тонн золота.

В двух десятках километров от Материнской жилы к северо-западу в районе Грасс-Вэлли за 100 лет добыли 324 тонн металла.

Андрей Дмитрич отрядил Клима Бутенева в Иркутск, где тот должен был организовывать базу снабжения для будущего предприятия, а сам отправился в Калифорнию. Попастъ в Калифорнию особого труда не составляло из города Владивостока, основанного в 1860 году.

За время поездки в Америке он посетил города Грасс-Вэлли, Невада-Сити, Офир, Эльдorado, Эврика и главные рудники по добыче золота. Там же он встретил российского горного инженера Новикова Валерия Петровича, который после учёбы в Германии, где окончил Фрайбергскую горную академию, и работы на шахтах, попал в Калифорнию. После знакомства Родюков показал земляку кусок золотой руды, который взял с собой в поездку за рубеж. У того глаза на лоб полезли. За двадцатилетнюю практику он ещё такого феномена по количеству золота в породе не видел. Уровень содержания золота в месторождениях Калифорнии изменялся от 9,0 до 10–15 граммов на тонну породы. В куске руды из месторождения в Сибири было в 10–15 раз больше. Не называя места, откуда был образец богатейшей золотой руды, промышленник рассказал о своих планах шахтной добычи золота. Новиков, сам родом из древнего города Калуги, уже двадцать лет не был на родине и о том, что в России началась эпоха открытий и разработки золота, почти ничего не знал.

Страшно удивлённый тем, что на родине появилась необходимость в специалистах по разработке шахтным способом, предложил свои услуги Родюкову. Они быстро договорились обо всём. Назад во Владивосток приплыли вдвоём.

Перед отъездом в Америку Андрей Дмитрич отправил куски с золотой рудой, купленной у Клим, в золотосплавную лабораторию, которая по заказам извлекала драгоценный металл из руды и концентратов. Она же определяла пробу извлечённого золота и определяла пробу самородков, сплавляла и переплавляла старые изделия из золота.

Хозяин лаборатории — дипломированный во Фрайберге сын купца первой гильдии Сурова, Александр Кон-

стантинович, был фанатиком золотопромышленного дела и уже лет пятнадцать был известен, как лучший в Сибири специалист и весьма честный человек. Его отец Константин Демьяныч построил в Иркутске для сына двухэтажный кирпичный дом по чертежам, привезённым из Германии, и закупил всё необходимое для плавки золота известное тогда лучшее оборудование, инструмент, химические реактивы.

На четверть лаборатория была загружена золотом, которое скупал и добывал оборотистый отец.

Единственным условием отца при начале организации золотосплавного дела, семейного предприятия, было то, чтобы Александр Константинович никогда, если отец сам не скажет, не задавал вопроса — откуда Константин Демьяныч получает сырьё и шлиховое золото для плавки. На этом сын целовал крест и на всю жизнь забыл, как он потом понял, страшный, тянущий за собой непредсказуемые и таинственные последствия вопрос. Его жизненным принципом стало иметь дело только с пробами и металлом официально зарегистрированных фирм, товариществ, частниками, имеющими документы на добычу золота. Его лаборатория, включённая в сферу государственной статистики по золотосплавным лабораториям, ежегодно представляла отчёт о своей деятельности в Горный департамент.

О делах отца в этот отчёт включалось только то, что сам Суров-старший сочтёт необходимым. Где-то через пару лет работы сын, зная, сколько золота реально проходит через руки его родителя, кое-что стал соображать и благодарил Бога за то, что отец взял с него клятву ни о чём не спрашивать.

Ещё до загранпоездки Андрей Дмитрич оформил товарищество по разработке золота и получил, а вернее, купил документы, делавшие его владельцем двух небольших

участков в одном из самых глухих мест Дальней Тайги. Один участок проходил под названием «Звёздочка», а другой «Троица». Последнее имя участку придумал Клим, так как точно на пятидесятый день после Пасхи он оказался на горе, где обнаружил жилу с золотом. Он ещё тогда подумал о благодатной силе, приведшей его именно в этот день к будущему богатству, а когда они составляли бумаги для заявки, высказался о названии вслух. Родюков тут же согласился.

Заглянув в лабораторию к Александру Константиновичу, они были знакомы не один год, он получил три слиточка золота и один поменьше серебра. Общий вес золота составил 12,2 кг, а слиток серебра весил 1,4 кг.

— Металл у тебя хороший, его проба 900, — сообщил металлург. — Я взвесил руду, которую ты мне доставил. Она весила 24,57 кг, а металла из неё выплавил 13,8 кг. После разделения его на золото и серебро получилось то, что ты теперь имеешь. Из 100 пудов такой руды можно выплавить почти пятьдесят пудов металла. При этом ты получишь почти 5 пудов серебра и 4,5 пуда золота. Подобной руды мне ещё никто для плавки не привозил.

— Да по моим сведениям, нигде в России такие руды не известны.

— Неужто она из наших краёв?

Андрей Дмитрич только улыбался в ответ.

— Ладно, ладно, ни о чём больше не спрашиваю. Расскажи мне лучше, что в Америке видел.

Дальше хозяин и клиент беседовали за столом, и Родюков рассказал, как американцы уже используют изобретения П. Р. Багратиона — российского спеца по извлечению золота из руды цианидным способом.

— Я слышал о нём, но цианиды — страшный яд, а своё открытие Багратион сделал ещё в 1843 году. Наша рос-

сийская недоверчивость к новостям в науке и «серость» многих владельцев шахт ещё долго, а может и вообще не будет понимать выгод от работы по-новому.

Он оказался прав. Только в 1896 году была построена первая цианидная фабрика на Урале.

Рассказал Родюков и о том, что выписал себе из Америки российского горного инженера, когда-то учившегося во Фрайберге и долго работавшего в Калифорнии на месторождениях Материнской жилы.

— А как его зовут? — поинтересовался Суров.

— Дак Новиков.

При этом хозяин осведомился:

— Уж не Валерий ли? Нас, русских, во Фрайберге, когда я там учился, было всего двое. Он родился где-то недалеко от Москвы, вот города не помню.

— Да! Валерий Петрович Новиков, и учился в Германии.

— Невероятно, я его не видел... лет, наверное, двадцать пять. Меня-то отец послал во Фрайберг, а он сам приехал, продав для поездки на учёбу небольшую усадьбу и землю где-то между Москвой и Санкт-Петербургом. Студентами жили в одной квартире и дружили, пока он не уехал, окончив курс на год раньше меня. Я учился металлургии, а он шахтной геологии и рудному делу. Он учился, как будто ничего другого и не хотел. Я себе позволял с братией гулять по пивным и нередко, а он упёртый, то в библиотеке, то за книгой. Жил скромно, денег не занимал и ещё каких-то немецких недорослей учил русскому языку и истории. Копил на поездку в Америку, где началась «золотая лихорадка».

Так нечаянно Родюков свёл старых товарищей, и Валерий Петрович почти всё свободное время, будучи в Иркутске, проводил в семейном кругу Сашка́ (как он его называл в юности) Сурова.

Андрей Дмитрич, Клим и Валерий договорились о распределении обязанностей по трём направлениям — деньги, организация и транспортировка к месту работ, добычные дела. Особо обсуждался вопрос о недопущении на будущую шахту постороннего, бродячего люда и любопытных варнаков, а также о неразглашении места нахождения, насколько это будет возможно, точного расположения добычного предприятия.

— Рабочих наберём в Нерче, привезём их в Иркутск, а дальше на барже в трюме с продухом ночью. Этот момент обговорим с каждым отдельно и кто не захочет ехать в трюме по своей воле, на работу не возьмём. Среди рабочих надо иметь своего человечка. В наших делах это очень важно. Воровать золото, добывая его своими руками, да ещё когда оно на глазах, соблазн очевидный, и его не избежать.

Охрана прииска и дозор местности в округе дело тоже не последнее. Слухи-то, наверное, раньше начала добычи появятся. На реке свои пристани с обслугой придётся учредить. От реки до шахты две дороги разведать. Длинную для всех и короткую для наших особых надобностей.

Когда обо всём договорились, дело завертелось хоть и не очень быстро, но споро.

Через полтора года у подножия горы, где Клим углядел козлов, уже стоял жилой барак, вверх вела лестница с тремя площадками, рядом ещё два склада. Один для продуктов, другой с метизом*. Около лестницы стоял домик для господ инженеров и хозяина. Около подъёма наверх — будка охранника. Другая дозорная — там наверху.

Пристань у реки, откуда тропа вела на прииск, охранялась четырьмя казаками. Этой пристанью, где также были склады, Родюков расширил и свою обычную тор-

говлю. Его агенты с товаром уходили вдоль реки и по её притокам, скупая меха, ещё вёрст на двести. Шахта на прииске «Троица» начала давать золото.

На одной из барж привезли большую плетёную корзину и огромный тюк, упакованный в рогожу. При этом грузе было два человека с военной выправкой. Обычный груз, доставляемый на прииск, был малогабаритный, но тяжёлый. Этот совсем другой, но с его доставкой здорово намучились. Станным грузом оказался воздушный шар.

Отдельно везли приспособление для получения водорода и бутылки с кислотой.

Где-то через неделю воздушный шар повис над шахтой. С него постоянно с восходом солнца до заката наблюдатель в подзорную трубу осматривал окрестности. Если вдруг он замечал дым, в этом направлении отправлялся конный разъезд из четырёх казаков охраны. Шар висел над прииском круглые сутки, наблюдая за кострами. В случаях таёжного пожара смотрели, куда он движется.

Если в тайге обнаруживалась группа вооружённых людей, то посёлок переходил почти на осадное положение, хотя работа по добыче золота не прекращалась.

Была для воздушного шара ещё одна работа — перевозка золотых слитков для перегрузки их прямо на баржу, стоявшую посреди реки. Идею с приобретением воздухоплавательного аппарата подсказал Андрею Дмитричу Новиков. Он рассказал историю. В соответствии с ней старатели, работавшие на одном из ручьёв, стекавших со Сьерра-Невада, немало были удивлены, когда их хозяин Джекоб Ниле прибыл на прииск на воздушном шаре, забрал добытое золото и улетел, а через четыре дня вернулся и всем выдал жалованье за работу.

Обычно, чтобы вывезти с прииска золото, снаряжался целый конвой с многочисленной охраной, и ещё

не факт, что он довезёт металл до банка. Газеты сообщали о налётах банд даже на строго охраняемые транспорты с золотом. На прииск, с которого уходил караван, после сдачи металла человек с деньгами должен был ещё и вернуться. Здесь его также могли ожидать в пути неприятности с грабителями. Чем больше расстояние от прииска до города, тем вероятней была встреча с лихими людьми. Этот Джекоб с помощью воздушного шара однажды не только сберёг золото, но и вывез жену и двух своих детей при нападении шайки бандитов.

Родюков добыл воздушный шар у военных. Он лежал на складах, а так как войны в это время в Сибири и не намечалось, военный чиновник, ведавший снабжением, за хорошие деньги продал хозяину этот аппарат и нашёл двух офицеров в отставке, умевших его использовать. Немало денег у купца ушло на получение права использовать воздухоплавательный агрегат. Это, вероятно, был первый в России случай, когда воздушный шар использовался не для военного дела.

В начале добычи золота в гору прошли небольшую горизонтальную выработку — штольню, а затем стали выбирать руду из раздува жилы, и внутри горы образовалась камера, похожая на мешок, из которой вниз по падению рудной жилы, постепенно углубляясь в недра, имелась шахта.

Проходка шахты велась вручную, куски руды дробились, из них также руками выбирались обломки с видимым золотом. Пустой кварц сбрасывался в каньон реки, а рудные (с золотом) обломки дробились ещё раз и после удаления крупных частичек металла промывались на шлюзе внизу под горой над рекой на специальной аппарели. На каждой операции по добыче имелся контролёр, наблюдавший за работой. Он следил за технологией и обеспечивал сохранность золота от воровства. Концен-

трат плавил здесь же в небольшой печи. Шлаки сбрасывали под обрыв. За первый год добычи с «Троицы» вывезли 248 кг золота в слитках, второй год — 514 килограммов, третий год дал 869 кг металла. Это был последний год, когда шахта давала «бешеное золото», с глубиной содержание металла стало падать, хотя в сравнении с другими месторождениями оно было всё же необычно высоким, около 30–50 граммов на тонну породы.

Три первых года дали более 1,5 тонн золота, которое позволило окупить расходы и получить прибыль, на которую приходилось более 600 кг драгметалла. Прибыль могла быть больше, однако Родюков, Клим и Валерий Петрович, как говорится, мироедами не были. Они договорились платить всем работникам существенно больше, чем на других приисках, а за сдачу подъёмного золота* тут же платили 90% его стоимости. У других хозяев за это же золото давали от 10 до 15% его реальной цены.

Как ни старались промышленники сохранить в тайне всё, что касалось приисковых дел, слухи о необычно богатой шахте и божеской оплате труда на ней поползли как в среде золотопромышленников, так и по народу. Особенно они усилились, когда товарищество купило быстроходный по тем временам колёсный пароход, который не только таскал баржи, но и осуществлял связь с жилыми местами здорово быстрее, чем раньше.

Уже был случай, когда в Иркутске на пути от пристани в банк бесследно исчез казачий урядник вместе с казаком, доставлявшие восемь килограммов золота в счёт кредитных процентов. Люди и золото пропали вместе с сопроводительными документами. Их искали, но не нашли. Полиция оказалась бессильной. В течение конца второго и весь третий год работы вблизи прииска было задержано и после опроса отпущено 12 человек охотников, звероловов, китайских торговцев мелочью и таёжных бродяг.

* Подъёмное золото — металл, найденный работником случайно и сданный на прииск; обычно это были самородки.

Однажды прямо у домиков прииска была остановлена семья тунгусов, невеста откуда взявшаяся и на подходах не замеченная охраной. Узколиций кривоногий мужичок вёл коня, тянущего волокушу со скарбом, поверх которого сидел старик. За ними шла женщина и трое ребятшек. Когда их под конвоем вывели за территорию прииска и казаки вернулись, их начальник, бывший жандармский офицер, высказал предположение о том, что это были не тунгусы, а манджуры. Он когда-то служил на границе и знал, хотя и очень плохо, китайский язык. Он только сейчас сообразил, что в их коверканном русском языке проскальзывали китайские слова и характерная интонация. Понимая свою промашку, он с тремя казаками кинулся за ними, но те как растворились в тайге.

Дело в том, что после тяжёлого ранения Родюков нанял его в Иркутске, когда искал человека для охраны прииска, по рекомендации. Бывший «голубой мундир»* знал не только дело по охране, но и по сыску. В нём сочетались некое добродушие и строгость во вверенном деле. Охрану он наладил правильную, проверяя её в любое время суток, а вот здесь ошибся.

Семейство «тунгусов» после того, как казаки вывели их в тайгу и уехали, быстро преобразилось. Немоощный старец резво вскочил с волокуши и сбросил с неё скарб.

Кривоногий быстро освободил лошадь от волокуши, распряг её. Из мешков, изображавших груз, вытряхнули в речку солому и траву, волокушу разобрали и её части забросили в тайгу. На тропе всё прибрали и очень быстро, почти бегом побежали, но не по тропе, а по берегу малой реки. Детишек посадили верхом на лошадь, и вся «семья» быстренько улетучилась.

За час беглецы одолели почти пять километров и перевалили небольшой хребет, где у ручья, но уже текущего в другую речную систему, остановились на отдых.

Казачи, преследующие их по следу волокуши на тропе, тормознулись там, где эти следы прервались. Двое поскакали вперёд, а двое других, спешившись, искали след здесь.

Через полчаса вернулись ушедшие вперёд, сообщив, что следов дальше нет.

— Искать следы!

Бывший жандарм с именем Пётр Фёдорович погнался людей в три стороны от оконечности волокушных борозд в тайгу, а сам, прихрамывая и кряхтя, лазил по ближайшим зарослям. Через некоторое время сыскал одну смену от волокуши и выстрелил в воздух из пистолета. Это был сигнал сбора. Вернувшиеся казаки начали шарить вблизи и нашли все перекладины и вторую слегу.

— Ишь, варнаки, налегке ушли. А почему?

— Соглядатаи это были, — утвердился во мнении командир. — Вот бы сейчас воздушный шар нам. Вмиг бы нашли шпионов. А ну давай назад, если ветер позволит, попробуем поискать с воздуха.

На обратном пути Пётр Фёдорович задумался. Он не любил своё имя, и когда кто-то его произносил, всё время мерещился царь Пётр III, убитый с молчаливого согласия его собственной жены Екатерины. Все свои жизненные неудачи он связывал с этим несчастливым именем. С другой стороны, он как мог препятствовал возможным неудачам силой своего разума и природной шустростью. Блестящая идея поискать скрывшихся от него китайцев с воздуха, а это точно, как он рассудил, были не тунгусы, пришла ему неожиданно, когда казачий урядник Гусев назвал его по имени-отчеству. Продолжая размышлять, он пришёл к тому, что мелкие разбойники не будут посылать много народа на разведку. На прииск явилось шесть человек, да ещё переодетых, которые очень ловко скрылись. Похоже, на вверенный его охране прииск надвигается

что-то серьёзное. Интуиция и опыт забеспокоились в нём одновременно.

Вернувшись на прииск, начальник охраны приказал готовить воздушный шар к полёту, а сам отправился к Валерию Петровичу и настоятельно посоветовал ему на время, день или два, остановить работу и приготовиться к возможному нападению. На этот случай всё было предусмотрено. Площадка перед входом в штольню освобождалась от приспособлений для дробления, вход закрывался массивными, очень толстыми и тяжёлыми воротами. Внутри два спиральных рудоспуска, верхний и нижний, очищались от породы. Там делалась ловушка для тех, кто попытается сломать ворота для проникновения в шахту. Снаружи дверь была завешена сеткой, сплетённой из коры, в ячейки которой был вплетён мох, превращавший её в сплошной зелёный ковёр. Эта «занавесь» скрывала вход и превращала его в уступ, покрытый пушистой растительностью. Толщина мехового плаща была с ширину ладони, и он представлял со склоном совершенно одинаковый вид. Кусками мха была закрыта и горизонтальная площадка перед воротами. Сюда приносили и положили в мох несколько покрытых естественным зелёным одеянием крупных камней.

На склоне в направлении входа в шахту, когда ставили лестницу, вырубили плоские площадки под бревенчатые опоры. После разборки эти площадки, наподобие ступеней, также замаскировали.

Гора приняла естественный вид. Наблюдательные башни разобрали и сложили недалеко в виде штабеля брёвен с небольшими пространствами между ними, где могли спрятаться люди. Была снята часть лестницы и трапы, соединявшие лестницу с площадкой перед дверью на устье штольни. Промывочный прибор подняли и унесли, спрятав в глубине горной выработки.

К этому времени в шахте имелось много десятков килограммов золота. Этот металл был не в слитках, а, как заказал будущий его покупатель, желавший изготовить из драгоценного металла статую, в виде двух больших шаров. Эти золотые шары хранились в шахте и перед маскировкой устья шахты укладывались в верхнюю часть желобов спиральных рудоспусков.

Всё было устроено так, что при попытке проникновения в шахту через вход эти шары были тем, что убивало любопытных. Как это происходило, знали Новиков и Родюков. Самое главное, что после срабатывания этой машины-охранника золото оказывалось на дне каньона в русле реки и оставалось скрытым от тех грабителей, которые могли остаться живыми. Река же, несмотря на её бурный характер, унести столь тяжёлые предметы была неспособна.

Пётр Фёдорович, Новиков и Клим после консервации производства и усиления охраны решили, что рабочих уведут на это время к пристани на реке и они займутся пока там заготовкой леса для крепления шахты.

Рабочие ушли, а казаки с урядником и трое начальствующих стали готовиться пока неизвестно к чему.

Место шахты было таковым, что облака по каким-то непонятным законам атмосферы совершали почти полный круг по окраинам гор и только после этого улетали на юг. Офицеры-воздухоплаватели это подметили уже через пару дней по прибытии. Такое случалось раза три в неделю.

Шар с тремя людьми поднялся и поплыл по воздуху, совершая вместе с ним циркуляцию по окружности длиной около 30 километров. Через час полёта вблизи перевала меж двух горюшек они обнаружили караван, в котором насчитали 15 лошадей с верховыми, а около каждого верхового шёл пеший человек, держась за стремя

конника. Это разглядели в подзорную трубу. Верховые были с ружьями. По пёстрой одежде все поняли, что это китайцы. Караван явно направлялся к «Троице».

Ещё через час у реки двигалась цепочка людей при трёх навьюченных лошадях. Посчитать их всех не удалось. Они спрятались в ельнике, но в том, что их было больше полутора десятков, согласились все трое наблюдателей. Эти также направлялись к шахте. Беспокойство превратилось в уверенность. К золотодобытчикам шла беда. Надо возвращаться.

Однако сменился воздушных поток, и как ни старались воздухоплаватели управлять шаром, он делал, что хотел, т. е. всё больше удалялся от базы. Солнце садилось, и внизу у земли стало темнеть. Надо где-то приземлиться, и один из офицеров стал манипулировать газовой заслонкой, выпуская газ порцию за порцией. Снижающийся воздушный шар целился на склон горы без тайги.

— Однако вёрст пятнадцать от «Троицы», — глядя на карту, определился второй офицер.

В этот момент жёсткий порыв ветра бросил корзину с людьми влево и со страшной силой ударил о скалу. Двое вылетели из неё и исчезли в темноте, а тот, что работал с заслонкой, на куске троса болтался в воздухе.

Открыв своим весом важную в пилотировании шара деталь, он выпускал газ, который со свистом уходил из оболочки шара, прилипшего к скале. Ещё один удар о скалу, и последний из группы наблюдателей, выпустив из рук канат, рухнул в ночь. Было похоже на то, что погибли все трое, а оболочка шара, распластавшись по горе, закрыла её чуть ниже зубчатой верхушки.

Однако один аэронавт, выброшенный ударом корзины аэростата о скалу, остался жив по какой-то почти невероятной случайности. Ниже торчащей, как немой памятник

природы, клыкообразной скалы, были труднопроходимые заросли кедрового сланика. Их растущие из общего центра, загнутые вовнутрь 3-х–4-х метровые стволы с мохнатыми ветками спружинили, и после удара тело человека зафиксировалось почти вертикально, соскользнув в середину этого необычного дерева, сбоку похожего на круглую губку или капусту. Он не успел даже испугаться, как оказался зафиксированным плетёнкой из ветвей в полуметре от земли, с босыми ногами. Сапоги слетели вниз и валялись на покрытой жухлыми иглами хвои земле, прямо перед ним. Где-то внизу шумела речка, а того, что сверху, видно не было из-за сомкнувшихся веток спасительного дерева. Господи! Хотел перекреститься, но из-за массы мешающих ветвей сделать этого не сумел.

Бормоча благодарственную молитву за спасение, офицер выпутался из объятий кедра и оказался на земле рядом со своими сапогами. Только здесь ему стало плохо. Круги перед глазами рябили жёлто-оранжевыми вспышками, резко заболела голова, заныло плечо, что-то липкое ощутилось на спине. Во рту пересохло. Надо бы к реке. На четвереньках, с трудом сунув ноги в сапоги, человек полез вниз к воде. Кедровые стволы были столь густыми, что идти в рост было невозможно. Он двигался на звук текущей воды в полной темноте. Выглянула луна, деревья поредел.

Серебристая от лунных бликов вода была рядом. Руки, на которых он двигался, подогнулись, и человек лицом почувствовал холодную воду. Напившись, откинулся на бок и уснул или впал в забытё.

Очнувшись почти перед восходом солнца от сырости. Зябкий туман закрывал реку. Только сейчас он сообразил, что надо скорее отправиться к посёлку, где ожидали нападения. Он один знает, сколько врагов и откуда они идут.

Река текла в нужном направлении. Непривычный к хождению по тайге, он не заметил звериной тропы вдоль берега и поэтому брёл прямо по воде у берега, скользя и спотыкаясь на мокрых камнях. Иногда он садился на берег и отдыхал. В очередной раз присев у каких-то кустов, обнаружил гроздь красных ягод. Дикая красная смородина-кислица заставила задержаться на некоторое время. Поев ягод, почувствовал себя бодрее.

Валерий Петрович, обходя казаков, охранявших домики таёжного прииска, первым увидел вышедшего из тайги человека в драной одежде, с тёмным лицом, опиравшегося на палку. Когда тот, хромя, приблизился, Новиков не понял, кто это. Засохшая кровь скрывала черты лица.

— Это я! — произнёс человек и упал.

Человек повторил:

— Я — Ермаков с аэростата. Докладываю. Две колонны вооружённых людей очень близко. Одна идёт с горы Чухи, другая по речке Белкиной. В первой около полутора десятка людей, во второй около трёх десятков при лошадях. Дайте покурить. Шар упал, двое погибли.

Урядник, стоявший рядом, побежал выводить отдыхающих казаков для прикрытия направлений, указанных аэронавтом. А что он мог выставить против разбойников? Восемь человек уже сидели в секретах, а было ещё девять. С Новиковым и им самим — одиннадцать с той стороны, откуда могла появиться большая часть банды, он усилил секреты пятью казаками. С другой, где предполагалась меньшая сила врага, троих, сам четвёртый. Ермаков и Валерий Петрович у домиков и складов.

Валерий Петрович, вооружённый карабином, достал из саквояжа русскую модель Смит-Вессона 44 калибра устрашающего вида, со стволом в 8 дюймов (191 мм)

и сунул его за пояс сзади. Сгрёб со дна саквояжа две горсти патронов, ссыпал их в карман. Ермаков вооружился двумя револьверами — один в кобуре, залез на чердак и сел у окошка. Новиков спрятался на крыше склада, пристроившись на одной из балок также у окошка.

Стрельба началась неожиданно с залпа, которым казаки встретили возникших на опушке в россыпном порядке пригнувшихся, прятавшихся за кустиками хунхузов. Пять фигурок упали, остальные залегли. Тут же донеслись хлёсткие выстрелы с другой заставы, и началось. Оборона приисковых сплошной не могла быть и посему четверо нападавших очень быстро и как-то незаметно оказались среди домиков.

Первым загорелся дом для начальства. Ещё не видя врагов, Валерий Петрович пожалел книги, оставшиеся там без охраны, но тут две фигуры кинулись к складу. Он начал стрелять, но без практики ни в кого не попал. Нападавшие юркнули за угол барака, где засел Ермаков. Тот свой первый выстрел произвёл по фигуре, заглянувшей в окно первого этажа снаружи. Он стрелял вниз и попал сразу. В это время невдалеке за кустами два узкоглазых, сделав костерок, достали стрелы с паклей и вставив их в луки, подожгли.

Стрелы полетели в барак и к складу. Выпустив по три горящих стрелы, поджигатели поползли через кусты к домам. Ветер раздувал огонь ещё на двух крышах. Новиков решил покинуть здание и воевать на свежем воздухе. Он спрыгнул вовнутрь склада и, приоткрыв дверь, огляделся. Напротив горевшего барака спрятались трое. Двоих он достал из своего 44 калибра, а третий, отпрыгнув в сторону, спрятался за малым бугорком. В это время из барака выбежал человек в горячей одежде. Китаец из-за бугорка выстрелил в него, и Ермакова пулей с близкого расстояния снесло к горящему бараку.

Горный инженер выстрелил. Враг, убивший аэронавта, осел на землю. Петрович побежал в сторону штабелей брёвен и залез внутрь.

Со всех сторон слышалась стрельба из винтовок, берданок, лаяли выстрелы из пистолетов.

Тремя огромными кострами горели дома приискового посёлка. Странная мысль возникла в мозгу Новикова. Дома горят, а людей, которые бы их тушили, не видно. Внутри склада взорвались бочки с керосином, развалив и разбросав кругом горящие брёвна и доски. Сквозь чёрный дым вокруг ничего уже видно не было. Беспорядочная стрельба стихла, только отдельные выстрелы то тут, то там ещё продолжались.

Если бы в тот момент можно было бы сверху охватить взглядом всю картину, то она гляделась бы как поле жестокого боя, случившегося в Бог знает какой далёкой Тмутаракани, в отдалённом от других мест сотнями вёрст мире, в суровой дальней тайге. Казаков, охранявших прииск, было меньше нападавших на них хунхузов, но они были служивые-бойцы, и случилось так, что в ходе схватки боевые навыки и сноровка сначала сравняли силы, а затем оставшиеся поубивали друг друга. Только два человека выжили и даже ранены не были. Один из них, старый хунхуз, что был при лошадях, не участвовал в бою, и горный инженер, в ходе схватки притаившийся в штабеле брёвен и немного повоевавший.

Находясь в разных местах, они ещё не знали, что всё уже кончилось. Только три больших костра от догоравших домов и склада недобро алели углями в упавшей на землю и тайгу с гор ночи. К утру место побоища привлекло зверьё и хищных птиц. Волки, росомахи, медведи сбегались на запах, десятки большекрылых птиц с загнутыми клювами плавали в воздухе над тихим простран-

ством, где в последнем для них эпизоде этой жизни столкнулись две силы.

Валерий Петрович, заснувший в своём схороне, зябко поёживаясь, вылез из штабеля и огляделся. Над пелищем былого прииска курились сизые дымки. Резкие крики соек, кедровок и клёкот орлов, вместе с шумом реки на фоне поднимавшегося над всем этим солнцем, усиливали общую настороженность нарождавшегося дня. Почему тихо? Где народ? Может быть, казаки, преследуя хунхузов, ещё не вышли из тайги?

Плеснув в лицо воды из ручейка и испив воды, инженер, держа взведённый револьвер с длинным стволом, обходил вчерашнее место боя. В странных позах, залитые кровью трупы попадались буквально через каждый десяток шагов по периметру поляны. Ни одного живого ни среди казаков, ни из разбойников не обнаружил. Застреленных и порубленных хунхузов было больше, чем мёртвых казаков. Ему стало страшно. В лесу заржала лошадь. Осторожно, прячась за деревьями, Новиков направился на звук. Вскоре отчётливо донеслось фыркание лошадей. На полянке пасся табун. У небольшого костерка неподвижно сидел старый китаец без оружия. Подойдя к нему, увидел, что тот плачет, а рядом, прикрытые синей тканью, лежат две недвижные фигуры. Подняв глаза на человека с револьвером, тот не испугался, а тихо произнёс, коверкая русские слова:

— Моя сына, больший и малой, умирал два вместе.

— Кто вас привёл?

— Однако Чен Зун, брата Джао Косого, — ответил старик.

Первое имя ни о чём инженеру не говорило, но второе — имя известного главаря многих банд в этих краях, всё объясняло.

— Моя не стреляла, моя конюх, моя при лошадке, — вытирая глаза полой рубахи, проговорил китаец. — Давай, пей чай, ешь рис, твоё всё пропало.

Этот старик раньше Новикова обошёл побоище в поисках сыновей.

Несмотря на случившееся, кошмарное состояние души и мысли, разбегающиеся, как тараканы, во всех направлениях, Валерий Петрович вспомнил, что в последний раз он ел вчера утром. Заткнув свой длиннотвольный револьвер 44 калибра за пояс сзади, присел и принял из рук старика чашку с рисом. Пользоваться китайскими палочками для еды он умел и очень быстро очистил посуду. Зелёный терпкий чай оказался также кстати.

— Теперь твоя берёт коня и уходит, — сказал конюх, — быстро, быстро. Человек бежит к Джао с полуночи, и скоро он ходить сюда, а тебя резать.

После этих слов дед застыл, как согбенный камень, замолчал. Из его глаз вновь полились слёзы.

Новиков выбрал лошадь с уздечкой, заседлал её и, попрощавшись с горюющим отцом убитых сыновей, уехал в сторону большой реки. По тропе к пристани, верстах в пятнадцати от «Троицы», он наткнулся на ужаснувшую его, нереальную картину гнусного варварства. Вдоль тропы, в ряд, лежали обезглавленные трупы. Не сразу понял, что это ушедшие из «Троицы» горнорабочие. Его затрясло от кошмара, пронзившего до самой последней точки.

Лошадь захрапела и шарахнулась — три волка отбежали в сторону и скрылись в кустах. Ему удалось её остановить и перевести на шаг только после значительных усилий минут через пятнадцать. Стало ясно, что все, кто был в посёлке, погибли. Он остался единственным свидетелем трагедии. До него стало доходить, что за местами, где идёт добыча богатого золота, ведётся страшная охота,

и того, что было сделано для охраны, которая оказалась неэффективной, было слишком мало. Цена этого за гранью сумасшествия — жизнь десятков людей. Итог — он остался один, а там, где шла добыча, горы трупов.

Ещё через сутки голодный, почти больной, он вышел к большой реке, где была пристань и казачий кордон при ней. Беда, пронесшаяся над прииском и его тружениками, не миновала и здешних мест. Обгорелые сваи пристани без настила, сгоревшая сторожка уже его не поразили. Людей нигде не было видно. Хунхузы похозяйничали и здесь. Присев у воды на камне, Валерий Петрович горько задумался над своим положением. Один, без продуктов, возможности развести огонь, легко одетый, имея револьвер с десятком патронов и усталую лошадь, очутившись у Витима, Новиков не представлял, как выжить в сотнях вёрст от жилья. А добираться надо было в Бодайбо, находившееся почти в трёхстах верстах ниже по течению от места, где он сидел на камне.

Вдруг тихий голос позвал:

— Эй, инженер, ты ведь с прииска?

Вздвогнув и оглянувшись, Валерий Петрович обнаружил бородатого казака с двумя винтовками за спиной и пистолетом в руках, вышедшего из прибрежного тальника.

— Как вы здесь оказались? У нас всех, кроме меня, поубивали и всё пожгли хунхузы. Я был на охоте, слышал стрельбу, видел дым, а когда вернулся, уже всё пропало и товарищи мои исчезли.

На это Новиков ответил рассказом о приисковой трагедии и гибели всех, кто там был.

Казак, его звали Савелий, в отличие от Новикова, имел котелок, чай, мясо олени, подстреленного на охоте, шалаш и шинель, на которой спал в этом шалаше. Был у него нож и топор.

Пока, наевшись варёного мяса, Валерий Петрович спал, Савелий начал ладить плот, сталкивая по воде уцелевшие обгорелые брёвна. Нашлись железные скобы от бывшей пристани, которыми и скрестили импровизированное плавсредство. На плоту сделали навес, а сзади рулевое весло. На следующее утро они уже шли вниз по течению, зорко вглядываясь в берега. Ловили рыбу, ночевали у малых островов.

Через неделю их подобрал почтовый паровой катер, посланный на прииск Родюковым. Он задержался в Бодайбо и следующим рейсом сам предполагал отправиться в «Троицу». Вниз по течению катерок двигался по тем временам очень лихо. Капитан знал Новикова, как одного из начальствующих, поэтому и приказ возвращаться исполнил, как положено.

К моменту их прибытия в посёлке уже ходили какие-то неясные слухи, дошедшие и до Андрея Дмитрича.

Немало удивлённый скорым возвращением катера, услышав от Новикова и сопровождавшего его казака о произошедшем, потрясённый, на неделю запил с горя и тоски в компании двух спасшихся свидетелей. Пили горькую почти неделю. Казака, щедро расплатившись с ним и взяв слово не болтать, отпустили, похмелив поутру, а сами стали думать. Оба уселись считать деньги, которые следовало отдать семьям погибших. Все бумаги были в конторе, и через пару дней вылезла огромная цифра, равная многим десяткам тысяч. Почти вся прибыль уходила на воспомоществование семьям, оставшимся без кормильцев.

Пригласив к себе полицмейстера и жандармского начальника Бодайбо, Родюков объяснил им ситуацию с гибелью людей на прииске «Троица», сообщил им, что это грязное дело рук Джао Косого — известного хунхуза, попросил принять меры для укрощения банд этого варнака.

— Такое смертоубийство десятков людей у нас впервые, хотя многих в тайге не находят вообще, — заметил полицеймейстер.

— Мне докладывали, что в шайке Джао Косого народу поубавилось. Вот теперь понятно, откуда ветер дует. Однако и полиции, и всей жандармерии округа не хватит для его поимки, устали, — сообщил жандармский.

Два стража порядка чесали затылки, сообщать или нет своему начальству в Иркутск об этом случае. Боясь за свои хлебные места, решили молчать, пока не спросят. Более ничего они сделать не могли, разве что послать разъезды да усилить охрану здесь, в Бодайбо.

Родюков и Новиков отъехали в Иркутск собирать по банкам деньги для откупа от родственников погибших. Шахту с золотом оставили до лучших времён, так как даже паровой катер пришлось продать, а о возобновлении добычи сейчас даже думать не хотелось. Дело это было не начато. Заказали в малой церкви Иркутска панихиду о безвременно усопших и разошлись в разные стороны. Новиков поехал в Калугу, а Родюков вернулся в Нерынский край. Тайна золотой шахты исчезла вместе с ними. Никто не поверил бы тогда и ещё лет через сто, что место это будет найдено геологами и даже в будущем добыча золота возродится не сразу.

Я не вор — я пират

С той поры, как Василий связал свою судьбу с В. А. Овручевым, он не только научился и познал многое из геологического и горного (золотничного) ремесла, но и увидел полезное в части организации собственного дела.

В Олёкминско-Витимском бескрайнем и ещё в целом непознанном крае как грибы образовывались артели по добыче золота. Поисковые партии отправлялись в тайгу и практически всегда по следам их работ возникали прииски, у которых в работе по добыче драгоценного металла была не одна россыпь. Заявочные столбы появлялись в самых, казалось бы, недоступных местах.

Василий понимал, что без начального капитала дела не откроешь. Вместе с тем в работе с профессором его траты на личное обустройство были весьма небольшие. Гонорары за работы, в которых он принимал участие уже не как помощник, а как исполнитель и прямой участник, а иногда и руководитель разведки, составляли немалые суммы.

Работал по контрактам, в ходе опробования россыпей они для определения содержаний драгоценного металла из проб извлекали золото и взвешивали его. Иногда приходилось промывать пески пудов по десять с одного шурфа. Извлечённое при работах золото за деньги сдавалось заказчику. Это был «приварок» к деньгам, получаемым по контракту. Были случаи, когда хозяину сдавалось до 4-х фунтов золотого песка. Это были хорошие деньги.

С годами они серьёзно увеличивались, так как Овручев и Василий без работы не сидели и были единственной

группой геологов, нарасхват приглашавшихся посмотреть, оценить, проверить или разведать золотую россыпь.

Был случай, когда заказчик, не поверивший их рапорту о результатах проверочных работ, не стал тратить на организацию прииска в дальнем северо-восточном районе края, а схватил участок поближе. Оцененная как очень богатая, россыпь в долине осталась нетронутой. Естественно, купец Хишкин, заказавший работы по определению надёжности россыпи, о её местоположении не распространялся. Однако на секретной карте Василия, который даже от Овручева её таил, сия долина была отмечена. Через пару лет Октавий Хишкин прогорел, та россыпь, которую он ухватил вместо рекомендованной, оказалась с неизвлекаемым пылевидным золотом и реально шлихового металла давала ничтожно мало. На освоение богатой дальней россыпи у купца просто денег не было.

Тут к нему и подкатил Василий и перекупил, а затем переоформил права на участок на себя. Правда, сделал это он не на своё имя, а на имя Почётного Гражданина города Томска Попова, по документам которого, опасаясь прошлого, Василий оформлял свои официальные дела.

Знакомств в среде старателей, как вольных, так и государевых, у него было достаточно. Были у него и доверенные люди, на коих он мог положиться полностью, не опасаясь, что его проведут или хуже того — донесут в сыскное. Знал он и умельцев, способных наладить промывку золотосодержащих песков наилучшим образом.

Золотая долина реки Валунистая, где приобрёл участок Василий, входила в систему реки Жуй и добраться туда было весьма сложно. До россыпей этого района были только выючные тропы, тем не менее в мелких долинах, особенно в верховьях ручьёв уже копошились мелкие

группы старателей по трое-пятеро человек. Они мыли золото, в большинстве случаев, из россыпей прямо в руслах, практически без вскрыши торфов*, то есть лежащих сверху пустых пород. Промывку осуществляли либо на деревянном шлюзе, имевшем вид желоба из трёх досок и приёмного ларя в виде ящика с наклонным решетом в верхней части для удаления крутой гальки. Это приспособление, ящик и идущий из него деревянный желоб ставили либо прямо у русла на землю, либо делали из дёрна и камней подставку так, чтобы приёмный ларь-бункер находился выше, а желоб (шлюз) под наклоном вниз по течению. На дне желоба в доску перпендикулярно к стенкам через каждые три вершка** набивали деревянные планки высотой приблизительно в половину дюйма*** по всей длине шлюза с разрядкой к его концу.

Длина шлюза была разная — от сажени**** до полутора-двух, а то и длиннее. Иногда в русле ручья делали подкоп и устанавливали шлюз прямо в воду так, что течение шло через него. Золотосодержащую породу загружали лопатами в бункер, давали в него воду.

Галька, обмытая водой, скатывалась в сторону, а более мелкая часть попадала на шлюз и промывалась в токе воды. Возле шлюза стоял человек со специальным орудием — гребком, которым по шлюзу разравнивалась и проталкивалась мелкая галька.

Способы промывки по технологии были также различны. Одни старатели перед промывкой в специальной бадье «мутили» пески. Отделяли глину и гальку от породы, а в промывку шёл оставшийся материал из песка и гравия, другие проводили промывку песков без этой операции.

* Торфа — пустая рыхлая порода, перекрывающая золотоносный пласт (пески) сверху.

** Вершок — 4,45 см.

*** Дюйм — 2,54 см.

**** Сажень — 2,133 м.

Отмученная порода засыпалась в приёмный бункер и промывалась на шлюзе. Обычно после промывки около 100 пудов породы (это около половины метра кубического) воду останавливали (закрывали) и со дна шлюза собирали песок, накопившийся между поперечными планками (рифелями). Этот песок обычно имел серый или красновато-серый цвет от содержащихся в нём тяжёлых минералов. Старатели и геологи называют оставшийся концентрированный по количеству тяжёлых обломков песок — серым шлихом. Это тот самый концентрат, в состав которого входят и частички золота — золотишки, а иногда и самородки, то есть более крупные, чем песок, выделения золота.

Съём концентрата со шлюза — дело не простое, но всё же самое главное в золотодобыче подобным способом — это получение «чистых» золотишек из смеси золота и других минералов, то есть из шлиха. Операция по извлечению золота называется обогащение. Снятый серый шлик собирают в таз или деревянный лоток и затем домывают (доводят) его до такой кондиции, когда на дне таза или лотка остаётся чёрного цвета материал, насыщенный блёстками драгоценного металла. Это чёрный шлик.

При доводке необходима и специальная сноровка и, естественно, опыт. Очень легко потерять металл, который уже почти в руках у золотодобытчика.

Многие старатели умели и умеют «отбить» золото от чёрного шлиха прямо на лотке или в тазу. Это высший класс профессиональной работы. Остатки доводки — чёрный шлик — перебивают ещё не один раз наиболее рачительные золотодобытчики, другие выбрасывают остатки здесь же в реку. Отделённое от шлиха россыпное золото после сушки ещё отдувается на специальном совке с тем, чтобы отделить от золота остатки зёрен от нерудных тяжёлых минералов, таких, как циркон, дистен, андалузит,

шеелит и остатки чёрных рудных в виде пыли, которые все в небольшом количестве остаются в «отбитом» от чёрного шлиха золоте.

Только после отдувки полученное шлиховое золото взвешивают на весах. Как доводка шлиха, так и отдувка золота требуют знания и навыка. Наши российские старатели делали всё это достаточно успешно. Иногда после отдувки с 5-и—10-и килограммов шлиха получали до 2-х—3-х фунтов* драгоценного металла, чаще добыча составляла 2–5 золотников**. Если при промывке 100 пудов породы золото извлекалось существенно менее, чем 1,5–2,0 золотника, например, 20 долей***, то старатели бросали это место, переходили на другое и начинали всё сначала до тех пор, пока с каждым съёмом концентрата количество полученного металла не будет стабильным (более 3-х золотников) или будет возрастать. При промывке человек у бункера, где отделяется галька, зорко за ней наблюдал для того, чтобы не упустить самородки.

Мелкие самородки поднимались также прямо из шлюза. Некоторые малые артельки старателей приспособление для промывки, типа того, о котором рассказано выше, не строили. Они вдоль россыпи рыли узкую канаву, то есть углубляли дно реки и, пустив в неё воду в верхней по течению её части, лопатами бросали золотоносную породу. Правда, гребки здесь использовались для продвижения гальки вдоль канавы. Текущая вода промывала породу, унося лёгкие и глинистые частицы, а на дне постепенно накапливался серый шлик с золотом.

После 2-х—3-х дней промывки воду из канавы отводили, оставшуюся породу с концентрированным металлом доводили на лотках и тазах, сушили и отдували металл. Естественно, в подобном случае много золота терялось, но крупный металл и самородки всё же извлекались. Самое интересное, что подобную канаву можно

* 1 фунт — 0,4095 кг.

** 1 золотник — 4,266 г.

*** 1 доля — 0,044 г. В 1 золотнике 96 долей.

было сделать очень быстро и если с первой промывки золота не взяли, то на самом деле и место-то не обустроили — разбирать и переносить на новое место нечего. При этом через год после осеннего или весеннего половодья всякие следы старательских работ исчезают. Река сама приводит свою долину в первоначальное, не нарушенное людьми состояние.

Мастерское владение технологиями добычи россыпного золота достигалось людьми того времени через тяжелейший труд и приобретение навыков выживания в условиях суровой природы Дальней тайги. Конечно, способы добычи россыпного золота уже тогда, во 2-й половине XVII века совершенствовались, но традиция, когда отец учит сына, а сын своего, сохранялись на фоне непрерывного улучшения того, что уже умели люди. Именно умели. Знания не были основой, хотя именно умение, совершенствование тяжёлого труда, всегда было основой знаний.

Василий, по тем временам, был человеком с высшим образованием. И хотя это образование было военным, он умел учиться. Работа с профессором Овручевым В. А., который всё ему объяснял, была университетом, гражданским университетом в ходе практики.

Ещё когда наш герой ехал с Овручевым из Казани, они посетили горные заводы Урала. Там уже наметился перелом в золотодобыче в связи с запуском в промышленную отработку россыпных месторождений. Они увидели, как отрабатывали россыпи, отцом освоения которых был Л. И. Брусницын. Именно по его технологии совершилось чудо. Цунами российского россыпного золота покатилося за Урал и оплодотворило россыпями драгоценного металла всё пространство от Рифейских гор до Великого океана. Имеется в виду Тихий океан. Именно выходцы с Урала научили и приняли живейшее участие в открытии

россыпей золота, в том числе в дальней тайге Олёкмо-Витимского края. И так прииск Василия на Валунистом был не просто местом скорой и лихой добычи золота.

В полуверсте от россыпи стояло четыре домика, из которых три — для рабочих. Эти домики были сродни баракам, но с тёплыми помещениями, столовой, в которой кормили любого (чужих здесь не было), кто хотел есть, во всякое время суток.

Сушилки для одежды и обуви. В этих местах сырость и холод — серьёзные враги человека. Четвёртый — начальственный дом — был для командиров производства, как сказали бы сейчас. Здесь же в жильё с отдельным входом обитал лекарь и располагалась, если объяснять в терминах XX века, ЗПК — золотоприёмная касса, — куда съёмщики доставляли добытое золото. Здесь же в длинной комнате жила охрана из бывших служилых — забайкальских казаков. Последние менялись ежемесячно и дружбы с рабочими прииска не водили.

Верхние притоки Валунистого были уже отработаны, а основная долина верхнего течения для мелких старателей была недостижима в силу почти трёхсаженной мощности (толщины) слоя пустых пород, перекрывающих золотоносные пески.

В. А. Овручева и его помощника и ученика Василия удивили содержания золота и его крупность, когда они определяли благонадёжность россыпи по контракту

Они посчитали запасы золота в этой части долины более, чем в 250 пудов. Это по современным цифрам — более 4-х тонн драгоценного металла. Содержание золота на 100 пудов породы в среднем составляло 5 золотников, 20 долей с разбросом от 2 до 12 золотников. Размер золотин был таков, что основную его часть составляли «клопики», среди которых встречались «таракашки».

Купец — заказчик работ — их рапорту не поверил. Однако месторождение никуда не делось. Оно в конечном итоге, после полной отработки, дало почти девятьсот пудов. Однако это в будущем. На тот период Василий, ещё не вступивший на скользкий путь добычи золота через разбойные дела, организовал через своих людей добычу золота по новейшим для того времени технологиям.

Для того, чтобы добраться до золотоносных песков, надо было убрать лежащие сверху пустые рыхлые породы. Бульдозеров и экскаваторов в то время не было. По совету знатока — Егорыча, его люди с середины лета перепахали поверхность долины обычными деревянными плугами. Осенью дожди подняли уровень воды в реке, и течение снесло верхний перепаханный слой над россыпью ниже по течению.

Только вода спала, той же осенью очистившаяся поверхность была перепахана. Весной талые воды унесли ещё слой. Пахари не понимали, зачем начальство заставляет пахать долину реки, где сажать, и то ничего не сажают. Два сезона велись эти якобы бесполезные работы. Мощность (толщина) пустых пород сократилась с трёх сажен до аршина*.

Дождливые периоды в этих местах случались часто. Вода с небес лилась неделями и река вздувалась, часто увеличивая скорость своего течения. После спада воды, перед новой пахотой, приходилось убирать гальку и крупные валуны. Да к тому же в верхнем слое стали находить мелкие самородки. Сила природы с малой помощью человека перемыла и обогатила пустые породы. В золотоносном районе и во вскрыше есть золото, но содержания его малые и спорадические. Природное половодье уносило лёгкие частицы породы, а золотце — тяжёлое, оно лишь немного смещалось, но оставалось в пределах контура «глупой» пахоты.

* Аршин — 71,12 см.

Результат: промывать пески на золото можно было, забирая их прямо сверху. Такого не только в этих местах, но и в большинстве иных золотоносных территорий не знали. Конечно, яма длиной почти в версту и шириной в её треть выглядела на фоне дикой девственной тайги совершенно фантастично.

Русло самой реки переместили к борту долины, выкопав параллельно руслу специальную канаву. Россыпь золота была немалая, а работы велись вручную. У Василия кончились деньги. Дело было на грани начала работ по добыче, а на снабжение и оплату трудников, живших уже третий год на прииске, и оплату доставки грузов туда денег не было. Василий метался между Иркутском, Читой и Красноярском, но никто не помог новоявленному золотопромышленнику. Дело, в которое он вложил все свои сбережения и занятые под добываемое золото денежки, провалилось. Кто-то признал бы себя банкротом, другой бы запил или пустил пулю себе в лоб, однако бывший офицер-кавалергард, почувствовавший свободу в интересном деле, поступил иначе.

Он знал, что через неделю, если он не достанет денег, всё провалится в тартарары. Его труд почти за 12 лет полностью испарится. Он станет нищим, а ещё раз начинать сначала — нет сил.

Стремительно наступала осень. Мысль о том, что можно найти выход, если сразу получить с полпуда золота и продать его. Он прекрасно знал, что в эту пору как частные старатели, так и государевы прииски отправляют добытый металл в города — хозяевам. Одни везут или несут его сами, в заплечных котомках, другие снаряжают конвои с охраной.

К тому времени он отлично знал, где и кто добывает золото в этом заброшенном крае. Пути перевозки и переноски драгоценного металла — тропы и реки — ему

также были ведомы. Егорыч, добравшийся с его прииска в Вилуйск с известием, что всё надо закрывать (денег не было уже пару месяцев), понял его мысль с полуслова.

Они оба слишком много вложили в дело, которое вот-вот должно было начать окупать расходы. Если сейчас не решиться и не достать необходимой суммы, то всё пойдёт прахом. Они ушли в тайгу на дальнейшее урочище, мимо которого шла тропа с пяти действовавших тогда приисков. Этой же трассой пользовались частные золотодобытчики, возвращаясь после сезона золотодобычи в тайге.

Через четверо суток, глухой ночью Василий и Егорыч вернулись и принесли около пятидесяти фунтов шлихового золота. Двое бедолаг, старавшихся почти два года и столько же не выходивших из тайги в жилуху, были с их золотишком подловлены в тридцати верстах от Вилуйска. Почти в упор застрелены залпом двух ружей, заряженных картечью, и зарыты. Свидетелями были только птицы-кедровки, взлетевшие от залпа, да эхо.

Шустрый Егорыч сдал золото, якобы добытое на прииске, получил деньги и повёл груженный продуктами и припасом на зиму караван на Валунистый. Предприятие Василия, то бишь почётного гражданина г. Томска Попова, продолжало существовать и строить диковинный в тех местах прибор для промывки золота со следующей весны.

Именно этот случай что-то перевернул в сибирской жизни кавалергарда. Он вдруг подумал, что организация прииска, добыча золота и всё бесконечное время в заботах, боязнь вылететь «в трубу», если золотце не даётся по разным причинам, — слишком долгий путь к благосостоянию и спокойствию.

Он понял, что его сущность не приемлет медленного и долгого. Быстрота и натиск, как говорил А. Суворов. Однако какой-то внутренний голос тихо шипел неслышимый

никому, кроме него: «Ты уже был вором, когда ходил в кавалергардах! Вспомни, как ты попал в эти края». Спасительная мысль о том, что он не вор, а пират — пират российского золота — совсем его успокоила. Жизнь продолжалась.

Следующим летом его прииск заработал на полную мощность. Новые золотомоечные машины: одна — с притиркой песков в корытообразном грохоте, другая — изобретённая Черепановым и улучшенная Гаваловским в 1832 году на Урале, да ещё амальгаматор, поставленный для извлечения золота.

Для подачи золотоносных песков на промывку была поставлена ещё одна машина — песковоз. Теперь это называют транспортёром. На приисках обычно золотоносную породу подвозили на промывку на таратайках, тележках, тачках, подносили на носилках.

Прииск Попова, как говорится, был оборудован лучшей техникой. Вместе с тем она доставляла много хлопот и до начала добычи золота стоила больших расходов.

Расходы не только окупались, но и появилась хорошая прибыль. Она стала стабильной, однако и Василий стал другим. Его голову занимали иные мысли. Теперь он думал о другом. Где и как взять золото, да побыстрее, и чтобы никаких свидетелей.

Официально действующий прииск, это, как теперь говорят — крыша того, что творится в глубинных дебрях вековой тайги, но тихо, без шума. Последнее стало тайным кредо бывшего кавалергарда Дворжевского, ныне старца Василия.

Аромат жасмина и подлая жестокость из-за золота

(Урок жизни)

За окном гудела и выла на все мыслимые голоса пурга. Во дворе снег лежал по самые окна. В доме было тепло, пахло сухими грибами и жасминовым китайским чаем. Старец Василий сидел в одиночестве, в своём кресле перед самоваром. Мерцала лампадка перед иконой, в бронзовом подсвечнике тихо плакала толстая свечка.

Этим вечером хозяин был спокоен, обычные боли в груди утихли, голова стала лёгкой, на душе наступило просветление. Он смотрел на фунтовую коробку с драконами, где был чай особенного вкуса. Все, кроме него, в посёлке пили плиточный чай из лавки, а этот — жасминовый, 10 коробок, прибыл только вчера с обозом купца Сурова из Иркутска. Чай старцу очень нравился. Что-то необычное было и в его вкусе, и в запахе, и, что более всего радовало, это бодрость, которая с каждым стаканом напитка вливалась в старое тело необычное ощущение лёгкости жизни. Вдруг в голову пришла мысль о том, что когда-то очень давно он ощущал подобное, и даже этот необычный вкус чая ему был давно знаком. Откуда взялась эта мысль? Он ещё раз посмотрел на цветную коробку с зелёными драконами. Взял её, повертел в руках, открыл. Аромат жасмина окутал всё его существо.

Что-то до боли знакомое мелькнуло в мозгу и тут же исчезло. Подчиняясь какому-то странному порыву, старец

придвинул к себе чашку, на две трети её заполнил заваркой из коробки, залил доверху кипятком из самовара и накрыл чашку блюдцем. Поставил контрабандную коробку возле самовара и вновь стал в неё всматриваться. Невесомо тонкий и острый аромат жасмина заполнил всю комнату, и даже свеча на массивном подсвечнике стала гореть ярче.

Какие-то неосознанные воспоминания медленно выдавливались из тайников памяти. Они ещё не приобрели чёткости, но предчувствие страшной, с трудом забытой боли уже надвинулось вплотную. Легко встав, что с ним не случилось уже давно, он обошёл стол и встал перед иконой, истово крестясь. Вернулся, сел в кресло и, взглянув на коробку с чаем, где извивались рисованные драконы, углядел на рисунке у дракона своё лицо, но не то, что у него, а гораздо моложе, лет на шестьдесят. Точно, это было его лицо. Он даже цвет глаз разглядел. «Мои глаза, и даже курчавая бородёнка с усами мои. Как живой. Спаси Господи!!»

Схватив коробку с чаем, открыл её и затянул внутрь. Однако вместо чая в коробке, переливаясь металлическим блеском, светилось шлиховое золото. Каждая золотинка — это ставшая тяжёлой и блескучей, лежавшая ранее здесь заварка. Коробка стала непомерно тяжёлой, а на поверхности «заварки» извивалось зеленовато-ярко жёлтое, чешуйчатое, как в золотых латах тело дракона с его головой.

«Видать, я „погнал беса“*, — подумалось старцу, а как хорошо начинался вечер! Во рту пересохло, коробка упала на стол. Старец схватил чашку. Жасминовая заварка поднялась над ней, как паста из тюбика. Он придал ложкой разбухшую массу чая до появления жидкости и с жадностью отхлебнул чифиру. Горячая, горькая, вяжущая субстанция с бульканьем исчезла в гортани. Василий

ещё раз надавил на распаренную заварку ложкой до появления тёмно-коричневого раствора и отхлебнул ещё раз. Вторая порция чифира обожгла горло.

Сердце застучало, как молот по наковальне, в голову ударила горячая волна, она же накатилась и в ноги. «Что это я сотворил? — мелькнуло в подсознании. — Я же лет 25 не чифирил, сдохну ведь». Сидеть на месте он не мог. Чифирная наркота сделала своё дело. Старец Василий быстро стал ходить вокруг стола. Он почти бегал.

В дверях нарисовался Иван — слуга старца. На его лице было удивление, смешанное с недоумением. Он же знал, что хозяин ходит едва-едва, охает, ест пилюли, пьёт отвар из трав от местной знахарши бабки Евдохи и вообще-то чуть жив. А тут!

— Изыди, варнак! — гаркнул молодецким голосом на него оживший и помолодевший старец и тут вспомнил, откуда ему знаком запах и вкус жасминового чая.

А было это лет через пять, как теперешний старец Василий (он же Василий Авенирович Попов, а до этого кавалергард Дворжевский) бежал в Казань и затем прибыл в неведомую Сибирь у Байкала. К тому времени он уже кое-что по жизни понял и двигался по потаённым тропам в обход закона, чуя богатый приварок от золотого промысла отнюдь не Божьего свойства.

На реке Оленгуй, в зимовье свела его судьба с хитрым китайским купцом по имени Джао. Тот был с двумя напарниками, которые лазали для него по стойбищам, меняя мелкий товар (чай, спички и т. д.) на шкурки соболей и золотце. Василий имел другие дела, но и сам не чурался подобного обмена, если выпадал случай. Подходя к зимовью, ещё с сопки, увидел дымок из трубы. Это озадачило Василия. Людей в нём, по его сведениям, не должно было быть. А здесь дым. Места эти уже приучили быть настороже, и прежде, чем подойти к зимовью, он

схоронился неподалёку и стал приглядываться, дабы понять, кто да что.

Из избушки вышел человек и уселся на завалинку, раскуривая трубку. По одежде и лицу было понятно, что человек не из русских — бурят или китаец. Василий уловил, что человек кого-то ждёт. Тот всё время глядел в сторону тропы, что с востока подходила к зимовью. Примерно через полчаса показался другой человек, он был налегке и приближался очень быстро. Китаец, так его окрестил наш герой, поднялся и поспешил навстречу. Они остановились, о чём-то переговорили и вошли в зимовье. Когда через какое-то время вышли, оба были вооружены карабинами, длинными ножами в ножнах из оленьего камуса, а на поясе у каждого была кобура с пистолетом. «Вот те и людишки, чисто разбойнички» — подумалось соглядатаю. На зимовье был навешан замок, и двое ушли вверх по тропе.

«Видать, не очень далеко побежали» — сообразил Василий и, сбросив тяжёлую котомку, прикрыл её в ямке папоротником, бросился за ушедшими. Те шли, разговаривая, и по смыслу разговора было понятно, что кто-то третий ждёт их впереди. Из-под ног преследователя раздался треск. Наступил на сучок. Разговор впереди смолк. Василий метнулся и схоронился за большим деревом. Тут же на тропе возникли те двое с оружием наизготовку и замерли, прислушиваясь. «Однако, — подумал спрятавшийся. — Ребята не промах, остерегаются.»

Идти за ними стало сложнее. Тропа причудливо извивалась, да и лес стал темнее. Преследователь чутко ловил отдельные короткие фразы и только после этого двигался дальше. Примерно через час удалось углядеть всю троицу. Они явно ладили засаду. Тропа в месте этом тянулась мимо замшелого камня высотой в три человеческих роста, а с другой стороны был бурелом из нава-

ленных, вывороченных ветром крупных стволов деревьев. Один из разбойничьей троицы ушёл дальше по тропе, а двое тащили на тропу коряги и сучья. Они уже завалили тропу метра на полтора.

«Странные ребята, — не понимая их действий, мыслил наблюдающий за созданием фортеции. — Они что, атаку собираются отбивать из-за завала?» Но не тут-то было. Он увидел, что метрах в двадцати перед сделанным затором под деревьями, по обе стороны от тропы, со стороны тайги у больших деревьев, строители завала обрубили сучья. Встали за деревьями, приладив ружья для стрельбы в сторону построенной на тропе преграды. Ага! Собрались стрелять в спину тому, кто подойдёт к препятствию.

Появился третий, бегавший куда-то по тропе перед завалом, подал какой-то знак и исчез чуть дальше двух других, уже затаившихся у тропы. Василий достал свой револьвер и ещё раз осмотрелся, наметив место, куда броситься, если его заметят. Он только сейчас оценил место для засады в полной мере. Из устроенной на тропе ловушки деться было некуда. Поворот тропы и метрах в сорока завал. Внимание идущих направлено на него. Они подходят, а сзади... В тайге сейчас тихо. Из-за поворота появилась лошадиная морда, а затем верховой. Увидев, что тропа перегорожена, он обернулся и прокричал:

— Прокоп! Опять нечистый тропу завалил, придётся слазить и убирать!

Громко ругаясь, вспомнив чертей, чью-то мать, угодников, первый верховой остановился у завала и слез с лошади. Второй вёл лошадь под вьюками в поводу и, приблизившись, остановился. Лесовики подошли к завалу.

— Однако это не черти, а люди завалили тропу, — сказал тот, кого называли Прокопом.

Больше уже он и сказать-то ничего не успел. Два выстрела грохнули одновременно. Прокоп упал, уткнувшись в корягу, а второй дико закричал, извиваясь. К нему из-за дерева кинулся китаец с ножом и резанул по горлу. Обе лошади метнулись к преграде, одна застряла, другая была поймана высочившими из засады. Минуты не прошло, как в тайге снова стало тихо. Застрявшую в корягах лошадь пристрелили, а вторую стали развьючивать.

Василий, видя занятость троих вскрытием выюков, подкрался и сверху, с замшелого камня, наблюдал всю картину, как на ладони. Выюки были добротные, с хорошими ремнями. Открыли первый, извлекли из него что-то, обмотанное старой рубахой и, по-видимому, достаточно тяжёлое. Это было видно по тому, что человек одной рукой не смог вытянуть предмет из выюка. Когда тряпку размотали, Василий увидел статуэтку ярко-жёлтого цвета с металлическим отливом. Никак Будда?! Китаец оттолкнул подельника, схватил статуэтку, поставил её на землю, сложил ладони вместе у груди и начал кланяться, что-то бормоча. «Если вещь эта из золота, то цена ей сумасшедшая» — смекнул наблюдатель.

В это время потрошители выюка стали вытаскивать одна за одной связки собольих шкурок, выбрасывая их на землю, а со дна вытащили туесок для сбора грибов, который никак не хотел выниматься из пустой уже выючной суммы. Однако он был весьма тяжёл. Его открыли. Сверху проложенные сухим мхом, один за другим вынули 4 колокола диаметром приблизительно в три вершка каждый, а после этого один из работников запустил руку во выюк, вынул её на вид, и струйка золотых крупинок полилась внутрь выюка. Судя по тому, что рука, взявшая из туеска шлиховое золото, углубилась по локоть, ёмкость наполовину была заполнена золотом. У Василия защемило внутри. Это сколь же там металла?

Уже открывали второй выюк. Опять на землю полетели связки соболиных шкур, их было не то семь, не то восемь, а затем вытащили два узла размером с чугунок для картошки. В обоих было песошное золото*. «Ничего себе разбойнички нажились. Видно, долго выхаживали убиенных страдальцев, всё про них знали, — неслось в уме, — а ведь они обо мне и не ведают, а я здесь и буду хитрее, и это богатство станет моим», — решил случайный для этих событий бывший кавалергард. Лошадь вновь завьючили, от пристреленной скотины отрезали мяса, судя по всему, для еды, сунули в какой-то мешок, привязали к выюку, разобрали завал на тропе, обшарили трупы, оттащили их в тайгу и отправились к зимовью. Вроде ничего и не было. Василий полежал ещё немножко и побрёл следом. Не прошло и четверти часа, как впереди прогремели два выстрела. Из пистолета — уловил наш будущий злодей. Он подождал и, оберегаясь, двинулся дальше. Две лужищи крови на тропе и след, ведущий в тайгу, сказали всё. В двух саженях от тропы лежали ещё два тела с простреленными ниже черепа шеями. «Стрелял китаец, находясь за спинами бедолаг. А оружие-то убивец забрал», — отметил про себя ещё не ставший душегубом охотник за разбойником.

У зимовья хунхуз привязал лошадь, развьючил её, выложил груз на землю, унёс сумы вовнутрь, затопил печку и вышел к своему богатству, прикрыв дверь. В руках у него был железный прут. Василий, лежа в своём схороне рядом с котомкой, с интересом наблюдал, что будет дальше.

Разбойник отправился к ближайшей от зимовья здоровой лесине, чего-то поковырял прутом снизу, сдвинул камень у корней, что-то поддел на стволе, а потом руками открыл дерево, как открывают шкаф, вернее, дверцу шкафа. Разница была лишь в том, что эта дверца была полукруглой и высотой чуть больше его роста. Внутри

* Песошное золото — старинное название рассыпного золота.

чернела пустота. Наблюдающий за этим ещё раз удивился хитрости варнака. Он сам бы до такого не додумался.

Перетаскав туюски и всё остальное в тайник, закрыл его, придвинул на место камень, собрал несколько горстей сухих иголок, присыпал корни дерева ими и вернулся в зимовье.

Идти сейчас к китайцу было нельзя, может заподозрить, а с утра Василий ничего не ел, аж под ложечкой сосало, да и ночь где-то надо коротать подалее от этой полянки.

Уйдя версты за полторы вниз по реке, завёл маленький бездымный костерок, вскипятил воду, заварил чаю. Пока вода грелась, на стремнину забросил нитку с крючком и грузом. На кузнечика выловил пару рыбок, поджарил их на наклонных к костерку палочках. Повечерял, затушил огонь и улёгся под широкой еловой лапой на подстилку из сухих иголок, положив котомку под голову.

Проснулся на рассвете от резкого крика кедровок. Сырость с реки вызывала озноб. Умылся, разжёл костёр, вечерняя трапеза повторилась утром. Когда он, проснувшись, спустился к реке, в воде у берега увидел прибившийся за ночь плот из семи брёвен. Гибкой лозиной закрепил его у берега, чтобы не унесло. Сделал это он по инерции, не думая о том, для чего это ему понадобится.

С восходом зашагал к зимовью. Вечером и когда встал утром, всё думал, может быть, уйти отсюда, оставив всё как есть, а потом вернуться, когда китаец куда-нибудь уйдёт. А если он уедет с грузом из тайника? Где его искать? А пока здесь всё тихо и этого разбойника можно... С другой стороны, этот злыдень настороже, и оружия у него целый воз.

Нет, надо идти как ни в чём не бывало, мол, я охотник, слышал, что здесь зимовье, хочу солонинки заготовить, мясца повялить, благо соль у меня есть, а мои това-

рищи охотятся на другом берегу, обещали быть дня через два-три. А коли этот паря остерегается, то подходить к зимовью тихо и неожиданно негоже. Надо заранее предупредить, что идёт человек. Пожалуй, выстрелю из ружья на подходе, да ему скажу, что в оленя стрелял, но промазал.

Револьвер сунул за пояс под рубаху и зашагал по тропе. Врать про оленя не пришлось. На подходе к зимовью попалась тетёрка. Подстрелил, а выходя из тайги, увидел у зимовья китайца, который поил лошадь. Забросил ружьё за плечо и помахал ему издали. Тот ответил взмахом руки.

Поздоровались, улыбчивый китаец назвался именем Джао, сказал, что мала-мала торгует и ждёт своего человека с товаром. Василий ему ответил, что охотятся они малой ватагой на том берегу Оленгуя, а он решил здесь места посмотреть. Китаец ловко ощипал тетёрку, вытащил на улицу мангал и, присыпав солью с пряностями, начал её жарить. Разговор был неспешный, но Василий чувствовал, что здешний его щупает и ловит на словах. Из зимовья вынес маленький резной столик и табурет. Поставил какие-то миски, баночки и штоф белого хлебного. Василий степенно сказал ему, что он старовер и водки не пьёт. Китаец не удивился, но заявил, что под вкусное мясо немного выпьет один.

Усадил Василия на табурет спиной к лесу, а сам сел на завалинку, для наблюдения за тропой, мелькнуло у гостя. Особенностью поведения хозяина зимовья было то, что он ни разу за всё это время не повернулся к Василию спиной и делал это нарочно, всё время улыбаясь. Где он прячет пистолет, было непонятно. То, что оружие при китайце — сомнений не вызывало, но ни в карманах брюк, ни за поясом ничего такого не было. По-русски говорил почти чисто, лучше, чем буряты или эвенки. Его улыбка

и добродушие были фальшивыми. «Ну прямо как на светском балу», — подумал Василий. Мясо и вправду оказалось вкуснейшим. От лесной курочки вскоре осталась кучка костей. На столе появились две чашки, вернее, пиалы тонкого фарфора с золотистыми драконами снаружи. Далее хозяин вынес из зимовья и поставил на стол пузатый фарфоровый чайник, котелок с кипятком и не виданную ранее Василием квадратную коробку с зелёными драконами.

— Это редкий, особый чай, — колдуя над завариванием, говорил китаец.

Действительно, когда в чайник была положена заварка и заливался кипяток, аромат был такой, что перебил все запахи тайги медоватым духом жасмина.

Теперь чайник был накрыт толстым мягким колпаком.

— Пусть постоит, наберёт силу.

Естественным образом разговор коснулся и золота. Китаец стал говорить, что он больше по мехам, но цену металла знал и упоминал ряд приисков и даже знал их хозяев. Василий осторожно, в меру того, что знает каждый в этих местах, поддержал беседу. Когда тот, наливая чай Василию, чуть наклонился вперёд и его толстая куртка качнулась распахнутой полой в сторону, на долю секунды стала видна рукоятка пистолета, подвешенного между туловищем и рукавом. Это для Василия было также в новинку. Пистолет подмышкой. Ничего себе. Весьма собственнно. «Силён вражина», — вновь мелькнуло в мозгу. Такого чая ещё не приходилось пить. Букет, радуга, музыка вкуса и непередаваемый запах. «Не хочет ли он меня отравить?» Тот как будто понял и заверил:

— Не бойся, не отравлено.

А у гостя в это время перед глазами были два трупа застреленных этим радушным человеком своих же не

менее жестоких подельщиков. Игра в слова продолжалась. Когда пузатый чайник был уже почти пуст, Василий совершил ошибку. Зная, что хозяин собран и следит даже за его взглядом, он посмотрел на дерево с тайником. С сидящим напротив волком подобные ошибки недопустимы. Не снимая с лица улыбки, китаец дёрнул руку вверх от стола к пистолету.

Хорошо, что на долю секунды раньше наш игрок понял свою ошибку. Резким ударом завалил стол на китаяца, перехватил падающий чайник за ручку и молниеносно нанёс им прижатому к завалинке врагу удар прямо в лоб. Что-то хрустнуло, не то кость, не то тяжёлый фарфор. Брызнула кровь, китаец осел и завалился набок. Левая рука Василия, которой он держал чайник, была в крови от осколков фарфора, но он, выхватив револьвер, был уже на ногах и держал врага на мушке. Впрочем, это было излишне. Глядя в окровавленное лицо поверженного волка, он вытащил из-под его куртки оружие. Оно было на подвеске из ремней и представляло собой кольт. Такой он раньше видел только на картинке.

Китаец лежал без движения и не дышал, но на всякий случай наш Аника-воин связал ему руки и ноги какими-то верёвками, спрятал свой пистолет за пояс и после того занялся своей разбитой рукой. Скрипя зубами от боли, с помощью ножа выковыривал из ребра ладони кусочки фарфора, промыл рану, приложил три листа подорожника и замотал руку висевшей у окна тряпкой. Рука сильно болела. Тут он вспомнил про водку. Бутылка была закрыта и валялась рядом. На счастье, не разбитая. Поднял не разбитую пиалу (вторая раскололась вдребезги), налил её полнёхонько и единым махом выпил. Когда выпил, сообразил, что это не водка, а спирт, так как перехватило дыхание.

Размотал тряпку на руке, полил раны спиртом, сорвал новые листочки подорожника и вновь перевязал

рану. Котелок с кипятком стоял здесь же на завалинке почти у двери и не пострадал в сей заварухе. Выхлебав остатки остывшего кипятка, он почувствовал, что захмелел. Поднял табурет, уселся на него и стал соображать, что делать дальше. Китаец, связанный по рукам и ногам, лежал под окном на завалинке в аршине от земли. Его лицо было повёрнуто к стене. Он не шевелился. Содеянное радости не принесло. Рука саднила. Надо было осмотреть зимовье. Он поднялся и, оглянувшись на тело под окном, шагнул в дом.

Чистенькая комнатуха с печкой посредине, стол и лежанки вдоль стен, заплочный мешок не из маленьких. Две полки с посудой. Оружия видно не было. Заглянув под лежанки, кроме тапок с деревянными подошвами, ничего не обнаружил.

Видать, оружие в тайнике. А в мешке что? Подвинув мешок к свету и перевернув его, он обнаружил кошель с золотыми монетами, кожаный мешочек с мелкими самородками приблизительно фунта на три, коробку с патронами к кольту, свернутый в скатку полог, нож в ножнах из комуса, несколько пар носок, табакерку с опиумом, курительную трубку, мешочек с сахаром, спички, рыболовные крючки и кожаный конверт с застёжками.

Открыл его и вынул сложенный вчетверо лист плотной бумаги. Развернул. Топографическая карта. Места незнакомые. Реки и ручьи без названий. В трёх разных точках китайские иероглифы, выписанные тушью, а от них стрелки к местам слияния рек, или ручьёв. Понять было трудно. На карте не был указан масштаб. Бросив трофеи в мешок, пересчитал не без удовольствия золотые монеты. Их оказалось восемьдесят две.

Ночевать рядом с трупом было противно. Василий отволол его к реке и пустил вниз под крутой откос. Когда внизу раздался всплеск, он вернулся в зимовье. У двери

стояла лошадь. Это кстати. Он уже решил, что ночевать здесь не будет, и тайник пускай до времени останется неоткрытым.

— Уйти из посёлка пешком, а вернуться с лошастью под выюком негоже. Народ везде тёртый, битый. Заберу схоронку после, — решил Василий

Лошадь он освободил от пут, забрал мешок китайца, предварительно запихав в него свой сидор. Прикрыл дверь в зимовье и ушёл в ночь по тропе туда, где ночевал накануне.

Вновь он заснул на старом месте, но ещё не знал, что китаец останется живым, но в это место попасть ему не удастся, а тайник этот найдут через шестьдесят лет без него, по карте и приметам, им оставленными. Карту китайца он расшифрует лет через пятнадцать и завладеет почти пятьюдесятью пудами чужого золота, которые, впрочем, ему, кроме хлопот и кошмаров, ничего не принесут. Больше он не хотел ничего вспоминать.

Эти воспоминания окончились сердечным приступом, и ещё ночью слуга Иван бегал к бабке Евдохе за аверьяновыми каплями. Однако старец Василий не помер. Отлежался, ожил и всё время думал, как жасминовый чай связан с подлостью и «чёрным» золотом.

Как случилось, что Джао Косой не погиб

Роковая для Джао встреча с Василием на зимовье должна была привести к его уходу из мира живых людей, но этого не произошло. Речка, с обрывистого берега которой бездыханное тело Джао было сброшено вниз, имело русло, которое то плавно изгибалось в болотистых берегах, то было прямым и текло стремительно в берегах с глыбами, валунами и перекатами.

Иногда течение отрывало от болотистой части долины куски торфяных берегов в длину, превышающую маховую сажень*. Эти плавающие острова сносились рекой вниз и разваливались на перекатах и валунистой части русла на кочки, куски торфа и накапливались перед очередным болотистым участком ниже по течению.

Зимовье, где произошла схватка Василия и Джао, было построено чуть в отдалении от берега недалеко от входа в болотистый участок. Здесь у берега почти на две сажени по ширине вдоль русла находилась как бы болотистая суша, сложенная плавающими торфяными кочками, которые весенним половодьем были отложены поверх камней и глыб почти на аршин. Под торфом между камнями была вода, и если наступить ногами, то провалишься почти по пояс.

Сброшенный с обрыва Джао попал на такое место, что описано выше, катясь вниз, как веретено в горизонтальном положении. Упав на мягкий торф окровавленным лицом вверх, он не провалился, а остался лежать на

поверхности. В верховьях этой реки уже двое суток лил проливной дождь, и повышающийся уровень воды к тому времени достиг мест, где на торфяном «плоту» лежал Джао. Уровень воды в реке поднимался считанные минуты. Вместе с ним под камнями и глыбами в русле поднялись и торфяные кочки, сплетённые травой в виде островка, он оторвался от берега вместе с лежавшим на нём китайцем. Вода понесла тело человека на странного вида природном сооружении — своеобразном ковчеге.

Вблизи входа на новый болотистый отрезок реки, по берегам которой тайга состояла из могучих кедров, раскинулся полевой стан китайцев, которые «шишковали»*. Мужчины массивными деревянными молотками на длинных ручках били по нижней части стволов могучих деревьев, шишки, которые уже поспели, падали на землю с глухим стуком, женщины и дети собирали их и сносили на поляну. Там стоял луцильный барабан, в который эти шишки закладывались, один человек его вращал, а двое, сноровисто отделяя орешки от частиц шишек, собирали продукцию в мешки. Около десятка джутовых мешков уже были наполнены и лежали на поляне под навесом.

Это были мирные работяги-китайцы, промышлявшие продажей орехов и изготовлением кедрового масла, которое ценилось не только в России, но и в Корее, Японии, Индии.

Детские голоса, треск луцильного агрегата, смех доносились до реки, уровень которой поднимался на глазах. Старый китаец сидел на берегу и смотрел на реку. Он был главой многочисленного семейства и уже много лет со всеми родственниками перемещался по тайге, зная все её места, где были кедррачи.

В неурожайные годы семья не бедствовала, так как кедровое масло всегда пользовалось спросом, а он знал секреты его производства и хранения.

* Шишковать — собирать кедровые шишки, лущить из них орехи.

Думая о своём, китаец заметил, что по высокой воде поплыли деревья, пучки травы и кочки. «Однако в верховьях реки дождь. Нам бы он очень повредил. Шишка намокнет и начнёт падать сама по всему кедрачу. Это плохо». Из-за изгиба реки прямо по стремнине выплыл остров из торфа. Старик встрепнулся. Поверх островка, без сомненья, лежал человек в китайской одежде. Старик вгляделся повнимательнее, остров проплывал уже под ним. Лицо человека было красно-бурого цвета — засохшая кровь, понял старик. Видно, мёртвый. Вдруг рука лежавшего согнулась в локте, а пальцы сжались и вновь распустились пятернёй.

Старик вскочил и что-то гортанно крикнул. Через мгновение трое парней подбежали к нему. Он рукой указал на воду и что-то сказал. Парни скинули одежду и, немного пробежав вниз по течению, бросились в воду. Старик пробежал к навесу, там засуетились женщины, задымился костёр. Через некоторое время притащили бедолагу, принесённого водой. Когда его положили на циновки, старик склонил ухо к груди принесённого. Все разом смолкли. Через минуту стало ясно, что человек жив. Его раздели. Кроме кровавого ссохшегося месива на лице и синяков на теле, повреждений не было, всё было целым.

Тёплой водой с мягким мхом отмочили ссохшуюся кровь на глазах, и старик поднял сначала одно веко, а потом другое. Увидел глаза живого человека. Две молодухи под руководством старика стали методично отпаривать и снимать ссохшуюся на лице кровь. Когда они закончили, старик подошёл и вгляделся в то, что с большой натяжкой можно было назвать лицом. Свежий страшный шрам, содранная бровь, изуродованный нос и шишка под скулой, при этом все раны покрыты тонкой розовой плёнкой, плюс редкая борода делали лик незнакомца чудовищно безобразным. Женщины отвернулись в испуге.

Старик достал бутылку и коробочку. В коробочке была мазь. Мягкой кисточкой он смазал все раны веществом из коробки. Затем вставил в бутылочку тонкую бамбуковую трубку, раздвинул плотно сжатые губы плоской палочкой, вставил туда трубку и приподнял бутылку, что-то бормоча. Когда треть бутылки была вылита в рот человека, он слегка подавил на его живот, и человек плотнул сам, после чего шумно задышал, открыв рот. Он не двигался, но совершенно ясно дышал всё спокойней и спокойней. Его накрыли одеялом, предварительно смазав все синяки, а над головой поставили противомоскитную сетку. Старик посмотрел на труды своих опытных рук и, улыбнувшись, сказал, что этот завтра очнётся. Интересно, кто его так? Как он попал в реку и не утонул? Вероятно, Судьба!..

Старик осмотрел одежду. В нагрудном кармане просторной рубахи он нашёл несколько крупных ассигнаций (российские бумажные деньги) и бамбуковый пенальчик с пробкой чуть толще карандаша. Вскрыв его, он вытащил свёрнутую в трубочку бумагу с иероглифами. Прочитать их он не мог. Все иероглифы, кроме имени, были ему неизвестны или он не мог вспомнить, что они выражают. Показал бумагу более молодому родственнику. Тот посмотрел с минуту на бумагу и подморгнул старику. Старик обратился к окружавшим их родственникам, и они все удалились.

Это был документ для китайской пограничной стражи, в котором говорилось, что податель сего Джао Хун Вей должен быть без задержек и досмотра пропущен через границу со всеми его людьми, которых он укажет, и с почётом доставлен во дворец Правителя. Если он попросит о помощи, таковая ему должна быть оказана без расспросов — немедленно. Подпись под бумагой была столь высокого лица, что оба китайца задумались. Имя владельца сей бумаги вызвало у них тихий ужас. Призрак

золота, смерти и какой-то ужасной тайны, которую им знать не положено, закутился в сознании мирных шиш-карей. К лежащему под одеялом Джао приставили двух женщин и молодого парня. С циновки его переложили на ложе с шёлковым матрасом и подушками. Над его ложем соорудили чуть ли не шатёр. Глава семейства знал об этом человеке очень много, но даже старшему в роде после него ничего рассказывать не стал. Тот и так всё понял.

Ночью вблизи шатра горел костёр, а рядом с Джао сидели старшие семейства и смотрели на спящего. Трижды ему давали воды и четыре раза поили из бутылки с трубкой травным настоем. На глаза раненого клали тряпки с настоем трав, а на восходе солнца его лицо ещё раз смазали мазью из коробочки.

Дождь так и не пошёл, вода в реке стала спадать к радости таёжников. Раньше бы глава семьи был бы безмерно счастлив сему, а нынче во всём его существе был только страх за будущее, за детей, внуков. Перед ним, его стараниями оживал не человек — дракон. Его одежду выстирали, она сушилась рядом с его, по быту в тайге, лазаретом.

Джао приходил в себя. Вначале он услышал резкий крик кедровки. Затем почувствовал запах дыма и ощутил боль и зуд, шедшие от собственного лица. На глаза давило, и открыть их сил не было. Боль стала уходить, веки глаз стали лёгкими, он услышал китайскую речь и открыл глаза.

Старик, сидевший рядом, ожидал этого момента и улыбнулся. Нараспев проговорил:

— С возвращением!

Джао ещё не понимал, что с ним, но слова старика дошли до его сознания. Он спросил:

— Где я?

Резкая боль во всём лице молнией обожгла его. Пальцы расслабленных рук сжались в кулаки.

— Река вас принесла к стоянке нашего рода, промышляющего шишкованием. Мы рады и счастливы помочь вам, — продолжал старик. — У вас раны на лице и говорить вам пока трудно. Лучше пока ничего не говорить, а если меня поняли, откройте глаза.

Джао открыл глаза и снова их закрыл. Старик неторопливо рассказал ему о том, как его принесла река, где он сейчас, какие на его лице раны и как его лечат. Раненый всё понял и вдруг попросил зеркало. Боль в лице вновь обожгла его, но слабее, чем в первый раз. Когда он открыл глаза, перед ним было зеркало, из которого глядел некто. Джао знал своё лицо. Это лицо было совсем чужим и уродливым.

— Это не я, — проговорил лежащий перед стариком человек и закрыл глаза.

Старик убрал зеркало и спросил:

— Как вас зовут?

Человек, не открывая глаз, проговорил:

— Джао Хун Вей.

— Тогда это вы, но с вами случилось несчастье, вы сильно ранены в лицо, но боги помогли вам выжить.

После очередного глотка из бутылки с трубочкой Джао уснул.

Он проснулся к вечеру и попросил чая. Лицо не болело, но тело было непослушным. Что с ним произошло, он так и не вспомнил. Выпил из рук старика три пиалы зелёного чая и понял, что это не тот чай, к которому он привык.

— Другого чая у вас нет? — вдруг спросил больной.

Старик ответил, что этот чай у них самый лучший.

— А может быть, вы купите жасминовый, — продолжил лежащий, не задумываясь о своём нахальстве, которое тут же про себя отметил старик.

— До посёлка далеко, но я пошлю человека сейчас же.

Старик вышел, с кем-то поговорил и, вернувшись, сказал, что через два дня будет жасминовый чай. По реке уплыла вниз по течению лодка с двумя младшими сыновьями. Ночью раненый просыпался дважды, и старик поил его водой и лекарством. Утром потребовал еды и, уже сидя, сам поел. Старик сам его ни о чём не спрашивал — понимал, с кем имеет дело, а на вопросы отвечал подробно, часто удивляясь их содержанию. По характеру ран старый китаец понял, что Джао пережил чудовищный удар в лицо.

Видать, у страдальца память отшибло. Собственно, так и было. Джао, приходя в себя, не мог вспомнить не только, что с ним произошло, но и многое другое.

В чистую одежду раненого положили то, что в ней прежде лежало, — деньги и пенал с документом. Его одели и оставили лежать в одиночестве, тем не менее находясь вблизи.

Джао обнаружил деньги в кармане, вскрыл пенал, прочитал бумагу и задумался. Снова попросил зеркало и приказал перенести его на воздух. Его сидя прислонили к мешкам с орехами, и тот застыл, разглядывая себя в металлическое полированное зеркало. Где-то через час он позвал старика и попросил, а вернее приказал ему рассказать, где они находятся, назвать реку, ближайшие посёлки, город и те места, откуда его семья сюда пришла. Старик проговорил не менее двух часов, гость слушал, не перебивая, а затем сидя уснул. Его перенесли в палатку и оставили спящим.

В последующие дни он ел, спал, пробовал вставать. Трижды падал и молчал. Когда ему дали жасминовый, очень дорогой по деньгам семейства, чай, Джао что-то вспомнил. Это было видно по его движениям, как лежа, так и сидя. Через неделю, увидев одного из сыновей старика

с ружьём и кабаргой после охоты, он встал, подошёл к нему, взял ружьё и долго его разглядывал. Повернувшись к старику, который был здесь же, он спросил: «Где покупали оружие?» Выслушав ответ, пошёл к реке и уселся на берегу, там, где обычно сидел старик. С того момента, как Джао попал на поляну с семейством земляков, старик ни разу не сидел на своём месте у реки. Старый китаец удивился, а гость всё молчал.

Через день гость попросил ружьё, нож, спички, еды и, не прощаясь, ушёл в тайгу, сказав, что скоро вернётся. Старик понял, что бывший раненый окончательно в себе, а вернёт ли он ружьё — сомневался.

Джао вспомнил до деталей злую встречу с Василием и отправился на заимку в надежде на месть.

Заимка была пуста. Взяв из тайника два карабина, патроны к ним, три фунта золотого песка, пистолет с кобурой, он закрыл тайник и пошёл назад.

Положив перед старым китайцем его ружьё, два карабина и золото, он заявил:

— Это твоё, а два твоих сына пойдут проводить меня.

Через час лодка с тремя людьми ушла вниз по реке. Старик понял, что долго он не увидит своих сыновей.

Так и случилось, они стали хунхузами, и только перед кончиной старый китаец встретился с сыновьями, но это были уже другие люди.

Странная вещица

(Из воспоминаний старца Василия)

Углядев на столе у старца Василия нечто сказочно-странное, Константин Демьянович отвлёкся от своих мыслей, которые, как свора гончих, неслись за чем-то или кем-то.

Он пригляделся и понял — перед ним не то игрушка, не то фигурка, предназначенная у шаманов для колдовства, или, в крайнем случае, что-то из атрибутов бабы-яги.

Игрушечка была сделана мастерски и с большим вкусом. На столе стоял старичок-лесовичок, сделанный из шишек, сучков с капельками смолы на месте глаз, мшистой бородой и волосами из тончайших волоконцев бледно-зелёных лишайников, что обычно занавеской спадают с нижних ветвей хвойных деревьев в тёмном бору. Фигурка была как живая, и даже материал, из которого она сделана, не казался корявым.

На груди у лесного чуда блестел золотой крестик на тонкой же золотой цепочке, а на лбу блестел и переливался бесцветный камешек с восемью гранями наподобие двух сложенных основаниями четырёхгранных пирамидок. Наличие крестика отметало мысль о колдовстве. Вглядевшись в крестик, Суров обнаружил, что это маленький самородочек золота в форме христианского креста. Он видел много самородков, созданных самой природой и повторявших известные человеку предметы, такие как птицы, змеи, косы, серпы, мох, ветки деревьев, звёзды и другие, но подобный правильный во всех пропорциях крестик ему видеть ещё не приходилось.

Выражение лица лесовичка было какое-то детско-старческое с саркастически-загадочной улыбкой. Лесовичок был в маленьких настоящих валеночках, опирался на суковатую палочку. За спиной у него была игрушечная по размеру, но глядевшаяся как настоящая котомка. Сей человек стоял на плоской кедровой дощечке. На её поверхности была выжжена надпись: «Христолюбивому, доброму Дедушке от любящего внука Севы в День Ангела 1 января 1895 г.».

Старец Василий, уставившись на лесовичка, беззвучно плакал. Крупные слёзы текли по его щекам и тонули в бороде. Плачущий старец — невиданный Суровым случай. К тому же именины старца отмечали в апреле 26 числа, а здесь 1 января. А может быть, этот подарок был преподнесён вовсе и не сидящему здесь в кресле деду, а кому-то другому? Хозяин уже решил тихо уйти подобрать поздравления от страдающего человека. Тот достал платок, вытер слёзы, взял фигурку со стола, поцеловал её и спрятал в берестяную коробочку.

— Вот вспомнил, — как бы оправдываясь, проговорил Василий. — Это чудо подарил мне внучек. Ему тогда десять лет было. Светлая голова и золотые руки у парнишки.

Суров вздрогнул. Какой внук? Ничего подобного старец никогда не рассказывал.

— Так не подумай чего, — продолжал Василий. — Я его жизнь устроил. Он теперь дворянского сословия, живёт при моём брате в столице. Учится в кадетском корпусе, а в Российском банке на его имя лежит миллион рублей. Он, правда, о деньгах до поры не узнает. Брат крест целовал, что покуда внук не выйдет в офицеры, ничего знать не будет. Брата я тоже сподобил деньгами. Он теперь действительный статский советник, начальник департамента.

Тут Константин Демьянович заметил, что старец Василий сильно под хмельком. Вылезая из-за стола, он задел

пустые бутылки, две из них выкатились под ноги обалдевшему от услышанного Сурову. Старик проворчал, что, мол, прикажи подать заедки (закуску), я уже полдня пью. Этот же старец не раз твердил купцу о том, что пить в одиночку грешно. Демьяныч распорядился, и на столе появилось холодное мясо, грибочки, мочёные яблоки, шанежки, селёdochка, два прибора и бутылка «Шустовского».

— Негоже, — как-то строптиво заметил старец.

Убрал коньяк и выставил два штофа белого хлебного.

— Садись, гостем будешь, а то стоишь, как лось под выстрел.

От подобного сравнения Суров съёжился, но сел в полном раздрае умственного направления и стал ждать, что приключится дальше. Старец достал два фужера итальянского стекла, наполнил их водкой, встал, выпрямился. Гостю пришлось также подняться. Изогнув руку в локте, по-офицерски (чему ещё больше удивился К. Д.), Василий произнёс речь:

— А молодость у меня была другая. Как тебя, вблизи видел Государя и Великих князей, знал весь столичный свет. Потом всё стало наперекосяк — ошибки молодости. Много лет жил теперешней непутёвой жизнью, поверишь, часто шёл антихристовой, волчьей тропой. Греха на мне столько, что и Ироду бы не приснилось. Теперь замаливаю грехи по гроб за содеянное. Хочу выпить за чистую душу, которую я сейчас и с Божьей помощью воспитываю Человеком!

Он выпил медленно и сел, подперев скулу кулаком в какой-то безысходности. Демьяныч стоял, как столб, под настроение разговарившегося старца сам также согнул руку в локте, хотя офицером никогда не был. В голове было: «Вота каков этот Василий. Сколько лет вместе, а что он из Санкт-Петербурга, бывший офицер, миллионщик, да ещё внука воспитывает, и в голову не приходило».

Старец его заторопил:

— Ты пей, я что-то лишку сказал, должно, грёзы по тому, как хотелось бы.

Суров выпил и подцепил грибок. Дед разлил ещё. Отломил хлебца и стал его жевать, уставившись в лицо собутельника. Станный разговор после длинного неожиданного тоста ещё более добавил непоняток в круговерть мыслей купца и золотопромышленника. Ай да дед — хитрован!

Вопрос, откуда у Василия внук, выскочил сам собой. Крякнув после очередной и скосив глаз, старец как бы продолжил:

— В Иркутске дело было. Шёл я мимо детского приюта, а оттуда из-за забора мальчонка махонький со смышлёным личиком, белокурый, позвал: «Дедушка! Почему ты так долго не приходишь?» Тут меня словно кольнуло — если б я мальцу этому не приглянулся, он бы меня не позвал. Подумалось — бедует человечек, может, счастье чьё-то, а ведь я мог бы стать и настоящим своим, родным для него. В общем, забрал я мальчика из сиротского дома.

Начальнице, чтоб документы правила и не очень распространялась, дал столько денег, что она за всю свою жизнь от попечителей и казны не видела. Была у меня в Иркутске знакомая семья без детей — скупщики металла с лицензией, но не крупные. Зимой Сева у них жил, а летом со мной в тайге. Он рос, а я стряпчего нашёл, раз выпили, два в корчме, отсыпал я ему золотого песочку с фунт. Он мне документики для внука выправил. Года за четыре до того скончался в городе опальный генерал от инфантерии. Так мы моего крестника сделали по документам внуком этого генерала Петра Градова. Сын его погиб за Дунаем, а жена сына свихнулась и повесилась. Нашли батюшку. Я дал денег на новую церковь. Батюшка сделал записи, где надо, и выдал бумагу о рождении Всеволода.

Потом я ездил в Санкт-Петербург, нашёл своего брата. Он меня не признал, а когда я ему рассказал, как мы с ним расстались, — поверил. Для брата сработали документик, что он получил наследство и пай в пароходном деле (речные перевозки, Казань). Это дело я купил по пути в столицу. Дал ещё денег на приличный дом и выезд. Сговорились, что когда мальцу будет десять лет, брат возьмёт его к себе, как дальнего родственника.

— Скажу тебе, — старец опять выпил, — ведь в молодости из Питера-то я бежал куда глаза глядят. Меня искала полиция. Ещё три года после этого полицейские всё к брату прикапывались, да потом отстали и забыли.

А паренёк этот славненький очень полюбился мне, да и я ему. Шустрый, головаственный, всё понимает. Арифметику за две недели выучил. А как стал рисовать — у него всё как наяву, хотя и на бумаге. Из глины лепил, а эту штуковину он мне подарил и сказал, что я добрый лесовичок. Крестик — это чисто самородок, но я его освятил и подарил внучку. Он его три года носил. Тот камешек, что во лбу у подаренного лесовичка, я так мыслю, есть настоящий алмаз. Его малец сам на Витиме нашёл, когда я его учил мыть на лотке золото. Видать, парнишка-то счастливый. Алмаз-то в полтора карата чистой воды. Эти камешки здесь должны быть, только алмаз в песках зело капризный и страшно редко встречается. Их в Индии и Бразилии копают.

Суров хватил водки, голова прояснилась. С аппетитом закусил под негромкий рассказ старца.

— Сейчас Сева в лучшем кадетском корпусе. Первый по знаниям, и рисовать учится. Ты не думай, я свою душу спасаю, — и, обратясь к иконе, опустил на колени, истово крестясь.

Константин Демьянович тихо удалился, переживая за доселе неведомую ему сторону души и жизни человека, которого, как казалось, он хорошо знал.

Тайное расследование старца Василия

(Из воспоминаний по Тимохиным делам)

Василий Авенирович твёрдо решил разобраться с Тимохой. Правда, с Фёдором Фёдоровичем мог быть и другой Тимофей, но что-то заставляло беспокоиться. После того случая его Тимоха, как он знал, в серьёзные артели не подряжался. Старался в одиночку или с одним-двумя товарищами. Говорили, что иногда он ходит к китайскому кордону и берёт там спирт, который доставляет на прииски втихую. В то время были уже официальные поставщики. Их все знали. А тех, кто приносит спирт без права на это дело, было также немало, но они своё дальше держали, скрытно меняя спирт на золотой песок по установленной таксе. Каждый из людей в тех местах что-то знал про соседа или товарища в деле. Однако большинство о себе говорили мало и редко. Многие были в бегах, розыске, меняли документы, часто полностью изменяли облик в причёске, одежде и т. д.

Если кто о ком знал что-то такое, что вслух не говорится, то держал про себя, нередко используя к личной выгоде. Однако этот момент Василий Авенирович знал отлично, и его деньжата, дельные советы, за которые денег не берут, а платят, как теперь говорят, информацией, сработали. В течение недели он посещал значные места, одевшись соответственно, тёмные питейные домишки типа притонов, переговорил со многими людьми, наслушался слухов, баек, пьяных признаний и между тем

узнал о Тимохе интересные вещи. Как минимум, то, что знали о нём четверо бродяг, с которыми в разных местах встречался Василий, было иным, чем то, что говорил он сам. В компании или дружбе, работе с крепкими волевыми людьми Тимоха был послушен, прост до угодливости, исполнительен. С людьми малыми, со слабиной в характере, груб, бесцеремонен, несдержан и нечист на руку в малых их делах. Один запойный мужичок, неизвестно на что пивший уже третью неделю, при имени Тимоха назвал его кличку, известную в среде разбойничьего люда, — Лис, и настолько точно описал его повадки, что Василий Авенирович перестал и сомневаться. Тот же тип сказал ему почти шёпотом, что Лис имеет долю в треть до сих пор не пойманного ката среди разбойников, гремевших на все эти места, — Джао Косого. При нём Тимоха якобы сыскивает богатую добычу, а уж атаман берёт её со своими людьми из бывших беглых, душегубов и нескольких беспутных якутов и китайцев — хунхузов-спиртоносов. Прежде, чем это рассказать, пьяный паря попросил денег и немалых. Василий достал деньги, положил их возле себя и, послушав рассказ, осведомился, чем говоривший может подтвердить сказанное.

Тот криво улыбнулся и спросил, не видели ли на левой ладони этого Тимохи под большим пальцем наколки в виде странного знака. Это иероглиф Джао Косого. Он ему сам его наколол, когда они побратались. Василий ничего такого не мог вспомнить. Наколки на людях он видел на руках, но чтобы со стороны ладони, такого он никогда не примечал. Пододвинув деньги мужику, он встал и вышел из шинка.

Василий был ушлым и много знавшим в тёмной стороне дел, творившихся в этих краях. Знаком он был и с Джао Косым, с которым они давно поделили места, где каждый обделывал свои дела. Если Тимоха — человек

Джао, то тот нарушил уговор и грозит не только его делам, но и лично ему. С Тимохой он давно не встречался, однако сумел узнать, что тот скоро будет в посёлке. Однако Тимоха так и не появился.

Будучи в Иркутске, Василий разыскал Фёдора Фёдоровича и спросил его между делом про Алексея, который остался единственным живым в истории с ограбленным золотым караваном. Тот был трезв и поинтересовался, для чего Данилову понадобился этот Алексей.

Василий Еремеевич спросил, нет ли на левой ладони Алексея под большим пальцем наколки в виде странного знака. На это Фёдор Фёдорович без удивления ответил, что он видел наколку в виде китайского иероглифа. Что в этом странного? Многие наколками балуются. У Алексея это была юношеская шалость, за что он в 19 лет был порот отцом и больше такими вещами не баловал.

— А сейчас этот Алексей где-то в заводи ремонтирует лодку и в праздники приходит ко мне с поздравлениями.

— А в тайгу он ходит? — спросил Данилов.

— За последнее время не ходил. Он дом построил, женился. Кое-какую торговлишку держит. Китайским шёлком и безделушками. В люди выходит. Я его поручитель в купеческом деле.

Василия подмывало рассказать о своём подозрении теперь ещё и по поводу этого Алексея, уж больно у него всё складно, и товар из Китая, но он смолчал. Поговорив ещё о каких-то делах, они расстались. С тех пор много воды утекло, и Тимоха более на пути Василия не встречался.

Если его Тимоха и теперь его человек Алексей дружбу водит с Джао Косым, то многие секреты Василия Авенировича им ведомы и они квиты. А если те позарятся на кое-что запрятанное в тайге? Забрали металлишко в тайниках, о которых знал Тимоха? Надо искать, искать и искать этого двурушника и его молодого ученика.

Заботы старца Василия

Пропавшие четыреста килограммов золота (более 24,4 пудов) из тайги всё же не исчезли и вывезены не были. После многих хлопот, истратив не одну тысячу рублей, старец Василий, он же почётный гражданин города Томска, вернулся в Бодайбо в мрачном настроении. Перебросившись незначительными фразами с Суровым, он ушёл к себе и вглухую запил. Этим самым несказанно удивил купца. Заглянув в окошко домика, где обретал Василий, Константин Демьяныч углядел такую картину. Старец сидел так, что гляделся сбоку. На пустом столе перед ним стоял гранёный стакан, большая бутылка с белым казённым хлебным вином. Рядом лежала краюха хлеба и очищенная луковица. Старец сидел сгорбясь, полуприкрыв глаза, и медленно шевелил губами. Временами его глаза закрывались, губы переставали двигаться, и он словно окаменевал. Вдруг встрепенувшись, Василий сжимал и разжимал пальцы на руках, брал бутылку и наливал из неё до краёв водки в стакан. Подняв стакан и как бы разглядывая его на свет, он медленно, не расплёскивая жидкость, ещё твёрдой рукой подносил его ко рту и так же медленно, не прерываясь, вливал содержимое в рот.

Вернув стакан на стол, отламывал от краюхи кусочек мякиша, нюхал его, брал луковку, подносил её к носу, глубоко вдыхал луковый запах, клал её на стол, а мякиши запихивал в рот и долго жевал, прежде чем проглотить. Купец простоял у окна часа полтора, прежде чем увиденная им ритуальная сцена повторилась. Так же в тишине за хозяином наблюдал Харитон, вставший к этому времени и сидевший на крыльце суровского дома.

Немало удивляясь на хозяина, который вот уже более двух часов глядел в окно, не заходя в дом, на приживала (так сторож Харитон называл старца Василия).

Уже сидя в кабинете, Суров пытался понять, что произошло с его компаньоном. Да, старец выпивал достаточно часто за беседой с ним, иногда достаточно крепко, но чтоб вот так уже неделю и в одиночку, такого за ним не водилось. Это было впервые.

Причина запоя у старца была, и достаточно, если так можно выразиться, серьёзная. Оба каравана с золотым песком брали его люди. На месте распорядился Тимоха.

Однако, если металл первого каравана был оприходован, поделён и спрятан, то последний случай, взбудораживший весь дальнетаёжный округ, где за главного был всё тот же его пристяжной Тимоха, показывал, что новый «чёрный таёжный волк» уже вырос и Василий должен уступить, или его ждёт смерть.

Показательно, что по завершении дела Тимоха не доложил, как и что происходило, как убраны свидетели и где его (Василия) большая часть золота. Он сам учил Тимоху прятать после захвата, замечать все следы и выжидать, пока случай с очередным разбоем забудется или, по крайней мере, шум в среде золотодобытчиков и властей не утихнет. Сейчас же все посёлки, прииски кишели чужим людом, на дорогах, пристанях и тропах заставы, на приисках жандармы. Всех опрашивают, всё записывают. Ведут следствие по всему горному округу. Такого раньше здесь и не видели, хотя случаи с пропажей золота и людишек были нередкими.

Водка не брала. В голове крутилась мысль: «Видать, спрятал, волчара, металл и сидит где-то, в ус не дует, а со мной простился. Сам меня убивать не будет. Кого-то пришлёт, а я, как идиот, гулял по Иркутску и другим местам, не предусмотрев такого. Слава Богу, пока жив!» Василий

выцедил очередной стакан и стал вспоминать, что может знать Тимоха о его тайниках с золотом.

Однако мысли колотились в голове, всплывали эпизоды и случаи, люди, человеки и человечки. Их было так много, что старец никак не мог выстроить чёткую последовательность людей, событий и, главное, мест, где «прикопан» драгоценный металл — его богатство и сокровище. Он сообразил, что помнить-то ему ничего не надо. С первых лет жизни в тайге у него была карта и при ней отдельный листок плотной бумаги. На карте были значки, отмечавшие места спрятанных кладов, а на листке бумаги описаны признаки мест, где спрятан металл. В его реестре было одиннадцать крупных закладок золота (каждая более 12 пудов). По современным меркам всего более двух тонн шлихового металла и самородков.

Мелких кладов от трёх-пяти фунтов до двадцати — более тридцати. При этом крупные тайники были запрятаны в глубине таёжных дебрей вдали от жилухи, а мелкие вблизи приисков, дорог. В мелких тайниках было около десяти пудов золота. Кроме того, «почётный гражданин г. Томска» Данилов Василий Еремеевич — законный владелец (он же старец Василий) с прииска «Кедровая падь» ежегодно получал 5–7 пудов металла за промысловый сезон. За последние шесть лет он официально продал казне более 1100 кг драгоценного металла. Это были чистые официальные деньги и по тем временам немалые.

В реестре старца Василия пятнадцать записей были перечёркнуты. Это золото — издержки его тайной, грязной работы. За многое приходилось платить для того, чтобы выжить и жить. Взятки, подарки, подмазки, откупные и даже, как это ни странно для многоликого зверя, — меценатства и жертвования на церковь. Странен и непонятен российский человек на тропе зверя и по жизни.

Сидя за столом запоя, старец чувствовал, что жизни остаётся совсем мало. Как распорядиться награбленным и нажитым, скрытым от людей богатством, он представлял себе недостаточно чётко. Его поразила мысль: а для кого он копил это золото? Кому отдать, передать, подарить — чудовищное для одного человека богатство? Сколько тайников из крупных уже пустые? Отдать всё купцу Сурову? Он всё же друг, спаситель и человек, много лет живший и работавший рядом...

Однако Константин Демьянович хоть и крепок с виду и хозяин серьёзный, но тоже уже в годах, да и в решении всех деловых и хозяйственных проблем давно жил умом старца Василия, даже в мелочах.

Потреба в очередной порции хлебной и её бодрящее действие вернула страдальца к острому беспокойству, которое ранее вызвал Тимоха. Поздно сообразил Василий, что взрастил волка, готового перегрызть горло стареющему вожаку стаи.

В затуманенном мозгу Василия всплыла история, в которой Тимоха предлагал Сурову купить золото, в том числе и самородки. Количество предлагаемого к продаже металла было солидным — не мелочёвка какая-то. Почему он обратился к купцу, а не прямо ко мне? Тимоха знал, кто живёт во дворе купца, но история знакомства старца Василия и Константина Демьяновича ему не была известна. А вдруг это сделано специально для того, чтобы показать старцу самостоятельность и свободу Тимохи от прежней власти над ним?

Что-то не укладывалось в голове старца. Он определённо слишком долго и бесконтрольно доверял Тимохе, хотя случались и неувязки в его деятельности. Вспомнился случай, когда у костра он выстрелил первым, а вторым стрелял Тимоха, возможно, в своего подельника. Тогда об этом не подумалось. Обстановка

была не та. Видать, избавиться от меня — давняя задумка Тимохи. Василий знал, что в свободное от общих дел время тот промышляет где-то на стороне, но никогда не интересовался, где и чем. Тем не менее всегда знал, где его сыскать, когда появлялось крупное дело по части золотого каравана.

И вот те закавыка. Уже почти два месяца Тимоха не откликался.

В тайге на дорогах и тропах искали пропавшее золото, в Иркутске и Бодайбо трясли посредников и перекупщиков, инспектора Горного округа проверяли прииски и мелкие старательские кумпанства, а также казённые государевы заводы.

На десятый день запоя старца Константин Демьянович увидел Василия, который как ни в чём не бывало с доброй улыбкой, абсолютно трезвый входил в столовую купеческого дома, после чего уселся в кресло. Ни в словах, ни в выражении лица старца не было и следов пьянки и похмелья.

— Стар я, — сказал Василий, — пора писать завещание. Отвези меня в Иркутск, вроде бы я заболел, — к хорошим врачам. Поселюсь я не в твоём иркутском доме, а в своём маленьком. Купил я его года четыре назад. Ты же мне сыщи стряпчего по юридической части. Тебе я передаю прииск «Кедровая падь» в полное владение через дарственную и кое-что ещё. Об этом позже. С собой возьму Ивана. Пока проживу в Иркутске.

— Когда желаешь уехать? — спросил Суров.

— Завтра же поутру, — ответил старец.

Сам себе он не мог поверить. Ведь на самом деле он бежал в Бодайбо в надежде на возможность прожить дольше.

Всеволод (Сева) — внук старца Василия

(Подарок деда)

Пятнадцатилетний кадет занимался в гимнастическом классе училища, таская пудовые гири и приседая с ними. Это был широкоплечий плотный юноша со светлой чёлкой, выше среднего роста и какой-то не юношеской суровостью во взгляде. Он помнил нищенский приют, деда, который забрал его оттуда и несколько лет возил с собой по тайге, обучая чтению, счёту и письму. Долгую зубрёжку новой фамилии и умерших дворянских по званию родственников с их родословной. Он был уже по-столичному образован, много читал, занимался физическими упражнениями, воспитывал в себе высокий воинский дух, предполагая в дальнейшем военную карьеру. Сносно говорил по-французски и английски, читал по-немецки.

Живя в Санкт-Петербурге, по субботам ходил из училища в увольнение домой. Проживал он в доме вышедшего в отставку действительного статского советника Дворжевского — родного брата старца Василия. Тот имел собственный дом на Литейном и дело в волжской паровой парходной компании, где ему принадлежало три колёсных парохода — один пассажирский и два грузовых.

У Севы были две комнаты. Одна для занятий и смежная — спальня.

Он уже вспотел, десятый раз наклоняясь с двумя гирями, когда в класс вбежал дежурный и крикнул:

— Кадет Градов — срочно к командиру роты!

Парень оставил гири, минута под душем, через три он уже шёл на второй этаж, где был кабинет командира. Постучал, вошёл, чётко доложил о прибытии.

— А вам, Градов, пакет по фельдсвязи из канцелярии генерал-губернатора Восточной Сибири. У нас такого случая ещё никогда не было, чтобы кадет получал пакет из таких высоких сфер. Так что распишитесь в получении.

Опешивший Сева расписался, взял пакет и убыл под любопытствующим взглядом командира.

Пакет был непривычно большим и с тремя сургучными печатями. Открывать пакет в училище он не стал. Была суббота, и питерские кадеты могли идти домой после построения.

Дома он никому о пакете не сказал и только после ужина вскрыл его.

В пакете оказались бумаги с гербами и названиями коммерческих банков, которые извещали господина Градова Всеволода Владимировича о том, что на его имя поступили вклады в деньгах и золоте. Сообщались суммы, годовые проценты, отчисления и т. д.

Сообщалось также, что в филиалы банков, в том числе и столичных, эти вклады могут быть переведены по желанию владельца. До него дошло, что владелец-то — это он сам. На отдельном листе гербовой бумаги удостоверялось, что вклады сделал Почётный гражданин города Томска Данилов Василий Еремеевич, владелец золотых приисков в Витимо-Олёкминском округе Восточной Сибири.

Сева перечитал названия банков.

1. Сибирский торговый банк, филиал, г. Томск.
2. Сибирский торговый банк, филиал, г. Екатеринбург.
3. Русско-Китайский банк, отделение, г. Иркутск.
4. Русско-Китайский банк, отделение, г. Красноярск.
5. Русско-Азиатский банк, филиал, п. Бодайбо.

Интересно было то, что вклады были ежегодные с начала его учёбы в кадетском корпусе. Он взял лист бумаги и произвёл сложение цифр, обозначавших размеры вкладов из каждого документа.

От полученной суммы 2000000 рублей он вспотел, ещё до конца не понимая того, что это его деньги. Он, конечно, знал, что на свете существуют миллионеры и в России, и во Франции, в Германии, но это было так далеко, что кадет не задумывался об этих людях и деньгах. Теперь вышло, что он сам миллионер. Чудно!

Через неделю ему стукнет шестнадцать лет. Дома уже думали, как отмечать день рождения, и готовились. Однако сегодняшний подарок Деда, он в этом не сомневался, настолько громаден, что если бы не бумаги с орлами, можно было бы усомниться в его реальности.

В пакете имелся ещё один документ, написанный на простой бумаге каллиграфическим почерком. Это было письмо Деда.

«Дорогой, единственный, горячо любимый внук Сева, пишу это письмо, а передо мной на столе твой подарок мне. Ты помнишь лесовичка, которого ты сам сделал и подарил к 1 января 1895 года? Смотрю на него и плачу по-стариковски. Мне уже девяносто первый год, стар, слаб, пока не болю, но чую, недолго осталось на этом свете. Кроме тебя и брата, родных у меня не осталось. С этим письмом получишь мой подарок. Отнесись к бумагам в пакете очень серьёзно. Это твои деньги. Распоряжайся ими с умом. Помнишь, на Витиме я учил тебя бивуачить и по уму ловить рыбу. От души желаю тебе счастья. Я много работал, часто грешил, а вот счастья человеческого почти и не видел.

Если я отойду в мир иной, хотел бы оставить тебе две дорогие для меня вещицы. Это моя икона с Николаем Чудотворцем и простенький бронзовый подсвечник. Ты их знаешь. Перед этой иконой мы с тобой молились вместе неоднократно, а подсвечник всегда стоял на моём столе. Ты ещё называл его —

тяжёлый. Ещё раз повторюсь. Эти вещи твои и память обо мне. Хочу, чтобы они всегда были при тебе. Если подумать, то они о многом расскажут.

Бог даст свидимся, а нет, на то Господня воля.

P.S. Береги иконку и подсвечник – это будет последнее, что я хочу тебе оставить на этом свете. Твой любящий Дед. Иркутск, 1898 г.».

На другом листке второпях рукой деда было ещё что-то. Сева взял этот листок и прочёл:

«Если придётся трудно в жизни, обратись за советом к сыну А. А. Половцева, Половцеву Сергею Александровичу. Он всегда поможет. Человек порядочный».

Сева ещё раз перечитал письмо. В памяти быстро промелькнули их с Дедом поездки по тайге, сноровистость деда, его добрый, иногда суровый взгляд. И вот он пишет, что совсем плох. А ведь это единственная ниточка от чего-то родного. Он опять вспомнил приют для бездомных детей, а вот как он туда попал и откуда, память об этом молчала. Дед же знает всё об этом, но почему-то ничего никогда не говорил и сейчас не написал. Это уже пару лет не давало покоя юноше. Свою приютскую фамилию он не знал.

Послать документы фельдсвязью надоумил старца Василия его давний знакомый, служащий при канцелярии генерал-губернатора по делопроизводству. Василий боялся отправлять денежные документы обычной почтой и с оказией.

За большие деньги пакет Василия был отправлен в столицу, как государственные документы, в адрес военно-учебного заведения.

Сева же, забыв про свои миллионы, вновь и вновь читал письмо Деда. Он сообразил, что в этом письме есть ещё что-то, что он должен понять. Очень хотелось снова с Дедом в тайгу. Это было по-настоящему счастливое прошлое. А что будет дальше?

Заветная карта, подсвечник и икона старца Василия

Единственное годное в гражданской жизни дело, которому был когда-то в молодости обучен кавалергард Василий Дворжевский, он же Василий Авенирович Попов, он же старец Василий, была топография. И недаром такой крупный горный инженер-геолог как Овручев В. А., поняв, что Василий легко ориентируется по любой карте и сам может сделать не только глазомерную карту-схему, но и провести мензультную съёмку, пригласил его с собой на поиски и оценку золотых месторождений в дальнюю тайгу. Рисованные им карты были аккуратны, красивы и точны. Много лет проработав с Овручевым по тем местам, где вообще никаких карт не было, кроме очень приблизительных мелкомасштабных, Василий сам создал карту практически неведомых земель от долины реки Лены, точнее, от той её части, где она течёт близко к 60-й параллели, и несколько южнее почти до 55-й параллели и по долготе от 110° до 125° (от р. Алдана на востоке до Баргузинского хребта на западе).

На карте были все горные хребты, реки с притоками, населённые пункты, стойбища, тропы, перевалы, болота. Многие реки и их притоки с ключами и падами были нанесены на карту впервые. Названия рек, ручьёв на этой карте были нанесены мелким, каллиграфическим, различным только в лупу почерком.

Карта была покрыта разными значками. Вначале это были места приисков, где добывали рудное золото, а также места и точки, где было найдено богатое шлиховое золото или богатые кварцевые жилы с драгоценным металлом, но по каким-то причинам не разрабатывающиеся. Позже, лет через пятнадцать, значки на карте стали иными. Это теперь были крестики чёрного, красного и зелёного цветов, возле которых стояли маленькие цифры. На карте было одиннадцать крестиков чёрного цвета, некоторые были поставлены в самых диких, практически безлюдных и гиблых местах. Тридцать шесть красных крестиков были размещены поближе к посёлкам и приискам. Зелёных крестиков было три, они легли на карту вблизи Бодайбо.

Эти значки поместили те места, где старец Василий спрятал свои клады со шлиховым несправедливо полученным золотом.

Чёрные крестики — крупные клады, красные — мелкие, а зелёные — клады с золотыми самородками весом от 1–5 золотников до полфунта и даже более. В условных обозначениях к карте эти значки не объяснялись. В части цветных крестиков карта была немой. Именно эти разноцветные значки и были главной тайной, секретом старца Василия. Тем не менее расшифровка значения значков существовала, но отдельно от карты на трёх листках плотной клетчатой бумаги.

На этих листках рядом с цифрой, обозначающей номер клада, была цифра в кружке, обозначающая вес золотого клада: в пудах — для чёрных крестиков, в фунтах — для красных и в штуках (количество самородков) — для зелёных. Значение этих цифр в кружочках также нигде в тексте не объяснялось. Возле кружка с цифрой словами, очень лаконично и наглядно были описаны приметы, по которым можно было определить место клада.

Карта размером с четыре двойных листа из обычной тетради складывалась гармошкой, а потом пополам, и становилась размером с один лист. Прятал её Василий в небольшой иконе. Сзади к доске была прикреплена дощечка с прорезью на толщину карты. Цвет этой дощечки не отличался от цвета доски, на которой писалась икона. Крепления серебряного оклада были своеобразными зажимами. Эту икону старец всегда возил с собой в специальной коробке, обитой жостью, под замком. Там, где он заживался на 3–5 дней и более, икона ставилась в красном углу. После пятидесяти лет старец вдруг вспомнил о Боге и подолгу молился перед этой иконой.

Бумажки с цифрами для карты хранились отдельно. У массивного бронзового подсвечника в четырёхгранной оправе была высверлена пустота и особым движением открывалось дно. Туда и попадали скатанные в трубочку листки с цифрами и приметами.

Этот подсвечник старец возил, как и икону, всегда с собой, куда бы ни ездил. Подсвечник был тяжёлый, почти четыре фунта весом. Вместо одной свечи, надев на него съёмную люстру, можно было заложить сразу шесть свечей. При этом одна свеча была в центре. Этот подсвечник не был произведением искусства, скорее он был грубоват, но имел ещё одну секретную особенность.

Кроме открывающейся подставки, его верхняя часть могла вывинчиваться из нижней массивной пирамидообразной части. Если вывернуть верхнюю часть, то открывалось отверстие глубиной в вершок. Там Василий хранил яд в упаковке из-под конфеты. Этот яд имел вид светлых горошин, растворявшихся в водке, а ещё лучше в питьевом спирте, без осадка, не меняя вкус и цвет растворителя. Свою силу яд сохранял около года, и старец регулярно его менял на «свежий». Знал он одного бурята, который за хорошие деньги изготавливал сие снадобие.

Составом яда покупатель не интересовался, однако знал, что трёх таких горошин на бутылку водки или спирта достаточно, чтобы после выпивания даже чайной ложки этого зелья человек уже ничем интересоваться не мог, он погибал, тихо впадая сначала в сон. Запасливый старец Василий всегда икону держал при себе. На всякий случай. И ведь были эти случаи.

Новый Тимоха

Зря искал старец Василий своего компаньона по тёмным делам в Иркутске. Он уже жил в Чите со своей законной женой Марфой.

Забрав из золотых кладов Василия один крупный (два других не смог найти, хотя знал о трёх) и получивши таким образом девяносто шесть килограммов в химически чистом золоте, прибавив к ним свою долю, которая составляла почти полтонны шлихового золота и кое-что скопленное Марфой, начал новую жизнь.

Удачно продал китайцам две трети металла, а остаток, по старой привычке, спрятал в тайге на чёрный день. В сорока верстах от Читы у него было отстроено новое охотничье зимовье, вблизи которого он оборудовал тайник.

В городе он жил на частной квартире с отдельным от хозяев входом, а в это время артель хорошо оплаченных мужичков строила ему двухэтажный дом и обустраивала по сибирской традиции службы — конюшню, баню, сарай и отдельный флигель для гостей. Занимательно было то, что, сам того не ведая, он заказал строительство своё на подобие того, что видел у купца Сурова в Бодайбо.

Помня то, как старец Василий запасал законные, «чистые» документы, он добыл все необходимые бумаги частного золотопромышленника и именовался теперь Тимофеем Ивановичем Гладышевым. Откупил в центре города магазин со складами, где хозяйствовала его жена. Та, зная с детства городскую жизнь, очень быстро преобразовала лесного бродягу и грабителя Тимоху в эдакого городского господина при деньгах. Бывший лесной разбойник не без скрипу преобразовывался в Гладышева Тимофея Ивановича, делового человека с положительной репутацией.

После серьёзного банкета в лучшем ресторане он был принят в круг промышленников и купцов города. Крупные пожертвования на народное образование, приют для сирот и храм, сделанные незадолго до банкета, способствовали признанию семейства Гладышевых как почтенных людей города.

Переезд в Читу был обставлен так, что знавшие их люди не ведали, куда девалась эта пара, Тимоха и Марфа.

Вскоре они въехали в новую усадьбу. Нанятой прислуги вместе с тремя поварами, истопником и горничными было пятнадцать человек с очень пристойным жалованием. Сторожей и домоправителя нанял лично Тимофей Иванович. То, что он их знал давно, сомнений у Марфы не вызывало, а об их жаловании она мужа никогда не спрашивала. Домоправитель и сторожа жили при доме в отдельных комнатах. Домоправитель столовался вместе с хозяевами, а один из сторожей всегда исполнял должность кучера, когда хозяин выезжал из города по делам. Для городских поездок у семейства было два экипажа.

Те четыреста килограммов золота, что исчезли в тайге под Бодайбо и о которых страдал старец Василий и шумела вся округа (бандитская доля Василия), Тимофея Ивановича не волновали. Он точно знал, где это золото лежит, то есть спрятано, и кроме него место это никто указать не может. Четверых свидетелей, которые ему помогали оборудовать тайник, он застрелил и засыпал в старом шурфе вблизи заброшенного прииска. Того, чего больше всего боялся старец Василий, то есть убивать его, Тимофей Иванович делать не собирался, да и золотом заниматься в будущем он не хотел. Слишком тяжёлая и грязная работа, да и скрываться годами, всегда быть настороже он устал. В отличие от старца Василия он не стал богомольцем, но прошлую жизнь вычеркнул навсегда. Заметим, что не каждый способен забыть прошлое.

Конец старца Василия

Старец Василий, отправив письмо внуку в Питер, глубоко вздохнул и вдруг почувствовал, что ему совсем худо. Он позвал человека и послал его за доктором. Сам снял сапоги и прилёг на диван. В голове всё закружилось, по телу холодной волной прокатилась страшная слабость. Прибывший вскорости доктор определил сердечный приступ, сделал укол, дал выпить капель и строго-настрого запретил вставать целую неделю. Ивану объяснил, как и когда давать старцу пилюли, порошки и капли.

Старик, коему несколько полегчало, лежал и мучительно перебирал в голове дела, которые он не завершил. Их было немного, и все они, кроме одного, не требовали особых усилий. Дело было в семи фунтах золотого песка, которые были здесь же в домине, который купил в Иркутске многоликий старец Василий на имя почётного гражданина г. Томска. Домик был каменной кладки. В трёх саженьях от стен имелся металлический кованный из стальных прутьев забор с массивными воротами. Сзади в заборе маленькая металлическая калитка, а в доме была сделана вторая дверь на задний двор. Окна с двойными рамами, между которыми крепкая решётка на каждом из них. Прутья решётки толщиной с палец.

В этом доме раньше жил смотритель государевых приисков, которого перевели в столицу на должность товарища министра по делам финансов и золота. Продав дом, чиновник показал Василию тайник, замаскированный под печь в спальне. Тайник открывался сам, если открыть поддувало печки и приподнять его заслонку вверх

и надавить на верхнюю её массивную кромку слева. В нижней части печи сдвигалась облицовка — и легко вынимались два кирпича. За ними была полость объёмом с ведро. Для того, чтобы закрыть тайник, надо было вставить кирпичи на место, опустить заслонку вниз и надавить на её нижнюю кромку, но уже справа. Если просто открывать и закрывать заслонку поддувала, тайник не открывался. Именно там и лежало золото, которое беспокоило Василия. Чувствуя себя плохо, старец позаботился о том, чтобы в случае его смерти дом достался внуку. Документ с дарственной он отправил вместе со всеми бумагами в Питер наследнику. Это золото Василий держал на всякий случай. Он твёрдо знал, что за золото как человек, так и государство может купить всё, кроме продления жизни. Местному доктору он платил очень много. Один его визит к старцу оплачивался годовым жалованьем врача в казённой больнице.

У Ивана, который при выходе доктора после вызова передавал ему пакет, было ещё восемь таких пакетов. Два он уже вручил лекарю. Василий предупредил врача о том, чтобы тот молчал о сумме гонорара за лечение, и когда тот вскрыл дома первый из пакетов, то был потрясён щедростью пациента. Подобных больных у него никогда не было. Врач, естественно, делал всё возможное, чтобы поддержать жизнь и силы старца, хотя уже понял, что жить старику осталось немного. Сердце у того работало очень плохо и в любой момент могло остановиться.

Старец очень редко выходил из дома, а за ним из соседнего домика, что напротив через улицу, наблюдали четыре глаза. В доме, слегка покосившемся от времени, жила бабка Евдоха со своим мужем и сыном лет тридцати. Отец имел пароконную упряжку и занимался извозом, а сын ходил на речных судах летом, а зимой бездельничал. Его редко видели трезвым. Он шлёлся по

злачным местам, часто дрался, в церковь, в отличие от матери, не ходил. На улице его побаивались. Так вот, отец с сыном знали, кто раньше жил в этом доме. Они поняли, что новый владелец человек не бедный, раз купил такие хоромы из кирпича. Видели они, что в доме всего двое стариков.

В молодости сосед работал на приисках и однажды сорвал куш. Он пришёл в контору прииска отпроситься на неделю к умирающему отцу (мать прислала весточку) и увидел в соседней комнате пронумерованные мешочки с металлом. Эта дверь всегда была закрыта, и в передней сидел охранник при карабине. В момент его прихода в помещении никого не было, а в соседней комнате кто-то ходил и что-то двигал.

Мешочки лежали в два ряда, рядом стоял ларь с двумя ручками. Это туда их сложат для перевозки. Он хотел окликнуть человека в золотоприёмной комнате, но, подумав секунду, не стал этого делать, а вышел во двор и огляделся. Никого кругом не было. На прииске шла промывка песков, и у домиков и барака было пусто.

Рядом с конторой лежала кучка свежесрубленных дров и валялся колун. Схватив его, пришелец снова вошёл в контору. Дверь так же была открыта. Он встал за дверью и подал голос. Из комнаты выскочил приёмщик. Получив удар по голове, рухнул лицом вперёд без движения. Схватив два мешочка, злодей хотел бежать, но потом понял, что сможет унести ещё один. Каждый из мешков весил по десять фунтов. Один мешок он бросил за пазуху, подтянув ремень, два других взял в руки. Когда он выскочил на улицу, здесь всё так же было пусто. Никто его не видел. Он метнулся за контору в тайгу. Отбежав с полверсты, спрятал мешочки под камнями и вернулся туда, где за час до этого готовил деревянные клинья, распиравшие решётку на золотопромышленном шлюзе.

Только он взялся за очередную плашку и топор, как прибежал мужичок за клиньями.

Наш герой нагрузил его готовыми, сам взял в руки ещё 4 клина и вместе с гонцом отправился к шлюзу, где закончилась съёмка шлиха и промприбор готовили к промывке. Когда они принесли клинья и разбросали их по местам, прибежал артельщик с криком: «Семёныча-золото-промышленника убили, золото украли!..» Все кинулись к конторе. Убийца вместе со всеми. Труп уже вынесли на улицу и покрыли шинелью.

Казак-охранник бил себя в грудь и говорил, что вышел на минуту до ветру (живот болит). Горный мастер вышел из конторы и отправил всех на работу. Через неделю прибыло начальство, всех допросили. Особо о том, кто, кого и где видел тем утром. Решили, что либо охранник, либо прохожий варнак. Охранника увезли в город. На приёмку золота прислали нового человека. Золотоприёмную кассу перевели в другую комнату с отдельным входом. Охранников стало трое.

Варфоломей, так звали грабителя, до конца промычного сезона прилежно работал со всеми вместе. Осенью по первому снегу вернулся, принес в котомке тридцать фунтов шлихового золота. Больше он в тайгу старался не ходить. Купил дом, трёх лошадей, телегу, лёгкую коляску, женился.

С той поры прошло уже лет сорок. Однако человеком он был прижимистым и часть металла закопал за домом в корнях молодой лиственницы. За это время дерево выросло, и под кладом он сделал лавочку и деревянный столик. Летом на стол ставили самовар, и хозяин с женой пили чай в тенёчке. Случай с обустройством своей жизни в молодости он никогда не вспоминал. Зная характер сына, о спрятанном золоте никогда ему ничего не говорил. Не знала о нём и жена.

Случилось так, что, наблюдая за соседом в богатом доме, вслух не сговариваясь с сыном, они решили «посмотреть», как живут те два старика, к которым приезжает важный доктор или какие-то серьёзные господа, а то и офицеры.

С наступлением лета старцу полегчало, и он иногда часами сидел на крытой верандочке перед входом. Пил чай или читал толстую книгу. Это были «Жития святых».

Первый раз за много лет сын соседа не подрядился матросом, как это было всегда.

Как-то с утра, когда старец сидел на крылечке и пил чай, его слуга Иван куда-то уехал на коляске, которая была к воротам.

По дорожной одежде отец с сыном поняли, что один из стариков уезжает, возможно, надолго. Как проникнуть в дом, злоумышленники придумали заранее.

Возле городской управы на заднем дворе в куче мусора нашли большой конверт с написанным адресом и казенной печатью почтового ведомства. Положили туда сложенную по его форме газету. Решили, что Варфоломей с «письмом» постучится в дом старца, а сын будет стоять сбоку. Когда дверь отойдет, они сильно её толкнут, хозяин отлетит внутрь и упадет. Они накинута на него мешок, свяжут и поищут что-нибудь в доме, а потом тихо уйдут.

Под вечер так и сделали. Варфоломей стал стучаться в дверь, а сын встал сбоку от неё. Старец подошел к двери и спросил: «Что надо?» Снаружи ответили: «Вам письмо, просили передать побыстрее!» Василию что-то не понравилось, и он сказал, что сейчас откроет, только ключ возьмёт. Вернулся в комнату, достал наган, проверил его, изготовил к стрельбе и, подойдя к двери, которая была закрыта на две задвижки, вставил ключ в скважину, сдвинул задвижки и, открыв замок, отступил вглубь коридора.

Взяв оружие наизготовку, он сказал: «Входите, господа!» Дверь резко открылась, в неё буквально ввалился человек с письмом, а за ним в проёме появился второй. В голове Василия мелькнуло — так приличные люди не входят, и он дважды выстрелил, сначала в проём двери, а затем в поднимающегося с полу «письмоносца».

Оба лежали на полу у ног старца. Тот перешагнул через лежащих, закрыл дверь на задвижки и, вернувшись, принёс лампу из комнаты. Прибавил свет и разглядел валявшихся у его ног людей. Обоих соседей он признал сразу. Поднял письмо. Прочитал адрес городской управы, вскрыл конверт, вынул газету месячной давности, проглядел её и всё понял. Он стрелял в грабителей. Письмо — предлог для проникновения в дом. Чутьё не подвело старого волка. Отцу и сыну досталось по пуле. Сыну прямо в лоб, а у отца пуля вышла над ухом. Василий уменьшил свет керосиновой лампы, поставил её на полку в коридоре и, приоткрыв дверь, выглянул наружу. На улице было темновато, но никого видно не было. В доме напротив было темно.

В конце коридора было три двери — одна из них на кухню, где был погреб. Старец открыл его, кряхтя, спустился вниз, держа в руках лампу. Стены погреба были каменные, а вот пол — земляной. Ближе к лестнице стояли кадушки, банки с соленьями, а у дальней стены ящики с картошкой.

Задвинув под лестницу банки и горшки, хозяин медленно вылез, поставил лампу на стол. Взял тряпку, вышел в коридор, замотал ею голову Варфоломея и поволок его на кухню.

Сердце от напряжения колотилось, как паровой молот. Спихнув тело в люк погреба, он снова вышел в тот же коридор и стал волочь молодого. Когда он его перетягивал через порожек кухни, что-то звякнуло. Он бросил

ногу трупа на пол и подошёл посмотреть. Сбоку валялся широкий нож. Раньше подобные ножи он видел, но не мог вспомнить, где.

Доволок очередную тяжесть до люка и отправил сына к отцу. Закрыв погреб, подобрал нож и снова вышел в коридор с лампой. Посмотрел пол. Кровь разлилась двумя лужицами. Одна побольше, другая совсем маленькая. Плеснув на лужицы воды из ведра, старец взял тряпку, собрал воду в ведро, вышел и выплеснул её на траву. Вернувшись, достал щётку и кусок мыла. Вымыл пол, умылся, закрыл двери и вернулся в горницу.

Достав бутылку с шустовским, налил себе полстакана и выпил. Усевшись в кресло, стал думать, почему его надумали грабить. Он жил тихо. Всё, что делалось, было скрыто от глаз посторонних, и тем не менее... На столе стоял массивный подсвечник, в красном углу передней горела лампада. Василий хотел перекреститься, но руки его не слушались. Резкая боль в груди, дальше чернота в глазах, керосиновая лампа превратилась в три, потом шесть ламп, и хоровод огней закружился в неприглядном мраке...

Утром приехал Иван. Постучался, затем, не дождав-шись ответа, нашёл ключи, покрутил ими в замке и, поняв, что дверь на задвижке, обошёл дом, открыл заднюю дверь и, войдя, закрыл её изнутри.

В горнице хозяин — старец Василий — сидел в кресле с открытыми глазами и не шевелился. «Никак умер» — с испугом подумал Иван. На столе рядом с бутылкой коньяка и стаканом лежал наган. Неужели сам себя? Страх сковал настолько, что и двинуться с места вошедший не мог.

Через какое-то время, очухавшись, он подошёл к хозяину, закрыл ему глаза, почувствовав холод, исходящий от неживого уже человека. Взял со стола наган. В барабане

не хватало двух патронов. Рубаха на хозяине была чистой. На голове ран не было. Что-то здесь не так. Вышел в коридор, затем в кухню. От порожка к погребу вела тропка из красного цвета точек. Крышка погреба была закрыта неплотно и несколько выступала над полом. Он открыл погреб. Внизу было темно, но на первой ступеньке лестницы он увидел засохшую кровь. Ивану стало ещё страшнее. Он взял лампу, засветил её и стал спускаться вниз. Когда свет лампы разогнал темень погреба, он чуть не упал от того, что увидел внизу. В странных позах крест-накрест на дне погреба лежали два трупа, лиц которых видно не было. И здесь мёртвые...

«Господи, ну что ж это такое!» — прошептал совсем уж огорошенный человек и своих слов не услышал. Спустившись вниз, он повернул к свету сначала одну, затем и вторую головы трупов. Соседи! Как они сюда попали? Кто их? Но тут всплыл наган хозяина без двух патронов. «Так это он их, а потом сам умер», — зная о болезнях Василия, догадался Иван и быстро вылез наверх, плотно закрыв погреб.

Он сообразил также, что сразу бежать за врачом не след. Первое, что он сделал, — это оттер капли крови на полу кухни и верхней ступеньке погреба, затем осмотрел коридор и понял, что Василий мыл пол здесь.

Мыло и щетка валялись не на месте. Убедившись, что и в коридоре, и на кухне чисто, открыл дверь и уселся на веранде, раздумывая, что делать дальше. Два чужих трупа в погребе — вот что заставляло его сидеть и размышлять.

На улице по случаю воскресенья уже появились люди, а на скамейке у дома напротив сидела жена Варфоломея и озабоченно поглядывала то в одну сторону, то в другую. Иван сообразил, кого она ждёт. А ещё Иван подумал, что все трупы могут ему приписать.

Он вбежал в дом, закрыл дверь на задвижку, взял лопату и полез в погреб. Отодвинув ящики с картошкой, стал копать узкую яму вдоль задней стены погреба. Часа три он копал, дважды вылезая и прикладываясь к ведру с водой. Потом свалил в яму обоих, засыпал землей, разровнял остатки её по полу. Переставил ящики на место, банки и кадки выдвинул к ящикам, потоптался, утрамбовывая землю у лестницы и вылез в кухню, закрыв плотно крышку погреба-могилы. Переоделся и побежал к доктору, не забыв спрятать наган и остатки денег для него, оставив один конверт на полке. Доктор, двое из полиции вместе с Иваном подъехали к дому через час.

Жена Варфоломея всё сидела на лавочке, ожидая мужа и сына.

Доктор написал какую-то бумажку, подписал другую у полицейских и, получив очередной, последний, конверт с гонораром, уехал. Ивана спрашивали под запись ещё минут сорок и, уходя, полицейские приняли по стакану шустовского в помин души усопшего от сердца раба Божьего почётного гражданина г. Томска...

2003–2004

Краткая биографическая справка

Сурков Александр Владимирович родился на окраине Москвы, в Богородском, 4 марта 1944 года. С осени 1957 года занимался в геологическом кружке Центральной станции юных натуралистов (ЦСЮН), что была в Ростовском проезде между платформами Маленковская и Яуза Ярославской железной дороги. В первую свою экспедицию поехал в 1959 году в Западные Саяны. В 1961 году окончил школу рабочей молодежи № 79 в Измайлове. Работал в геологических организациях коллектором, младшим техником-геологом на Тянь-Шане, Урале, в Волгоградском Поволжье. В 1964 году поступил на геолого-разведочный факультет МГРИ им. С. Орджоникидзе. В 1966 году перевёлся на вечернее отделение геологического факультета МГУ, продолжая работать в геологии на Камчатке, в Хибинах и Южном Приморье. В 1970 году окончил геологический факультет МГУ, одновременно работая начальником геологической партии, которая проводила полевые сезоны в Северо-Западном Приохотье на побережье Охотского моря. Работы на Дальнем Востоке были связаны с поисками россыпей золота. С тех времён удалось поработать на россыпях в Якутии, на Чукотке, на побережье Северного Ледовитого океана, на Алтае и в Забайкалье.

С 1965 по 1983 гг. в свободное от основной работы время работал в городском Дворце пионеров и школьников, что на Воробьёвых горах. Вёл геологические кружки для школьников в отделе туризма и краеведения. Более 70 ребят, посещавших кружки в разные годы, стали геологами. Ездил со школьниками в Хибины, на Урал, по Подмоскovie.

В 1980 году защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата геолого-минералогических наук.

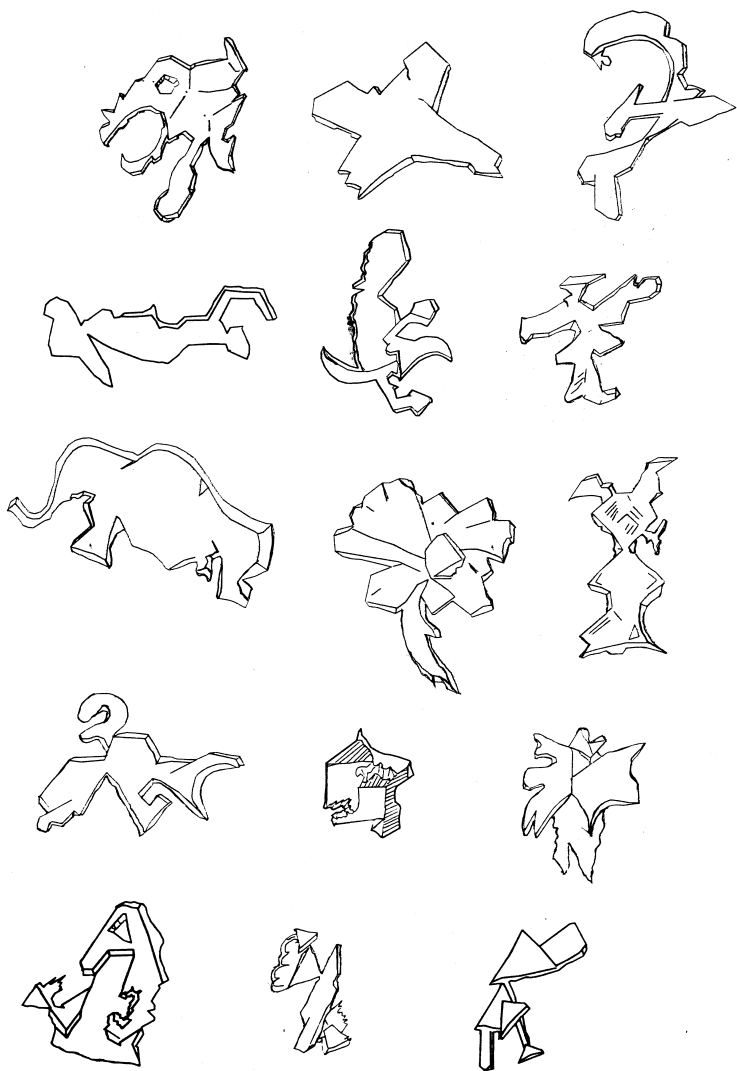
С 1980 по 1982 гг. работал главным геологом Министерства геологии РСФСР. Был единственным беспартийным главным геологом в аппарате Министерства. Убыл из аппарата по собственному желанию и в течение ряда лет преподавал геологию в Тимирязевской академии. В системе геологии ему выдали «волчий билет»: на работу не брали, так как из центрального аппарата Министерства уволился сам. Это было неким «наказанием» за уход вопреки мнению руководства.

С 1986 по 1990 гг. работал старшим научным сотрудником в Центральном научно-исследовательском институте цветных и благородных металлов (ЦНИГРИ Мингео СССР). В 1990 году первый раз поехал в Африку в республику Гвинея, где занимался россыпным золотом. По возвращении был приглашён преподавать в Геолого-разведочный институт на кафедре Океаногеотехнологии, где и работал до 2004 года, читая специальные курсы по золоту и алмазам, морским месторождениям и россыпям. Издал две монографии по методике изучения россыпей. Имеет более 120 научных статей.

После 1990 года работал в Монголии, Анголе, Израиле. Провел 12 полевых сезонов в Гвинее на поисках и оценке россыпей алмазов и золота. 24 сентября 2007 года отметил свое 50-летие в геологии. За 45 лет трудового стажа в геологии награждён медалью «Ветеран труда», а за работу со школьниками во МГРИ им. С. Орджоникидзе на школьном факультете и в городском Дворце пионеров — знаком «Геологическая служба России». Продолжает работать в геологии: занимается любимым делом — россыпями золота и алмазов.

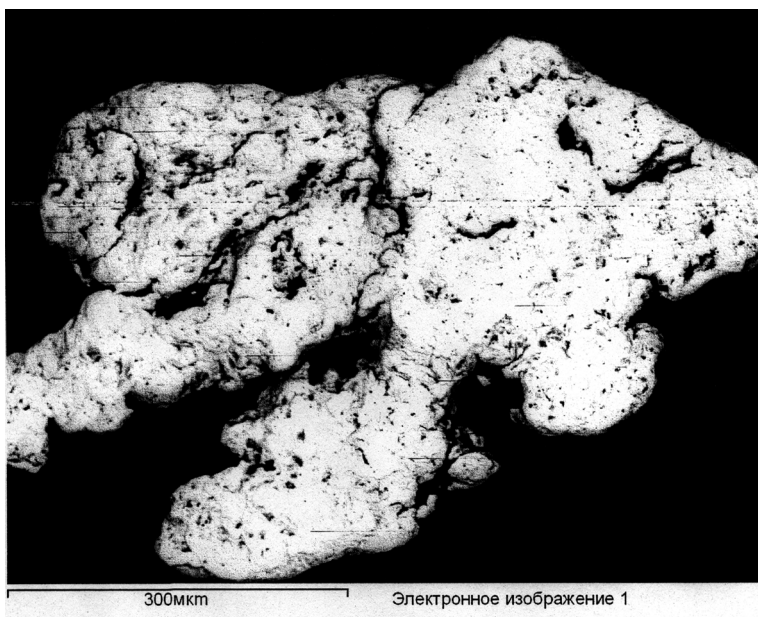
Женат, имеет двух детей и внучку: дочь Александра (кандидат наук), сын Николай (историк, журналист), внучка Маргарита (школьница).

Причудливые золотины

Рисунки автора

Записовки под микроскопом при увеличении в 16^x
Эти причудливой формы золотины выбраны из 10000 золотин, прошедших через руки автора с 1967 по 1990 годы.

Электронная фотография россыпной золотинки

ISBN 9785903505142

9 785903 505142 >